

Записки неинтересного человека

1

Игорь Ушаков

САН - ДИЕГО
2010

Игорь Ушаков

Записки
неинтересного
человека

1

San Diego
2013

Дизайн обложки:
Кристина Ушакова

На лицевой стороне обложки:
Портрет автора

На задней стороне обложки:
Картина автора «Чашка кофе и герберы».

Copyright Igor Ushakov 2013

АЗЪ ЕСМЪ

Вы помните, конечно, романс «Утро туманное» на слова Ивана Сергеевича Тургенева? Там есть такая строка: «...вспомнишь и время былое, вспомнишь и лица давно позабытые».

Вот и мне захотелось вспомнить. И не свою жизнь, в общем-то, она достаточно обычна, а в основном – встречи с интересными людьми, на которых мне просто везло в моей жизни.

Так что это не мемуары в прямом смысле, а скорее сборник коротеньких рассказиков. Конечно, я не мог обойти молчанием и некоторые эпизоды из своей жизни, которые могут дать читателю представление не только обо мне, но и о не так давно ушедшей со сцены истории стране, о том, как мы жили, как любили, как по-донкихотски боролись с ветряными мельницами.

Возможно, именно это будет интересно для молодых читателей. Ну, а у моих сверстников это может всколыхнуть свои воспоминания о юных годах. А ведь юность всегда прекрасна!

Если после прочтения книги появится желание, пишите: igorushakov.

Игорь Ушаков
Сан-Диего, Новый Свет
Новое тысячелетие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕТРАДКА №1.....6

Пожалуй, самое раннее воспоминание * Сын Начальника Дальстроя
* Первая тройка в жизни * Чем сбили Гарри Пауэрса... * Мой
первый подчиненный * Гражданский подвиг, о котором мало кто
знал * «Отец фракталов» * Первая встреча с Юрием Николаевичем
Руденко * Груз принципиальности * Об одной скандальной защите
* «Юрьев день» на Физтехе * Пеннис-коктейль * «Опять сегодня
Никита глулости говорил...» * Кто же я?

ТЕТРАДКА №2.....46

Как собака сделала из меня человека * Художественное
самообразование * Почему я оказался в МАИ * Первая работа * Как
я попал на работу в QUALCOMM * Первая встреча с Борисом
Владимировичем Гнеденко * Встреча с гением * Советник
Сальвадора Альенде * Нет, нет! Все было добровольно *
Кандидатская * «Есть ли жизнь на Марсе...» * Как убивали негра и
кое о чем еще * Вы когда-нибудь писали чернилами? * Детей
обманывать нехорошо, но иногда нужно * Футбол в моей жизни *
Берегись автомобиля!

ТЕТРАДКА №3.....87

Казак-разбойники * Мои учителя * Кимбара и другие * Мое
призвание - радиотехника * Первая конференция * Невозможное
событие * Устами младенца... * Казис Шимонис - ученик Чурлёниса
* Встреча с отцом теории информации * Академия Наук против
академика Сахарова * Как выжила живучесть... * Во-первых, пятый
пункт... * Гордыня Ленинской стипендиатки * Встреча двух
шпионов * Святой Иннокентий * Первый поцелуй * Первая
операция на сердце

ТЕТРАДКА №4.....135

Полет в День Авиации * Лайма – по-латышски означает «счастье» *
 Болومتر * Почему я никогда не терял секретных документов *
 Удержите инженера... * Вот, когда я поверил Ленину * Неудачная
 попытка * Счастье совместного творчества * Человек-гора *
 Ушаков против Ушакова * Сын Бруно * Христуаскас, однофамилец
 Христуаскаса * Оказывается, быть порядочным – это заслуга * Умей
 и жить, и умереть достойно... * Я ударил американского ребенка... *
 Самый незабываемый день * Чернобыль * О том, как убивают в
 неотложке

ТЕТРАДКА №5.....174

Почем она – кровь... * Запоздалое извинение... * Как меня,
 исключая из комсомола, вдруг захотели принять в партию * Мой
 друг из КГБ, или Париж стоит обедни * Создатель «Черной
 смерти» * Яков Михайлович Сорин * Марк Лазаревич Галлай *
 Солженицын * Михаил Сергеевич... Ушаков * Докторская * Вэра...
 Надежда... Лубоф... * Как я уехал в Штаты всего на полгода... *
 Слава обретает себя * Отступить некуда – позади морква... *
 Церковь Иисуса Христа Святых последних дней

ТЕТРАДКА №6.....226

Клад с павлиньими перьями * Уроки психологии * Советские
 луддиты * «Напла коза на камень» * Дела издательские * Семинар
 по надежности * Николай Пантелеймонович Бусленко * Сагды
 Хасанович Сираждинов * Не достроив, начали перестраивать *
 ИГАС... I fuck! * Отлучение от аспирантуры * «Выпьем за балшого
 матэматыка!» * Человек, который всегда знал, чего он хотел * Спи
 спокойно, дорогой товарищ!.. * Американская идиома * Как Слава
 попал в анимацию * Справедливость или квартира? * ... И на том
 свете американский флаг! * Как я собирал трупы на колхозных
 полях

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ.....263

ТЕТРАДКА №1

ПРО ДЕТСТВО

Пожалуй, самое раннее воспоминание

Была последняя передвоенная новогодняя ночь, т.е. ночь с 31 декабря 1940 на 1 января 1941. Жили мы в Мытищах, в военгородке по месту службы моего отца. Родители пригласили в гости соседей, у которых был мальчик моего возраста с весьма необычным именем – Роальф, которого все звали просто «Ролик».

Кстати, судьба свела нас с Роликом еще раз, спустя уже много лет: мы учились с ним год в одном и том же 8-м классе в школе в Перловке, что по Ярославской железной дороге. Чем он запомнился мне тогда: он был неплохой боксер районного масштаба среди юношей. И вот однажды, победив нокаутом, он вдруг увидел у себя на майке кровь (нет, не свою – противника!) и... упал в обморок! Рассказывали, что судья поднял его за правую руку и держал победителя в подвешенном состоянии! Впрочем, это к новомуднему эпизоду отношения не имеет.

Итак, мы с Роликом оказались предоставленными сами себе. Было нам по пять лет, стали мы не помню уж во что, играть, и в результате каким-то образом оказались под столом. Стол у нас был старинный – огромный, дубовый, с толстыми рельефными ножками, таких столов вы теперь уже нигде не увидите. Тогда в моде были длиннющие скатерти, опускавшиеся едва ли не до щиколоток сидящих. И вот мы притаились под этим самым столом, окруженные ногами наших родителей и гостей и ножками стола.

По русскому обычаю, вышитые бутылки ставили под стол, и мы с Роликом стали пробовать, что в них осталось. Оставалось мало, но вы, наверное, знаете, что и из пустой бутылки можно «надоить» почти 30 капель. А много ли надо пятилетке? Одним словом, «набравшись», мы вскоре так и уснули под столом воистину мертвецким сном.

Что было потом, мы знаем только по многократно повторявшимся рассказам наших родителей. Где-то после боя

часов с Кремлевской башни и чоканья шампанским, кто-то из родителей очнулся: а где же дети? Бросились искать, облазили все комнаты, потом выбежали на улицу. Было по-декабрьски холодно, а мы пропали без пальто, которые остались висеть на вешалке! Вскоре почти весь военгородок был поднят на уши: искали всюду – по подъездам, по свалкам, в кустах. А нас, естественно, нигде нет!

А в это время моя бабушка, убирая со стола – надо же было чем-то отвлечься от горестных мыслей о потере любимого внука – полезла за пустыми бутылками под стол и нашла нас там сладко спящих и свернувшихся клубочком, как щенята...

Радость у всех была неопишемая. Нас никто не ругал, не наказывал. Наоборот мы стали почти героями, или, уж во всяком случае, виновниками последовавшего торжества.

Так что пить я начал довольно рано. Причем «из горла»...

ПРО ШКОЛУ

Сын Начальника Дальстроя

В Солженицынском «Архипелаге ГУЛАГ» вы можете найти фамилию начальника Дальстроя Никишичева. Нужно заметить, что Александр Исаевич ошибся: фамилия того человека была Никешичев, хотя, впрочем одна буква никакой роли не играет. Эту справку я привел просто так, ради исторической достоверности.

Так вот, папа-начальник решил послать своего сынка – круглого магаданского отличника – в Москву за получением весомой московской «золотой медали». Парень оказался избалованным и, естественно, крайне самонадеянным и наглым – он к этому привык, живя таким принцем при могущественном правителе Восточно-Сибирских лагерей. Но с учебой в Москве дело у него не пошло: мало было иметь отцом дальневосточного царя-батюшку, нужны были и собственные мозги. Сполз наш герой до четверок и троек. Как его звали, я не помню, так как он с гордостью носил именно фамилию. Он у нас был просто «Никешичев». Ну, да и понятно: если на вопрос, как тебя зовут, мальчик, ответит «Вася», то вас это не

впечатлит. А представьте себе, что он назовется «Сталин»? Каково?

Но не о том речь.

Мы учились в 9-м классе. Однажды на уроке истории произошел такой инцидент. Никешичев как-то недопустимо оскорбил Эдика Миронова, который сидел на предыдущем ряду. Тот, не оборачиваясь, размахнулся, как это делают пловцы баттерфляем, и врезал Никешичеву по морде лица.

Прежде, чем продолжать, замечу, что Эдик был здоровяк, один из лучших атлетов школы и даже чемпион Москвы среди юношей по бегу, кажется, на 60 метров. Как и все по-настоящему сильные люди, он был незлобив и, более того, – миролюбив и дружелюбен. Например, однажды случился такой эпизод. Сидели мы в кружочек в перерыве футбольного матча на первенство школы. Боря Мареев – маленький, юркий – подбросил полкирпича над Эдиком, который сидел, нагнув голову, и крикнул: «Эдик, смотри!» Тот поднял голову, и в это время его по лбушибанул кирпич! Единственная реакция потерпевшего была: «Ты что, Боря, совсем придурок?!» Так что можете представить, что такое Никешичев сказал Миронову, если тот ему влепил звонкую пощечину прямо на уроке!

Никешичев тут же вскочил и на весь класс заорал:

- Александр Акимович! Александр Акимович! Вы видели, Миронов меня ударил. Идемте к директору школы, вы подтвердите этот его хулиганский поступок!

Александр Акимович спокойно ответил:

- Никешичев, сядь, пожалуйста, на место... Во-первых, я ничего не видел. А во-вторых, Миронов ударил тебя за дело.

Вот так нас в школе неформально учили тому, что добро и зло – это не формальные категории...

Александр Акимович – наш любимый учитель, был учителем, что называется «от Бога». Он многому нас научил в жизни, хотя его предмета – истории – мы и не знали так, как знали математику или физику. Но в том была не его вина, а наши технократические устремления.

Он был фронтовик, прошедший всю войну и тяжело контуженный, когда наши уже вошли в Германии. Первые годы

(а вел он нас с четвертого класса, т.е. как раз после окончания войны) он задыхался и отхаркивал в платок кровь, был все время, что называется, «на взводе». Когда мы на уроках шкодили и выводили его из себя, он колотил указкой по столу, да так колотил, что она ломалась или расщеплялась.

У нас в классе был своеобразный закон: кто довел «Акимыча», как мы его звали, должен был на следующий урок принести новую указку. Александр Акимович всегда принимал указку с какой-то смущенной улыбкой и говорил, что извините, мол, сорвался в прошлый раз.

Для меня это был первый урок настоящих отношений взрослых с детьми. Я всегда просил прощения у своих детей, если кричал на них или незаслуженно наказывал...

ПРО ИНСТИТУТ

Первая тройка в жизни

Учился я в Московском Авиационном Институте на радиотехническом факультете. Учиться было легко, хотя я почти ничего не понимал, да и прилежанием не отличался: больше во время лекций готовил еженедельную (!) курсовую стенгазету, по вечерам играл в «козла» допоздна, а днем во время лекций зачастую еще и играл в футбол. Помогала хорошая база, полученная в средней школе. Но долго на этом не протянешь!

Начался третий курс. Пошли спецпредметы, среди коих базовым была радиотехника. На ней-то я и схлопотал первую в жизни тройку на экзамене. Самолюбие взбунтовалось, и я твердо решил эту тройку пересдать «на арапа».

Преподавал радиотехнику у нас замечательный лектор – Юрий Александрович Мантейфель. Он в дополнение ко всему обладал удивительным чувством юмора и был предельно доброжелателен.

Пришел я на пересдачу. Вытащил билет. Что-то то ли про частотную, то ли про фазовую модуляцию. Честно говоря, для меня и по сей день остается загадкой, чем они отличаются, а тогда и вовсе было тайной за семью печатями...

Кстати, если уж говорить начистоту, то мне – выпускнику радиофака МАИ – и сейчас недоступно для

«нутряного» понимания, как идет ток по проводам и почему летают по воздуху такие тяжеленные самолеты... Нет, я на любую из этих тем могу лекции читать, а вот в голове не укладывается: и как эта махина держится в воздухе?.. Все время чувствую себя Василием Ивановичем, которому на экзамене в военной академии досталось объяснить, что такое квадратный трехчлен!

Но не будем отвлекаться. Начал я бодро отвечать, понимая, что уверенность – это половина успеха.

- Что вы мне пересдаете? – Спросил Мантейфель.

- Радиотехнику...

- Это я понял из общей терминологии. Я имею в виду, какую оценку вы пересдаете.

- Тройку...

- Ну, вот теперь понятно! Пойдите-ка в деканат и спросите, могу ли я переправить вам тройку на двойку?

Все остальные пересдававшие вместе со мной аж рты разинули. Я уже говорил, что Мантейфель был весьма доброжелателен: я «уполз» с экзамена, сохранив свою законную (или вернее, - незаконную) тройку.

История эта имела продолжение. Лет 15 спустя, был я первым оппонентом на одной защите. Вхожу в зал заседаний Ученого Совета и вижу, сидят рядышком Мантейфель и другой наш лектор – профессор Гитис.

Подсел я к ним. Поздоровался. Представился. Оказывается, моя «подзащитная» – дочка Гитиса! А Мантейфель пришел «поболеть» за дочку друга. Я спрашиваю: «Юрий Александрович, а вы помните вот такой-то эпизод?», имея в виду мою передачу радиотехники. Он, вспомнив, чуть не до слез расхохотался и перерассказал его в деталях Гитису. Оба ржали чуть не в голос (благо, защита еще не началась). Потом Мантейфель добавляет:

- Я и вас хорошо помню – вы всегда были одним из лучших студентов на курсе. Вот и докторскую защитили раньше всех!

- Но Юрий Александрович, ведь тот пересдававший – это и был я!

Опять взрыв хохота. Я пытался сказать, что никто этот эпизод, кроме меня, самого Мантейфеля и еще двух-трех человек, и знать бы не мог.

Не знаю, убедил ли я своих бывших профессоров, но все это было именно так: никогда я радиотехнику не знал, а посему с радостью бросился в нарождавшуюся тогда теорию надежности...

ПРО РАБОТУ

Чем сбили Гарри Пауэрса...

После окончания института по распределению я «сыграл» в ящик... Этот был тот самый ящик, п/я 577, которым руководил один из крупнейших советских авиаконструкторов Семен Алексеевич Лавочкин. Это самолет его конструкции немцы во время войны называли «черная смерть»...

**Семен Алексеевич
Лавочкин**

Именно Лавочкин создал первый сверхзвуковой самолет: конкурирующие Микоян и Гуревич со своим МИГом опоздали почти на год, но сыграла свою роль «волосатая рука» старшего Микояна¹ – модель Лавочкина дважды «рубил» на Госиспытаниях из-за не столь уж значительных неполадок, откладывая следующие испытания почти на год... Так Лавочкин и опоздал со своим истребителем.

Именно Лавочкин создал первую в мире низколетящую «дальнобойную» крылатую ракету (кажется, под кодовым названием «Буря»), которая, используя тепловое излучение от городов и некоторые специальные на-

¹ Тот самый Анастас Иванович, который «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича».

земные ориентиры, была способна пролететь столько же, сколько и баллистическая ракета стратегического назначения, но на ужасно малой высоте... Именно Лавочкин создал первую управляемую баллистическую ракету стратегического назначения «Марс», ориентированную по звездам...

Кстати, пока не забыл: с испытаниями «Бури» был смешной казус. Стреляли по цели на Камчатке. Естественно, от ракеты оставались обычно «рожки да ножки». Посылали в тайгу солдат искать осколки (куски фюзеляжа, части двигателя и пр.), чтобы по координатам, где их нашли, оценить точность попадания. И вот, обнаружилось, что почему-то осколки странным образом группируются: кучка осколков тут, группа кучка – там, но между этими группками осколков были огромные расстояния. Конструкторы всполошились: в корпусе ракеты, видимо, какой-то дефект, раз происходит такой странный разброс осколков!

Я был в команде, которая анализировала статистику разброса осколков. (Дело в том, что в первое же лето после института я сломал ногу и, сидя на даче, прочитал «Теорию вероятностей» Елены Сергеевны Вентцель, став, благодаря этому, специалистом по статистике ящичного масштаба.) Мне пришла нелепая мысль: запросить осколки в Москву и посмотреть, какие они. Почему это мне взбрело в голову, не помню. Но как всегда, устами «младенца» глаголет истина!.. Оказалось, что все осколки из одной «кучи» оказались распиленными кусками! Дело было в том, что за каждый найденный кусок солдату платили трешник, ну, а почему бы не перейти на коллективный подряд? «Нашел сам – отпили товарищам!» Как в жизни все просто получается!

Но сам я попал на полигон полугодом позже, на испытания «изделия 400». Это была управляемая ракета класса «земля-воздух». Наземная система управления была по тем временам шедевром инженерной мысли: вычислительный комплекс этой системы мог управлять, кажется, 10 или 15 ракетами одновременно. Дальность стрельбы была 400 километров, откуда и кодовое название.

Однажды при запуске с полигона на Балхаше ракета потеряла управление и грохнулась где-то в степях южного Урала, попав то ли в отару овец и баранов, то ли в стадо коз и

козлов. Советскому животноводству был нанесен значительный ущерб (с мясом было и без того плохо). Жалобу животноводческого совхоза, направленную в Минобороны, естественно, отрикошетили в ОКБ Лавочкина... Мы сидели на полигоне, ожидая выволочки от Генерального Конструктора. Но вскоре руководство полигона получило Правительственную телеграмму от Семена Алексеевича:

«ПОЗДРАВЛЯЮ УСПЕШНЫМ ИСПЫТАНИЕМ
ИЗДЕЛИЯ 800 ТЧК
ЛАВОЧКИН».

Так ошибка вылилась в триумф: появилось «изделие 800», как пошутил Лавочкин.

Еще одно испытание едва не закончилось для всей нашей команды весьма трагически. Запускали «изделие 400» в очередной раз. Чтобы посмотреть пуск, мы забрались на здание командного центра – одноэтажного, но довольно высокого здания с плоской крышей. А нужно сказать, что пуск ракеты ПВО – зрелище потрясающее. Все привыкли смотреть по телевизору запуски космических кораблей, которые сначала зависают, потом медленно, будто нехотя, ускоряются и важно улетают, черти куда, исчезая в небе.

Пэвэошная ракета – это снаряд. Она больше всего похоже на «катюшу»: также срывается, как собака с цепи, и тут же мчится, сломя голову, сопровождаемая огненным хвостом. Спустя некоторое время, подается команда набора высоты, ракета наводится на беспилотный самолет-мишень и...

Итак, пуск... Но на этот раз ракета, пролетев положенное расстояние после старта, резко повернула и полетела назад, на нас! И это все на очень небольшой высоте! Как потом выяснилось, какой-то умник перепутал управление рулями курса и рулями высоты!

Было очень страшно, сознаюсь. Все стали прыгать с крыши, а я не решился: днем, играя в футбол в условиях «песочного стадиона», я подвернул ногу, и она дико болела. Я просто лег на крышу, распластавшись на ней блином. Кое-кто последовал моему примеру: а чем на земле-то безопаснее?

Ракета с воем пронеслась прямо над головой (по крайней мере, так мне показалось со страху) и грохнулась примерно в километре-полтора от нашей пусковой площадки.

Все же жертвы были. Дело в том, что вокруг командного центра по периметру была проложена бетонная дорожка примерно двухметровой ширины. За ночь ее заметало хорошим слоем мельчайшего песка, как у нас заносит снегом. Каждое утро солдаты сметали этот песок, очищая дорожку, наваливая при этом сбоку что-то напоподобие песчаного сугроба. Те, кто не допрыгнули до этого «сугроба», при приземлении на цементную дорожку оказались с травмами похуже, чем моя после какого-то несчастного футбола!

Да, кстати, вернемся к заголовку. Так чем же сбили Гарри Пауэрса? Ну, конечно, «изделием 400». Помните эту историю? Американский Президент Дуайт Эйзенхауер (как его у нас называли) был приглашен Никитой Хрущевым после официального визита посетить аж славное море священный Байкал. Там была уже проложена новая асфальтовая трасса от Иркутска до Листвянки... (Кстати, это была первая реальная польза России от американских президентов после войны. ☺) Но не тут-то было: пролетел вдоль-да-поперек по-над всей нашей необъятной Родиной американский самолет-шпион. Пытались его МИГами сбить – не достать («Дедка бил-бил – не разбил, бабка била-била – не разбила...»), а вот «изделие 400» свое дело сделало! («А мышка бежала, хвостиком махнула...»).

Хотя ходили слухи, что ракета в самолет не попала, а взорвалась где-то рядом, но американский пилот со страха катапультировался. Ну, и хорошо: убивать – это не по-христиански, а Россия ведь самозванно зовется «богоносной страной». Дай Бог ему, Гарику, здоровья, успехов и личного счастья в семейной жизни, как любил говорить один мой знакомый генерал!

P.S. Один из читателей в Интернете отругал меня за искажение исторических фактов, прочитав мое описание о том, как сбили Френсиса Гари Пауэра. Сознаюсь, что писал я про это по рассказам моих бывших сослуживцев. На самом деле, сбили Пауэрса ракетой С-75 подвижного ракетно-зенитного комплекса «Двина», разработки Расплетина (система управления) и Грушина (ракета). Кстати, мой отчим работал у Александра Андреевича Расплетина в КБ-1, и я даже видел А.А. однажды на какой-то неформальной

встрече, куда меня прихватил с собой мой отчим. А с сыном Генерального Конструктора КБ «Факел» Петра Дмитриевича Грушина – Сашей мы учились вместе в одном классе в славной 150-й школе.

Мой первый подчиненный

Моя вторая работа была у Якова Михайловича Сорина², человека заслуживающего особого рассказа. У Якова Михайловича я был третьим сотрудником: весь отдел состоял до моего прихода из трех человек - начальника отдела, его зама и помощника по режиму, отставного старичка-полковника. Потом появился я – первый и единственный подчиненный.

Как известно, все в мире либо развивается, либо умирает. Время умирать нам еще не пришло, а посему мы развивались. Стали появляться новые сотрудники и вскоре выяснилось, что и мне нужны помощники.

Не помню уж как, но в отделе кадров появился этаким молоденький старичок-боровичок. Звали его Юрой Конёнковым. Был он маленького роста, с живыми, но слегка смотрящими куда-то в пространство глазами. Выпускник Физтеха, работавший за 2 руб. 60 коп. почасовиком в каком-то вшивом техникуме. Мне предложили его в качестве первого подчиненного, и я, не раздумывая, его взял, поскольку благоговел перед Физтехом.

Было это в 1960 году. С этого началась моя дружба с Юрой, которая продолжалась до самой его смерти.

Юра был внуком всемирно известного скульптора Сергея Тимофеевича Конёнкова, который долго его не признавал, осерчав на своего сына, посмеявшегося жениться на еврейке. Дед признал внука, когда тот уже заканчивал институт.

Юра был человеком далеко не легким, если не сказать, что очень тяжелым. Он всю жизнь конфликтовал со всеми начальниками, до и после меня. Но у нас с ним отношения было прекрасными – видимо, сыграли свою роль взаимная симпатия и отношения на равных.

² Сорин Я.М. – известный инженер, организатор прикладных исследований.

Работали мы все время вместе, над одними и теми же задачами. Никогда не возникало вопросов об авторстве или приоритете, хотя в том возрасте – было нам по 25 – это случается нередко: ну, как же – первая идея возникла, и вдруг она единственная на всю оставшуюся жизнь? А тут дели с кем-то пальму первенства!

Жили мы рядом: я у гостиницы «Советской», а он около пашлычной «Антисоветской», называвшейся так в народе, поскольку располагалась она как раз напротив гостиницы «Советской» через Ленинградский проспект. По выходным я ходил к Юре, и мы играли блиц-партии в шахматы часов по пять-шесть кряду, доводя себя до состояния близкого к умопомешательству. К тому же, Юра пил все время буквально чифирь, заваривая пачку чая на литр кипятка. Помню, как однажды после такого «чая», идя от него домой, я переходил Ленинградский проспект и чувствовал, будто я лечу по воздуху, а машины проезжают сквозь меня, не оставляя следов. (После этого я перестал пить «конёнковский чай».)

По совпадению душевных наклонностей мы оба болели за московское «Динамо», а посему частенько ходили вместе на футбол, благо, что стадион «Динамо» был буквально в ста метрах от наших домов.

Ну, и выпивали, естественно, вместе. Вкус у Юры был подпорчен, видимо, в юности: он любил «портвишпок» и сладкое красное «винишко». Я предпочитал водку. (Впрочем, кто его разберет, у кого был вкус-то испорчен?) Вскорости, наши вкусы совместились. Да и что было делать: приходишь к Юре, а у него, кроме портвейна, и выпить нечего. А приходил он ко мне – у меня, обратно же – ничего кроме водки!

Даже когда мы «разбежались» от Сорина, мы продолжали с Юрой дружить так, как дружат, наверное, только друзья детства: бескорыстно, бездумно и безотчетно. Ездили вместе на конференции, написали несколько статей и даже две книги.

В шахматы играть перестали, но у нас появилась новая страсть: нарды. В них мы играли уже просто до сумасшествия: однажды проиграли с 4 часов вечера до 7 часов утра следующего дня, а потом так и свалились с ног!

Собственно, все это я пишу, чтобы понятнее был наш непонятный с Юрой поступок в те времена, когда мы работали у Сорина.

Вы помните, в январе 1959 года Фидель Кастро (кстати, с благословения тогдашнего американского президента) совершил переворот на Кубе. Американцы быстро уразумели, что пустили козла в огород, и начались вселенские неприятности. Правды о событиях никто в Союзе не знал, а бородатый и молодцеватый Фидель почти у всех вызывал только симпатию (конечно же – по сравнению с нашими «старпёрами»).

Мы с Юрой решили собрать деньги в фонд революционной Кубы. Как положено, составили ведомость и пошли в люди. Восторженных мальчишей-кибальчишей было хоть пруд пруди. Уже вскоре мы набрали приличную сумму и с гордостью принесли ее в Комитет ВЛКСМ нашего «ящичка». Тамошние молодые функционеры с любопытством на нас поглядели, но деньги под расписку взяли.

Мы были безумно горды первым в жизни гражданским подвигом! Но прошло дня два-три, вызывают нас в тот же комитет, где уже сидит какой-то «внешний», незнакомый нам чиновник то ли от партии, то ли от комсомола и начинает выговаривать нам, чтобы мы не лезли со своей инициативой, куда не следует. «Будет нужно, мы сами скажем, чтобы собирали деньги на что надо. А с этой инициативой вы еще и вашими комсомольскими билетами можете поплатиться!»

Так что бывало и так!

Конечно, судьба разбросала нас потом, но друзьями мы остались на всю жизнь. И даже друзья у нас были общие. Помню, однажды мы собрались мы у Володи Багдасаряна, который жил в доме в поселке «Сокол», конечно же, выпили, а потом пошли куражиться. Взяли красный флаг (они выващивались на каждом доме в дни престольных праздников – таково было писано-неписанное правило этого элитного поселка) и топали шеренгой по улочкам поселка, напевая пьяными голосами:

«Малая Земля... Бля-бля-бля-бля!

В душе сомнение...».

Обошлось без приключений, хотя и в брежневские времена такое могло аукнуться.

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Гражданский подвиг, о котором мало кто знал

Мне хотелось бы вспомнить об одной истории, о которой я узнал давно, но дал слово никому о ней не рассказывать. История эта касается Бориса Владимировича Гнеденко и раскрывает еще одно удивительное свойство этого человека.

На банкете, состоявшемся после защиты докторской диссертации Александром Дмитриевичем Соловьевым, Андрей Николаевич Колмогоров провозгласил примерно такой тост за Бориса Владимировича:

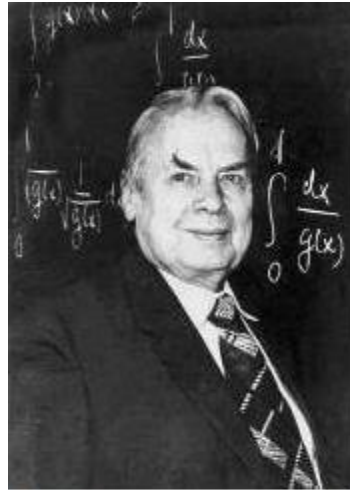
- Я хочу поднять бокал за Бориса Владимировича, который является лидером советской школы теории надежности. Но мне хотелось бы, в первую очередь, выпить за него как за гражданина.

Во времена «советского патриотизма» услышать такой тост от Андрея Николаевича, которому какие-либо «официозные» слова были совершенно чужды, было крайне необычно. Видимо, решил я, что-то особое кроется за этим тостом. Я не удержался и, подсев к Андрею Николаевичу, которого знал по встречам у своего Учителя – Гнеденко, спросил, что тот имел в виду, говоря о Гнеденко как о гражданине. Колмогоров ответил:

- Дело в том, Игорь Алексеевич, что Борис Владимирович в тяжелом 37-м году спас жизнь одному человеку.

Было ясно, что в дальнейшие объяснения Андрей Николаевич пускаться не собирается...

В один из вечеров, когда я пришел к Борису Владимировичу домой с подборкой материалов для очередного журнала «Надежность и контроль качества», где я был его замом, его что-то задержало на кафедре теории вероятностей в МГУ.

**Борис Владимирович
Гнеденко**

Наталья Константиновна, его жена, накрыла чай, как всегда, на столе, уставленном домашними вареньями разных сортов. За чаем я рассказал ей про свой вопрос Колмогорову. Наталья Константиновна поведала мне, что в 37-м на Колмогорова кем-то был написан подметный анонимный донос. Но НКВД играло «в чистую игру»: им нужно было свидетельство конкретного человека. Их «выбор» пал на Бориса Владимировича, друга и любимого ученика Андрея Николаевича. Гнеденко несколько недель продержали в подземных застенках на Лубянке, пытали ярким светом, не давая спать, доводили почти что до состояния безумия. Но никаких подсовываемых бумаг он так и не подписал, после чего его все же выпустили на волю. Колмогорова не тронули за отсутствием «подтвержденных фактов».

Наталья Константиновна сказала мне: «Только никому об этом не рассказывайте: ни Андрей, ни Борис страшно не любят об этом вспоминать».

Я бы и не рассказал, если бы сам Борис Владимирович в 1991 году во время одного из своих визитов в Америку, который я организовал через Университет Джорджа Вашингтона, не поведал бы об этом эпизоде в интервью для журнала «Statistical Science», когда его спросили, коснулся ли его советский террор 1937 года.

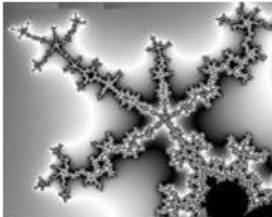
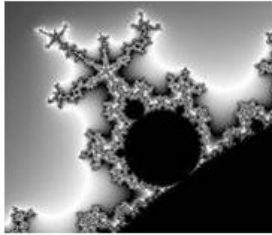
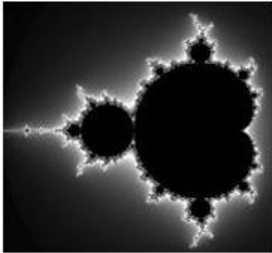
Об этом же эпизоде Борис Владимирович очень подробно рассказал мне и сам двумя годами позже во время своего последнего визита в Америку по приглашению американской телефонной компании MCI, с которой я тогда сотрудничал.

«Отец фракталов»

Кто не знает сейчас «отца фракталов» – Бенуа Мандельброта³? А я могу похвастаться, что он в 1969 году выступал у меня на секции «Вероятностные методы» на Международной конференции по исследованию операций, происходившей в Венеции. И одновременно, к стыду своему, признаюсь, что я тогда ничего не понял, чем уж так интерес-

Бенуа Мандеброт

но очевидное (как мне, необразованному, казалось) увеличение длины береговой линии Великобритании при увеличении масштаба карты. Правда, к моему оправданию, тогда Мандельброт еще не развил до конца своих методов построения фракталов.

Мандельброт построил красивейшую математическую теорию, позволяющую строить так называемые фракталы – геометрические объекты удивительной природы: каждая их часть при увеличении состоит из подобных же «узоров», что и исходная фигура.

Но именно не из аналогичных, а из подобных – это не простое разделение плоскости на все более и более мелкие квадратики или треугольнички (и так до бесконечности). Фигуры с «погружением» в объект отличаются друг от друга, но

³ Крупный современный математик, гражданин Франции и США.

остаются удивительно похожими «генетически». Чтобы не утомлять вас рассказами о красоте, я лучше вам эту красоту покажу. Обратите внимание, как маленькая «букашечка», которая едва видна на верхнем левом крае «фрактала-родителя», превращается в нечто похожее на своего «родителя». А на следующем рисунке внутри этих ветвистых «отростков» появляются маленькие точки, которые при дальнейшем увеличении масштаба опять оказываются «генетическими потомками» исходного фрактала!

Совсем недавно мне оказалось просто необходимым разыскать Мандельброта, так как я писал книгу «Истории научных озарений» и в главе про фракталы и их создателя, мне нужны были иллюстрации. Я написал Бенуа электронное письмо, напомнив, что мы встречались почти 40 лет назад в Венеции, хотя он, конечно же, не помнит меня. Я объяснил, что пишу книгу и мне нужно его разрешение на использование его фракталов.

Ответ был незамедлительный и очень теплый. Бенуа написал, что хорошо помнит нашу секцию, а меня запомнил из-за того, что мой акцент очень напоминал ему акцент его родителей – выходцев из Польши. Конечно же, он разрешил использовать все отобранные мною материалы и даже спросил не нужно ли прислать чего-нибудь еще.

Я очень пожалел, что упустил возможность связаться с этим удивительным человеком лет 20 тому назад, когда я только приехал в Штаты. Тогда ему было всего лет 65...

Первая встреча с Юрием Николаевичем Руденко

Впервые я услышал о Юрии Николаевиче Руденко⁴ в Болгарии от одного из его друзей – профессора Петра Тошева, с которым они оба учились вместе в Ленинградском Политехе. Петер дал мне адрес Руденко и сказал, чтобы я непременно с тем связался, так как может оказаться, что это будет интересно и полезно для нас обоих. И он оказался прав. Вернувшись из Софии, я сразу же послал письмо Руденко в Сибирский Энергетический Институт, где он был директором. Ответ последовал незамедлительно – Руденко всегда все делал, не откладывая.

**Юрий Николаевич
Руденко**

Вскоре Юрий Николаевич приехал в командировку в Москву, позвонил мне вечером домой и мы договорились о встрече на следующий день у меня дома в 8:30 утра. Однако в 7 утра меня сдернул с постели звонок из секретариата директора моего института (работал я тогда в одном из предприятий военно-промышленного комплекса). Меня срочно вызывали по поводу каких-то проблем, возникших ночью при испытаниях аппаратуры. Не проснувшись как следует, второпях одевшись, я помчался на работу и ... начисто забыл о встрече с Руденко!

Пришел я домой уже после восьми вечера и мне домашние сообщили, что ровно в 8:30 утра пришел Юрий Николаевич, был явно обескуражен моим отсутствием и, оставив записочку со своим телефоном, ушел. Вы понимаете, как человек – всегда предельно точный и даже чрезмерно аккуратный по части встреч – отреагировал на мое разгильдяйство. Ведь мог я хотя бы домашних попросить

⁴ Ю.Н. Руденко – крупный советский энергетик, академик-секретарь Отделения физико-технических проблем энергетики РАН.

извиниться за свое отсутствие из-за неожиданного вызова на работу!

Итак, начало наших отношений складывалось хуже некуда. Я тут же бросился звонить Руденко по оставленному им телефону, встретил холодный и достаточно жесткий голос, сожалеющий, что мы не сможем встретиться, поскольку завтра утром он улетает в Иркутск.

На улице лил проливной дождина... Стоя во время разговора по телефону у окна, я видел, что на улице напротив моих окон на стоянке такси стояло две машины. Я сказал, что не все еще потеряно и я буду у него через 15 минут. Он хмыкнул, дал мне адрес и сказал, что хорошо будет, если я приеду в такой дождь через час: он сам ехал ко мне на такси минут 30. Я рванулся к двери (азарт проснулся), без зонта, мокрющий влетел в такси и сказал шоферу, чтобы он мчал во всю прыть, за скорость – трешку сверху. Мы мчались, не глядя на светофоры, которые мутными пятнами светились вдали – «дворники» едва успевали сметать бурные потоки дождя... Благо, что в такую погоду любителей кататься на машинах и ходить по улицам практически не было. Мы домчались меньше, чем за 20 минут...

Мое появление в обещанный срок несколько исправило мою репутацию в глазах Юрия Николаевича, хотя «отрабатывать» потом пришлось долго! Поговорили, чуток выпили, потом попили и чайку... Между нами как-то сразу установился необычный душевный контакт. (В таких случаях, о подобных встречах с особями противоположного пола говорят о любви с первого взгляда.) Начало дружбы с Юрой было положено.

О пунктуальности Руденко ходили легенды: он никогда не опаздывает, он всегда держит слово, он всегда все делает вовремя. А мне хочется вспомнить один смешной случай.

Будучи в Москве, он позвонил и сказал, что придет к нам домой вечером. Договорились, что он придет к семи. День был будний, и хотя с водкой перебоев в Москве не было (правда, постоять в очереди за ней, родимой, приходилось), но приготовить экспромтом «гостевой ужин» было непросто: сначала надо достать «пару килограммов еды», а потом еще и приготовить что-то из нее, да успеть на стол накрыть...

Окна наши выходили на автобусную остановку (жили мы на втором этаже). Помогая жене с подготовкой к ужину, я то и дело поглядывал в окно, слыша рык очередного подъезжающего автобуса. И вот минут за 20 до назначенного времени подъезжает очередной автобус и из него выходит Юра. Я говорю Тане: «Приехал!» и она начинает еще более судорожно метаться по кухне – не успели! На повышенных оборотах мы успеваем все приготовить, а звонка в дверь нет и нет... Юра у нас был на новой квартире впервые, не заблудился ли? Не записал ли адрес с ошибкой? Ведь уже осталось минут пять до семи!

Случайно глянув в окно, я увидел спокойно прогуливающегося, хотя и посматривающего на часы, Руденко под нашими окнами около остановки. (Он не знал, где наши окна.) Я быстро выбежал ему навстречу. Когда мы поздоровались, он со своей обычной чуть ехидной улыбочкой спросил: «Ну как, успели? А то я боялся, что помешаю Тане в ее кулинарных таинствах».

Мы-то думали, что он думает о поддержании «своей марки», а он, оказывается, думал о нашем удобстве. Впрочем, приехал он заранее, поскольку выехал с запасом: мало ли сколько придется ждать автобуса?

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Груз принципиальности

Профессор Жмеринский⁵ был заместителем Главного Конструктора по надежности в одной из крупнейших ракетных фирм. Ракеты наши, безусловно, были достаточно высоконадежны: правда, что-то постоянно случалось, но ведь не могло же не случаться!

Беда была в том, что в фирме с легкой руки Жмеринского (или с подачи его руководства) бытовало мотто: «Мы обеспечиваем 100%-ю надежность!». Когда что-либо случилось, то, естественно, принимались те или иные меры и утвер-

⁵ Фамилия изменена, история и факты подлинные.

ждалось, что данный отказ устранен навсегда. И утверждалось не то, что когда-то ко второму пришествию система будет «почти абсолютно надежна», а что вот теперь, уже завтра система будет абсолютно надежна. Трудно передать всю алогичность такой логики, поэтому лучше на этом и остановиться.

Будучи талантливым инженером, Жмеринский написал плохую книгу, которая, однако же, на ученом совете Госстандарта была выдвинута на Госпремию СССР. В качестве официальных оппонентов были назначены академик УССР Борис Владимирович Гнеденко, профессор Яков Борисович Шор и ваш покорный слуга, который ходил тогда еще в кандидатах.

Я с волнением взялся за чтение книги. Делать пометки на полях книги и отчеркивать что-то в тексте – не моя манера, но в этом случае я ей изменил. Я купил экземпляр книги специально для «экзекуции».

По мере чтения, я впадал в уныние: ошибки математические и инженерные, ложные послышки, отсюда неверные выводы... Я что-то раньше слышал обо всем этом «на слух», но относился к этому несерьезно: мало ли, кто чего скажет. А вот теперь все это в форме «не вырубить топором»!

Я написал разгромную рецензию и... почувствовал себя самоубийцей: я не могу не написать того, что я думаю, но это же будет против моих учителей! (Шор был моим неофициальным консультантом по кандидатской, а Гнеденко был моим оппонентом и фактическим, хотя и неформальным руководителем.) Я был уверен, что они будут «за» книгу, тем более, что тогда был дефицит на подобного рода техническую литературу... Может, мне нужно просто отказаться от выступления?

Я решил поехать к Якову Борисовичу и, открывшись, попросить совета, что делать. Был выходной, я позвонил Шору, и он, конечно, пригласил меня домой. Жил он в другом конце города, я вскочил в такси и помчался (благо, что тогда это было дешево даже для кандидатской зарплаты).

Шор встретил меня со своей традиционной улыбкой во всю свою нержавеющей челюсть. Я, видимо, был совсем не в себе. Он угостил меня чаем, а сам взял мой отпечатанный текст и стал читать. Я спросил его, что мне делать. Он мне резонно ответил, что требуется мое мнение как специалиста и оно у меня есть – в чем же вопрос? Я пытался ему объяснить, что не

могу идти против него и Бориса Владимировича, на что он сказал, а вы съездите и к Гнеденко, может, он вам что-нибудь другое посоветует. Он тут же набрал номер Гнеденко, обо всем договорился, и я поехал в Университет, где жил Гнеденко.

Гнеденко умел встречать людей – от дворников до академиков, всех радушно и на равных. Ну, а я был где-то между... Перед Борисом Владимировичем я всегда – и до последних дней – робел и преклонялся. Мне уже тогда посчастливилось работать с ним в Кабинете надежности, в журнале «Надежность и контроль качества», посещать его еженедельный семинар в МГУ. Но, тем не менее, каждый раз встречаясь с ним, я испытывал огромное волнение.

Когда я рассказал о своих переживаниях, Борис Владимирович сказал примерно следующее:

- Вы не должны принимать во внимание то, что можем думать мы с Яковом Борисовичем. Если у вас есть свое мнение, в котором вы убеждены, вы должны его высказать. В этом и состоит научная принципиальность.

Я понял, что мой приговор подписан: хошь не хошь, а на плаху надо залезать и к тому же залезать с достоинством...

На следующий день я явился в Госстандарт с бутылочкой валокордина... Оказалось, что порядок выступлений таков: первым - Ушаков, вторым - Гнеденко, третьим - Шор... Только этого и не хватало! Почему так? Уж либо Ушаков, Шор, Гнеденко – по возрастающей, либо Гнеденко, Шор, Ушаков – по убывающей. Но почему так?! (Только позже я понял, что два старых хитрых лиса сговорились и отрежессировали порядок выступлений!)

Я залез на трибуну. Все было буквально так, как пелось в пародии на известную песню, исполнявшуюся Леонидом Утесовым: «На палубу вышел, а ПАЛУБЫ НЕТ...» Вылил в стакан воды почти целую бутылочку валокордина (получилось что-то вроде мятной водки - «мастикки», только гораздо противнее).

Сердце выскакивало из груди сквозь пиджак.

А-а-а!.. Была - не была! И я начал...

Мутная «валокординовка» помогала, но вызывала дикую жажду. Приходилось облизываться после каждой пары

предложений. Говорил я минут 20. Закончил я миролюбивее, чем собирался сначала: «Таким образом, книга профессора Жмеринского содержит много математических, логических и даже инженерных ошибок и не может быть полезна для инженеров...»

Зал безмолвствовал. Какой-то щенок смеет так говорить о книге, написанной почти Лауреатом Госпремии СССР?! Потом пошел шумок, но тут вышел Гнеденко, и шум стих.

И тут Гнеденко сразу взял быка за рога.

- Выступавший передо мной Игорь Алексеевич Ушаков сказал, что книга профессора Жмеринского не будет полезна инженеру...

Пауза в традиционном гнеденковском стиле. Я судорожно глотаю остатки валокордина уже прямо из бутылочки. Сердце отбивает чечетку.

- Я думаю, что он глубоко не прав!..

Опять пауза. Да еще какая! Константин Сергеевич, вертитесь пропеллером в своем гробу – вот он, ваш лучший ученик! А я, между тем, превращаюсь в одно сплошное колотящееся сердце.

- Эта книга... просто вредна!

По залу пронеслась волна полуахов-полуохов. У меня спадает груз с плеч... Уф-ф-ф-ф!..

Потом сказано еще совсем немного, может минут на пять всего со ссылкой, что я отметил почти все, что надо, и повторяться нет необходимости.

Вышедший затем Шор с методичностью пираньи обглодал беднягу Жмеринского: как всегда, детальный обзор страница за страницей и даже с парой плакатиков для иллюстрации. В заключение он ничего не сказал, кроме: «Я поддерживаю полностью двух выступавших передо мной рецензентов».

Только позднее я понял, что «киты» прорежиссировали обсуждение. Меня нельзя было пускать последним: я бы жалко выглядел, как попугай, повторяющий то, что уже было сказано мэтрами. Выступление же Якова Борисовича Шора было

выслушано с огромным вниманием, потому что Гнеденко уже расставил все акценты.

До того своего выступления я с профессором Жмеринским фактически не был знаком. Разу после выступления, он был официально-холоден. Но спустя несколько лет, отношения наши вошли в нормальную профессиональную колею. Это меня научило тому, что умные люди терпимы и самокритичны.

Должен, правда, сознаться, что урок научной принципиальности не прошел для меня бесследно: я стал следовать тем принципам, которым меня научили мои учителя, и ох, сколько я напучал в жизни по шее из-за этого!

Вот совсем недавно, уже в начале нынешнего тысячелетия, когда я работал в Америке в качестве консультанта в известной американской компании «Хьюз Нетворк Систем», мне дали на рецензирование отчет по надежности. Отчет был никудышный, я отказался даже делать замечания по нему: этот отчет надо было весь переписывать – столько в нем было несуразностей и ошибок. Меня спросили, а могу ли я это сделать.

У меня оставалось еще чуть более двух недель рабочего времени по контракту. Контракт был фантастически хороший: я сидел дома в Сан-Диего и работал на компанию, располагавшуюся где-то на Восточном берегу. Платили мне за полный рабочий день при почасовой ставке 160 долларов в час. Что может быть лучше? Предполагалось продление контракта, поэтому я без колебаний согласился сделать работу в кратчайшие сроки.

Я работал, как Папа-Карло – с раннего утра до позднего вечера. Через пару недель отчет был мною представлен – я уложился в рамки своего времени работы по контракту. На фирме мой отчет был одобрен и послан заказчику... Заказчик остался доволен. Я был на седьмом небе, предвкушая продление столь соблазнительного контракта еще на полгода.

Но... Оказалось, что автором отчета был ... Главный Специалист по надежности этой огромной американской фирмы! Писал он этот отчет почти полгода с группой из четырех человек... Сами понимаете, это был мой последний контрактный проект: кому нужен второй «главный» специалист на од-

ной и той же фирме, который при этом работает почти в 50 раз быстрее? Это же опасно!

Но я никогда не жалел о том, что мне часто доставалось «на орехи» за ту самую принципиальность, и всегда вспоминал с благодарностью своих учителей, помогших мне найти и сохранить это качество.

Дмитрий Иванович

Вы, наверное, ожидаете моих воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве? Увы, с ним мне не удалось пересечься на временной оси ☺.

Разговор пойдет о Дмитрие Ивановиче Ноздрачёве, который многие-многие годы был ученым секретарем Президиума Академии наук.

Когда я работал в НИИ Автоматической Аппаратуры у Владимира Сергеевича Семенихина, мне часто доводилось бывать в Президиуме АН со всякими бюрократическими бумажками. Так я познакомился с секретарем Президиума – Ноздрачёвым. Был он уже очень старенький, как говорится, «в обед сто лет». А я очень любил стариков – с ними и поговорить интересно (вернее, послушать их, задавая вопросы) да и ума-разума набраться можно.

Вот и с Дмитрием Ивановичем мы говорили о разных разностях. Я узнал, что живет он один, жена у него давно умерла, а дети, выпорхнув из родительского гнезда, разлетелись по всей стране. Однажды, когда мы заговорили о музыке, выяснилось, что он заядлый меломан, а особенно любит оперу и балет. Репертуар Большого театра он пересмотрел много-много раз, ходя на каждую новую постановку или даже просто на другой состав артистов. Более того, он рассказал мне, что не реже двух-трех раз в год выбирается в Ленинград, чтобы побывать на представлении в Мариинке.

Я сказал ему, что очень хорошо его понимаю, поскольку у самого отец был таким же страстным любителем оперы и балета. Рассказал ему, что меня называли в честь Князя Игоря. И когда у меня родился сын, и я сообщил об этом своему отцу, то в ответ получил телеграмму из Харькова, где он тогда жил:

«Поздравляю с рождением Святослава Игоревича». Я так сына и назвал.

Потом я сказал Дмитрию Ивановичу, что от отца мне остался альбом, изданный к какому-то круглому юбилею Большого театра. Когда Дмитрий Иванович услышал про это, лицо его оживилось. Он спросил меня, не мог бы я как-нибудь привезти и показать ему этот альбом. И вот однажды я захватил тот альбом на работу и при удобной okazji оказался с ним у Ноздрачева.

Нужно было видеть, с какими лучезарными глазами он трепетно взял тот альбом, будто тот состоял из хрупких хрустальных нитей. Альбом, действительно, был издан шикарно: сафьяновый переплет с теснением, золотой обрез страниц, ярко алая ленточка-закладка...

- Я давно слышал про этот альбом, – говорил он, нежно поглаживая сафьяновую обложку, – но никогда его не видел!

Он бережно положил альбом на стол и буквально с благоговением начал переворачивать страницы, будто боясь нарушить их золотой обрез. Альбом был объемистый, а Дмитрий Иванович не мог расстаться с каждой страничкой.

Кончился рабочий день, а мы все еще сидели над альбомом. Дмитрий Иванович угостил меня чаем. Мы разговорились. Дмитрий Иванович давал интересные комментарии почти к каждой странице. Он непрерывно меня благодарил, мне даже показалось, что у него заблестели на глазах слезы. Я понял, что он встретился с какой-то своей давнишней мечтой.

У меня родилось решение, и я спросил:

- Дмитрий Иванович, вы не откажете мне в небольшой просьбе?

- Ну, что вы, что вы, Игорь Алексеевич! Я готов сделать для вас всё, что угодно!

- Точно не откажете?

- Ну, конечно, нет! Даю вам слово!

- Примите, пожалуйста, от меня эту книгу в знак глубокого уважения.

- Нет, нет и нет! Это невозможно! Это же такая драгоценность!

- Но вы дали слово...

Кажется, я нашел правильный ключик. Дмитрий Иванович растрогался, принял подарок, слова благодарности переполняли его, я пытался его успокоить: «Мой отец был бы счастлив, если бы узнал, что этот альбом попал в руки настоящего ценителя Большого театра».

Я был просто счастлив, что доставил такую огромную радость этому старому человеку.

Вскоре Дмитрий Иванович ушел на давно просроченную пенсию. И мне стало еще приятнее осознавать, что моя книга будет хоть как-то согревать этого одинокого человека.

Больше я Дмитрия Ивановича не встречал, но теплая память о нем сохранилась у меня и по сей день...

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Об одной скандальной защите

Я был столько раз оппонентом, что теперь, вспоминая об этом, даже немного удивляюсь: когда же я успевал работать? Впрочем, речь не об этом, а об одной защите, где как официальный оппонент я повел себя достаточно странно, и до сих пор не могу понять, что же я должен был делать.

Меня попросил однажды некто Альфонс Карапетович Мигранян⁶ – начальник отдела надежности Ереванского НИИ ЭВМ – быть у него оппонентом на докторской диссертации. Это было мне на все 100% по профилю, и я согласился.

Диссертация произвела на меня приятное впечатление: интересное содержание, много реальных практических приложений, а сама работа хорошо написана. Отзыв я написал даже несвойственный себе – почти восторженный.

Наступил день защиты. Проходила она в одном сверх-засекреченном военном ракетном институте. По «табелю о

⁶ Фамилия изменена, история доподлинная.

рангах» меня поставили выступать первым. Началось все обычно, с доклада соискателя. И вот тут-то все и началось...

Пошли ошибки в докладе, всякие несуразности типа «экс**П**отенциального» распределения, «вероятности» коэффициента готовности» и т.д. ... Я задал несколько вопросов по особенно мутным моментам доклада, и соискатель не показал своего понимания ни моих вопросов, ни даже своих ответов...

Потом ученый секретарь совета начал зачитывать материалы из личного дела Миграняна. Когда он произнес, что наш уважаемый Альфонс опубликовал где-то за 400 работ, у меня зародилось сомнение: при всей моей «писучести» за 20 лет работы я напечатал всего чуть-чуть за триста... Это в среднем почти по статье в месяц. А тут четыреста! Я спросил я секретаря Ученого совета, когда опубликована первая статья. Оказалось, что за два года до защиты кандидатской, а кандидатская была защищена три года назад. Несложная арифметика: 400 статей за 5 лет, это по 80 статей в год, что дает на крут, грубо говоря, по две статьи в неделю!

Пришлось задать еще один вопрос: сколько работ выполнено в соавторстве, а сколько без. Ученый секретарь нудно перелистывал громаднейший список трудов... Оказалось, что ни одной работы без соавторов – нет!

Мне все стало ясно. Я сказал, что больше вопросов у меня нет...

Я тут же вспомнил следующий случай. Однажды в Кабинете надежности Политехнического музея ко мне подошел симпатичный молодой человек и попросил меня быть его научным руководителем. Я согласился и попросил его показать, что у него есть. Он показал мне уже переплетенную работу. Выяснилось, что его руководителем был Николай Пантелеймонович Бусленко, который незадолго до того умер, а посему аспирант остался без руководителя. Я глубоко уважал Бусленко и посоветовал Баласаняну (так звали того юношу) непременно оставить Бусленко руководителем на титульном листе. Сам же, внимательно просмотрев работу, согласился быть первым оппонентом. Глядя на публикации своего будущего подопечного, я заметил, что у него нет ни одной единоличной публикации. На мой вопрос об этом он ответил, что ко всем работам, выходящим в отделе... приписывается начальник отдела, иначе

он не подписывал акта экспертизы о несекретности. Догадались? Ну, конечно, фамилия начальника была Мигранян!

Вернемся, однако, к защите диссертации. Настало время мне выступать. Что делать? Вспомнил инструкцию ВАК: «...оппонент зачитывает свой отзыв...». Решил соблюсти все правила, но перед началом своего выступления попросил председателя совета разрешить мне выступить в обсуждении сразу же после своего отзыва. Я подчеркнул, что в инструкции ВАК на этот счет ограничений нет. Таковое разрешение мне было дано. И я начал.

- Разрешите мне в соответствии с инструкцией ВАК зачитать отзыв. – Зачитываю свой совершенно положительный отзыв и тут же перехожу к дискуссии.

- После невнятных ответов соискателя на мои вопросы, а особенно после справки о публикациях, зачитанной ученым секретарем, я заявляю, что считаю свой отзыв о диссертации товарища Миграняна ошибочным, поскольку все говорит о том, что диссертационная работа, как и все статьи, написаны не им. Более того, у меня есть факт, подтверждающий его научную нечистоплотность. Я знаю, что он использовал свое служебное положение, вынуждая своих подчиненных брать его в соавторы, отказываясь в противном случае оформить акт экспертизы. Я считаю, что в нашей науке не место таким, как тов. Мигранян.

Представляете сценку из «Ревизора»! Тишина – летящую муху можно было бы услышать. Жаль вот, что мухи в том военном НИИ не летали.

Но насчет «Ревизора» я поспешил: тишину нарушил побагровевший председатель Совета, генерал имярек. Он с размаху бацнул свои очки об дубовый председательский стол и стекла разлетелись мелкими осколочками, издавая визгливые скрежещущие звуки. Паузу председатель Совета, видимо, держать умел. А может, просто умел быстро действовать, но мысль его не поспевала за его действиями.

Он сказал, что ни разу не видел такого беспринципного оппонента, как я, что он считает, что де-юре отзыв положителен и что члены совета не должны принимать во внимание мое последующее заявление. Я ответил на это, что совет может поступать так, как ему подсказывает совесть, но что я, согласно

инструкции того же ВАКа, требую внести в стенограмму содержание моего дополнительного выступления.

На этом поле я битву проиграл: голосование было единокласное в пользу «пострадавшего» – не зря он спойл не один ящик отборного коньяка членам Ученого совета за неделю своей «подготовки» к защите. (Об этом мне рассказывали мои друзья из этого института.)

Как и полагается в хороших соцреалистических фильмах, зло все же было наказано – экспертный совет ВАК (причем даже не тот, членом которого я состоял!) «зарубил» докторскую Миграняна. Правда, я уверен, что он все же добился своего впоследствии: ведь, в конце концов, все и всех можно купить – вопрос только, за сколько...

«Юрьев день» на Физтехе

Пришел к нам в НИИ Автоматической Аппаратуры член-корреспондент Николай Пантелеймонович Бусленко со своей кафедрой МФТИ, имевшей более, чем странное название «Физика больших систем». Что бы это значило, никто (включая и самого заведующего) не знал, но это было здорово. Стал я на кафедре одним из первых профессоров.

Бусленко был личностью совершенно уникальной: обаяние и ум его буквально «переливали через край». Лекции он читал с блеском, студенты его любили, преподаватели боготворили. Вот с таким человеком мне посчастливилось работать. (Позже, уходя в «Керосинку», как называли в народе Институт нефти и газа им. Губкина, Николай Пантелеймонович передал свою кафедру мне.)

С Физтехом связаны мои самые лучшие воспоминания, хотя, сознаюсь, преподавание для меня – самое нелюбимое занятие! Лекции я читал (когда уже немного обнаглел, конечно) примерно так: «Сегодня план у нас такой (идет конспективное перечисление вопросов). Это интересно? Что вы думаете про это? А про это? Теперь это... Интересно? Тогда давайте начнем...» Иначе говоря, все шло на уровне экспромта по заказу аудитории.

Группы были небольшие, человек 12-15, поэтому можно было экспериментировать, как только хочешь. Например,

иногда я весь курс делил на части, и каждый должен был прочесть лекцию на заданную тему, за которую он получал оценку. Остальным вменялось в обязанность задать по одному вопросу, который бы показал глубину их понимания материала текущей лекции. За вопросы также ставились оценки. Затем по совокупности выводилась семестровая оценка.

Единого учебника не было, но я давал список рекомендуемой литературы с указанием нужных разделов. Каждый в течение недели имел право в любое время задавать мне любые вопросы. Хотя кафедра моя была и «базовой», т.е. студенты приезжали в НИИ АА, на работе я бывал частенько перегружен, поэтому консультации переносились ко мне домой, где пили чай и кое-что покрепче. (Сознаюсь, допускал я недопустимое...) У меня такие «студенческие лекции» отнимали страшно много времени – каждый из «лекторов» читал сначала лекцию мне, я делал поправки, дополнения и разъяснял непонятное. Но всем было интересно! А соревновательный дух, царивший среди студентов, делал такие занятия удивительно эффективными.

Я всегда очень любил играть в футбол и в карты. Начались регулярные – по два раза в неделю игры в футбол, а почти раз в неделю – игра в спортивный бридж.

Я понимаю, что где-то я нарушал нормы взаимоотношений преподавателя со студентами, но ведь всем от этого было хорошо!

Но я рассказываю все это для общей характеристики ситуации и царившей тогда атмосферы. А теперь о самом «Юрьевом дне» на Физтехе⁷.

На любом факультете Физтеха первые два года обучения были стандартными для всех. После этого, студенты получали право выбора кафедры в рамках своего факультета (а ино-

⁷ Кстати, спросите вы: почему «на» Физтехе, а не «в» Физтехе? Дело в том, что Физтех был образован Дмитрием Юрьевичем Пановым (подпольная кличка «ДюПан») из закрытого Физикотехнического факультета МГУ. Поэтому сначала все поступали «на» Физтех, учились «на» Физтехе и т.п.

гда даже и вне его). Все кафедры устраивали «День открытых дверей», куда приходили «студенты на выданье».

Мой «День» проходил следующим образом. Я привозил с собой только аспирантов и выпускников кафедры, которые работали к тому времени со мной в НИИ АА. Был я, видимо, самым молодым зав. кафедрой и всего-навсего беспородным доктором техн. наук, когда остальные были только членкоры да академики.

Я начинал и заканчивал пятиминутным выступлением и поименным представлением своей команды (как увидите, в самом прямом смысле!). После этого с такими же краткими сообщениями выступали некоторые нынешние и бывшие аспиранты (а была их у меня тьма тьмуцая). Сами понимаете, что когда аспирант второго года обучения показывает статьи, опубликованные в академических журналах – это впечатляет. Но когда бывший аспирант, уже кандидат физ.-мат. наук показывает книгу, которая представляет собой публикацию его кандидатской диссертации (а так было и с Гришей Рубальским, и с Игорем Павловым), то у многих отвисает челюсть.

(Ну, сознаюсь, был я, Заместителем председателя редсовета издательства «Советское радио», Ответственным секретарем журнала Известия АН СССР «Техническая кибернетика», Замом Гнеденко в журнале «Надежность и контроль качества»... Но ведь вы понимаете, что там подбирались для печати только хорошие рукописи. Ускорить публикацию я, конечно, мог, но не более того, уверяю вас! Только это я и делал.)

После этого объявлялся блиц-матч по шахматам между нами и студентами досках на пяти. Среди студентов «редкая птица долетала до середины Днепра...». Меньше, чем 4:1 или. На худой конец, 3:2 мы не выигрывали.

Когда все желающие шахматисты были удовлетворены, то переходили к следующему номеру: игра в футбол «шесть-на-шесть» в «хоккейной коробочке», два тайма по 20 минут с любым числом замен у студентов! Я знал, что делал: в моей команде были двое из сборной Физтеха по футболу, еще двое из сборной факультета, вратарь из сборной института по гандболу... Неплохо, а? Я был на поле хотя и обузой, честно-то говоря, но в то же время и неким символом. Здесь мы громили студентов уже не меньше, чем с разницей в пять-шесть мячей!

... На кафедру при десятке вакансий поступало иногда до 40 заявок. Мне оставалось выбирать самых умных из лучших футболистов и самых хорошо играющих в футбол среди умных студентов.

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Пенис-коктейль

Как я начал ездить по заграницам, – это отдельный рассказ. Начать хочется почему-то со смешного случая.

В 1969 году в Венеции состоялась очередная конференция ИФОРС, Международной Федерации обществ по исследованию операций. Я к тому времени стал вице-президентом Советского общества по исследованию операций (президентом был академик – тогда еще член-корреспондент – Никита Николаевич Моисеев⁸). Честно говоря, это наше общество было тем еще «Роген унд Копытен»: кроме председателя и «зиц-председателя», в нем не было больше ни одного функционирующего члена. Мы были нужны не более, чем для некоего чичиковского представительства великой страны в Международной организации. Там нужна была «чисто общественная организация», вот они и получили!

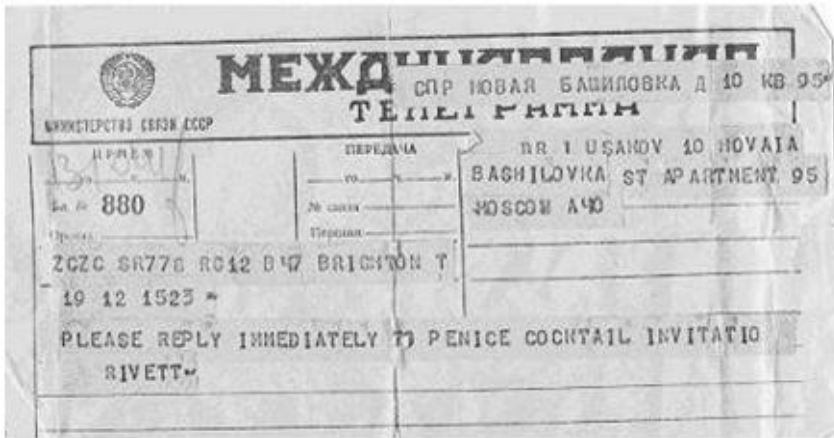
Тем не менее, я был не только вице-президентом, но и официальным «Постоянным представителем Советского Союза в ИФОРС». А на этой конкретной конференции я был еще и членом Программного Комитета.

Конференция должна была состояться в конце июня, а где-то в середине июня эти буржуазные недоумки прислали мне приглашение приехать заранее, на два дня раньше для участия в собрании этого комитета.

**Текст этой телеграммы в переводе следующий:
ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕЬТЕ НЕМЕДЛЕННО НА
ПЕНИС-КОКТЕЙЛЬ ПРИГЛАШЕНИЕ**

подпись: *РИВЕТТ*.

⁸ Н.Н. Моисеев – видный советский ученый, зам. директора Вычислительного Центра РАН, академик.

Им бы догадаться, что дело не только в билетах и даже не в деньгах: раз Выездная Комиссия ЦК разрешила вылет, например, 23 июня, то советскому человеку невозможно был вылететь на два дня раньше. Да и визу Госкомитет по науке и технике запрашивал только за день перед отъездом, а выдавал вечером перед отлетом, если отлет был утром, а ежели отлет был вечером, то выдавали билет только утром того же дня. Почему – одному Богу известно, а за отсутствием такового – просто никому. Просто «так надо». Так вот, приглашение я получил из Англии от Председателя Программного Комитета Поля Риветта по телеграфу.

Эта телеграмма вот уже почти сорок лет висит у меня на стенке над письменным столом!

Видимо, кто-то из чересчур грамотных «почтанников» подправил непонятное Venice (Венеция) на понятное penice (пенис), хотя грамматически верно по-английски будет «penis», но звучит одинаково!

Что было с телеграммой – несколько позже.

Конечно, я вежливо ответил, что, мол, дела не пускают приехать раньше – такой я деловой! А на самом деле, советская делегация и поехала-то вообще с большим трудом. Уж к месту будет и про это рассказать.

Приходим мы все, а было нас человек семь, в ГКНТ⁹ часов в 10 утра. Вылет завтра утром. Встречаю я там одного своего знакомого: Михаила Михайловича Лопухина¹⁰. Да, да, того самого Лопухина пра-пра-бабка которого Евдокия Лопухина – первая жена Петра Великого – «висит» в Третьяковке. Я Михаила Михайловича знал давно – в 1964 он, будучи начальником Управления Внешних Сношений (что бы это значило? Сношения не вовнутрь, а как-то «вне», мимо? может, себе же в карман?) дал добро на мою первую заграникомандировку. А сейчас он был главой делегации.

По наивности я спросил:

- Михал Михайлыч, а вы тоже занимаетесь исследованием операций?

Он меня отвел в сторонку и сказал с обаятельной улыбкой:

- Игорь, а ты разве не знаешь, что я полковник КГБ?

Я разинул пасть и ... новость проглотил.

Ну, ждём-пождём, а виз для нас все нет. ГКНТэшники звонят в Итальянское Консульство, а там отвечают, что никаких приглашений у нас нет и никто из Италии заявку на наши визы не давал. Было уже около часу дня. Подошел ко мне Мих-Мих (как звали его все друзья за глаза) и сказал: «Игорь, у тебя полно друзей в ИФОРСе. Ты знаешь адрес Президента ИФОРСа Алека Ли?»

Я, естественно, знал, поскольку даже встречал его в Москве. (Возникают вопросы? Да-да. Конечно. Без разрешения «компетентных органов» это было бы невозможно, тем более, что я работал в сверхзасекреченном «ящике». Разрешали...)

- Пойдем-ка и пошлем Алеку Ли телеграмму с просьбой помочь с визой. – Говорит мне Мих-Мих.

⁹ ГКНТ – Госкомитет по науке и технике,

¹⁰ Лопухины – княжеский и дворянский род, происходящий от легендарного касожского князя Редеди, потомок которого, Василий Варфоломеевич Глебов, прозванный Лопуха, был родоначальником Лопухиных.

- Михал Михалыч, но я не могу. Я должен спросить сначала институтского куратора КГБ...

- Не бойся, я все улажу.

- А вы напишите мне записочку в мой Первый отдел, на всякий случай, что я послал телеграмму по вашей просьбе?..

- Игорь, КГБ расписок не дает.

Мне все стало ясно. Пошли мы на Центральный Телеграф (благо все рядом), отправил я телеграмму в Монреаль, в штаб-квартиру Алека Ли. Я засомневался в целесообразности этого, поскольку в Монреале было уже 8 вечера, на что Мих-Мих сказал, что все будет хорошо.

Действительно, уже почти в 4 часа позвонили из Итальянского Консульства и сказали, что визы готовы... (Уже в Венеции я узнал, что секретарша Алека Ли срочно созвонилась со своим шефом, который, естественно, был уже в Венеции, тот обратился к председателю конференции м-ру Романо, который был какой-то шишкой в Минобороны Италии, тот позвонил в Рим в МИД, а там быстренько уладили вопрос с нашими визами!

Ну, а теперь пора еще раз вернуться к замечательной телеграмме. Пропускаю всю конференцию, которая проходила во Дворце Дожей, все красоты Венеции с ее затхлыми (да просто вонючими!), но очаровательными каналами, и перехожу сразу к заключительному банкету.

Меня как экзотическое животное посадили за стол «пердизума». Более того, после пары-тройки «генеральских» тостов мне предоставили слово. Английский мой был даже хуже, чем сейчас. (Это не кокетство – раньше я языком упорно занимался, а сейчас только забываю, хотя и живу в Калифорнии.)

Первым делом я пообещал, что моя речь будет предельно короткой. Я поблагодарил Программный Комитет за персональное приглашение на коктейль-партину, но сказал, что не приехал, потому что был в растерянности: что бы это значило. Я достал телеграмму, дал ее всем верхним чинам, с которыми сидел за столом – Президенту ИФОРС, председателю конференции, председателю программного комитета и др. Прочитав телеграмму, все они стали буквально кататься по столу в судорогах смеха. Зал зашумел с просьбой прочитать телеграмму, на

что Алек Ли ответил, что прочесть вслух это нельзя, это нужно видеть. Телеграмма была спущена в зал и пошла от стола к столу. Картина напоминала «бегущую волну» на стадионе: публика за одним столом ложилась в хохоте, передавала телеграмму на следующий стол, там ложились в хохоте, прочитав, и так далее.

Мои международные позиции окрепли после этого эпизода фантастически.

Кстати, в целом я занял у зала больше времени, чем любой из ораторов: столов было штук 20, не меньше, а хохотали они по очереди.

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

«Опять сегодня Никита глупости говорил...»

Таня, моя дочка, была детсадовским ребенком. Начинала она с яслей, куда ходить просто не хотела и подолгу плакала, когда я ее туда отводил. Но потом к саду она уже вошла во вкус социального общения.

Был у нее в садике друг, которого звали Никита. Как я понимаю, Таня и Никита были самыми гиперактивными детьми, что их и сблизало: они были большими друзьями. Дома не прекращались рассказы о том, что сделал Никита, что сказал Никита, как наказали Никиту...

Годы шли шестидесятые. Руководил страной Никита Сергеевич Хрущев, человек, любивший повыступать, поведать, хотя Цицероном и не был. Его выступления (как впрочем, и выступления других наших лидеров после него) частенько становились объектами шуток и анекдотов.

И вот однажды везу я Таню в троллейбусе из детского сада домой. Она все время без умолку о чем-то мне рассказывает. А голосок у нее, надо сказать, был пронзительный. Однажды в зоопарке около носорожьего загона, отделенного от внешнего мира толстенным непробиваемым стеклом, она закричала мне: «Папа, папа! Смотри – носорог!». Бедное животное вскочило и стало в ужасе метаться по своему вольерчику, огулашенное тоненьким, как свисток, детским голоском.

Так вот, с такими вокальными данными Таня вдруг громко на весь троллейбус произносит:

- Папа, а сегодня Никита, как всегда, такие глупости говорил!

Можете представить, как прыснул в троллейбусе народ. Хохот продолжался до следующей остановки...

ПРО СЕБЯ

Кто же я?

Сейчас появилось много борцов-героев с бывшим коммунистическим режимом в бывшем Советском Союзе. В такую тогу рядиться модно. Появилась плеяда борцов с коммунизмом наподобие тех поздних большевиков, которые вдруг оказались активными борцами с царизмом. Одним словом, дерьмократ на дерьмократе сидит и дерьмократом погоняет...

И проверить трудно: А кем же ты был на самом деле?

Должен сразу сознаться, что никаким борцом я лично никогда не был. Как и многим другим, мне далеко не все нравилось, но на амбразуру я не ложился. А поначалу был даже весьма примерным пионерчиком и комсомальчиком.

Точнее всего будет сказать, что я жил с фигой в кармане. Я ни за что и ни с чем не боролся.

Конечно, Павлик Морозов симпатий у меня не вызывал никогда, мне даже было жаль этого зазомбированного ребенка. А вот Александр Матросов – был для меня настоящим героем, когда я учился в начальных классах школы, хотя я и не понимал, зачем нужно было закрывать амбразуру именно грудью. Зою Космодемьянскую героиней я не считал, поскольку не понимал смысла поджога крестьянских домов, в которых жили наши же русские люди, но все равно было очень жалко девушку...

А вообще жили мы в те мрачные времена совершенно по-человечески: и пили, и гуляли, и веселились, и в футбол гоняли, и девочек своих целовали по подъездам... Словом, все было, как было бы и при треклятом царизме. При этом, сидя на кухоньке, поругивали власти, держали кукиш в кармане, но не более того.

Были, конечно, и Солженицыны, и Сахаровы. Честь им и хвала, но негоже всем подряд сейчас ставить себя чуть ли не в один ряд с ними ...

Сейчас, оглядываясь назад, могу сказать, что для меня одним из самых (чуть ли не единственным) омерзительным фактом тех времен был антисемитизм. В каком-то смысле это коснулось и меня лично, поскольку большинство моих друзей были евреями. Однако я четко понимаю, что *сопереживать* и *переживать* – это вещи совершенно разные.

Особенно бурно антисемитизм разыгрался в последние годы сталинского правления, когда было сфабриковано «дело врачей-евреев». (А ведь именно в такой формулировке и шло освещение этого «процесса» в советской прессе!)

Я переживал за друзей. Илью Гольберга, серебряного медалиста, имевшего уже к окончанию школы публикации, а также поддержку самого Константина Симонова, не взяли в Литинститут, что загнало его на четыре года в полярную морскую авиацию. Золотого медалиста Мишу Липкина после окончания мединститута (с «красным дипломом», заметьте) не взяли в аспирантуру, а послали фельдшером в одно из сел Якутии. Лене Мурзе отказали в приеме на Физфак МГУ (мать еврейка), а в МФТИ приняли только благодаря случайному вмешательству Петра Капицы: тот увидел груду дипломов, которые Леня завоевал на Московских Олимпиадах по физике и математике и прекратил экзаменационное издевательство, повелев Леню принять (а властью он обладал неограниченной!).

Миновала меня чаша сия – не мне она предназначалась... Но след остался: стал я с тех пор анти-антисемитом.

Помню, шли мы с Леной Мурзой после его провала в МГУ, и он мне говорил: «А может, это правильно? Ведь если евреи хотели отравить Сталина...» Мне это было непонятно. Я ему возражал, простым аргументом: «Ну, даже если это так, то ты-то здесь при чем?!»

Тема Сталина заслуживает особого рассмотрения. Конечно, нас, детей военных лет, культ Сталина не мог не задеть. Ведь даже там, где взрослые понимали, что к чему, дети оставались в неведении, подверженные воздействию «детских партийных организаций». Мозги начали работать только к девятому-десятому классам школы.

Нам, мне и моим школьным друзьям, исключительно повезло: у нас были удивительные учителя, но о них будет особый разговор.

Вот вам яркий пример: я подарил в 1952 году знакомой девушке на день рождения... собрание сочинений Сталина! Вот за это мне, действительно, сейчас почти стыдно – уж таким-то идиотом можно было бы в семнадцать лет и не быть!

Пример того, как «промывали нам мозги» и зомбировали с детства – приведенная школьная грамота... Ну, разве это не идолопоклонство? Ну, кончил мальчик шестой класс, но при чем здесь «вожди пролетариата»?

Когда Сталин умер, «народная печаль» была чрезмерна. Действительно, бабки причитали: «А как же теперь жить-то будем?» У нас на всех лекциях в институте были минуты молчания, настроение нагнеталось.

Но помню, вышел я уже вечером из института и пошел к метро «Сокол». Была мерзкая мартовская погода: какая-то оттепель с заморозками, мокрый снег, превращавшийся в ледяные колючки. Кругом шли угрюмые люди. Но вот какие-то парни с девушками шли навстречу и о чем-то оживленно говорили, смеялись. Я помню, что я будто очнулся: «А жизнь-то продолжается!» На душе стало легко.

Правда, поперся я в Колонный Зал «прощаться с телом». Но по пути, моя девушка – позже моя жена – прыгая с крыши одноэтажного дома (а лезли буквально по домам!) где-

то в районе Трубной площади, подвернула ногу, и мы повернули обратно. Ее тело мне было дороже сталинского...

Власти устроили ту еще Ходынку! Сколько сотен людей затоптали в неуправляемых потоках народа, сдерживаемых милицией и войсками! До сих пор удивляюсь, сколько же во мне было (а может, и осталось) бараньего: почему, если все, то и я туда же?

Потом мне очень нравился появившийся тогда полу-анекдот: «Ленин умер, Сталин умер, да и мне что-то нездоровится...»

Но это потом, а тогда, по горячим следам, все воспринималось все же достаточно трагически. Будучи редактором курсовой стенгазеты, я выпустил по своей инициативе номер, посвященный годовщине смерти Сталина. Меня вызвали в партбюро факультета и разъяснили, что «сверху» спущена рекомендация годовщину не отмечать. Все время я колебался не впопад с линией партии!

Завершило все письмо Хрущева. Я сейчас понимаю, что лучшие атеисты получают из тех, кто раньше истово верили, а потом вдруг разочаровались. Теперь я понимаю печенками, что в некотором смысле Сталин был хуже Гитлера: Гитлер убивал врагов, а Сталин убивал своих.

А потом я встретил многих, кто непосредственно пострадал от сталинских репрессий и просто шизофренической подозрительности, возведенной в ранг государственной политики. Но об это отдельно. Отдельно о каждом случае...

ТЕТРАДКА №2

ПРО ДЕТСТВО

Как собака сделала из меня человека

Я хочу рассказать вам о «Подхалиме», как звали ребята собаку, постоянно вертевшуюся у столовой нашего пионерского лагеря. Замечу, что в пионерлагере я был первый и единственный раз, и не потому, что мне это не нравилось и, конечно же, не из-за «политических убеждений», как любят теперь привирать многие из бывших «молчаливых борцов с тоталитаризмом», а просто потому, что в лагерь пионерский было попасть гораздо труднее, чем в трудовой...

Итак, около нашей лагерной столовой постоянно вертелась беспородная сука с отвисшими едва ли не до земли сосцами. Она была вечно голодна – отбросы и объедки съедала столовская обслуга сама, время было тяжелое. А бедолаге-собаке, которой щенков надо было кормить, почти ничего не перепадало...

Мы обычно выносили малюсенькие объедочки и давали ей. Принимала она пищу от нас со страшным самоуничтожением: сгибалась кренделем, прижимала уши и хвост и ходила в таком скрюченном состоянии кругами. За это ту суку мы и прозвали мужским именем «подхалим». Брошенную ей еду, собака резко хватала на лету, как чайка, и неслась прочь, будто боясь, что кто-то у нее ее отнимет.

Однажды во время одного такого кормления «Подхалима» кто-то подначил всех ребят ту несчастную собаку догнать и почему-то излупить прутьями. Все мы заранее запаслись прутьями, и как только собака схватила брошенный ей кусок и метнулась в сторону, мы гурьбой помчались за ней. Собака неслась от преследователей прочь из лагеря, в сторону леса, а мы мчались за ней. Я был длинноног и быстр, вскоре мы – я и собака – оторвались ото всех, оставшись вдвоем, и неслись уже по лесной тропинке. В азарте погони, а может, потому, что собака была истощена и слаба, я ее догнал и на бегу начал лупить прутьем в каком-то безумном исступлении...

«Подхалим» прижалась к земле, замерла, а потом перевернулась кверху брюхом, как бы сдаваясь на милость победи-

теля... Я остановился, как вкопанный. Я увидел грустные, человечьи выразительные собачьи глаза... Меня охватила какая-то паника, раскаяние, в общем, что-то ужасное. Я бросился на землю и в истерике зарыдал. Мне было мучительно стыдно, больно, тошно...

И вдруг я почувствовал, как теплый ласковый язычок лижет мою соленую от слез щеку. Собака при этом поскуливала, будто жалея меня. Я ее обнял, и мы еще долго плакали вместе – я навзрыд, а она, слегка поскуливая. И она продолжала слизывать мои слезы своим шершавым язычком...

С тех пор во мне живет удивительное чувство сострадания к «меньшим нашим братьям», возвращенное на большом чувстве вины за тот мерзкий поступок.

Вот так собака сделала из меня человека...

ПРО ШКОЛУ

Художественное самообразование

В школе я учился в сталинские времена. Мы, как и многие взрослые, ничего не знали об истинной жизни в стране. О многих из запретов, чаще всего негласных, мы узнавали, только нарушив их и получив за это по шее.

Начну с рассказа о наших музыкальных увлечениях. Когда я учился в последних классах, подпольно в моде были буги-вуги, запрещенные официально. Официально на школьных вечерах можно было танцевать только «бальные» танцы типа падекатр и падепатинер (до сих пор не знаю, что это такое и как правильно пишется!). Буги-вуги умельцы (а учился я в мужской школе) умудрялись танцевать вдвоем на учительском стуле, поставленном на учительский стол! Остальные хором пели:

*«Видь на поле ты,
Сена накоси,
Получишь трудодни
В колхозе Сан-Луи!»*

Чтобы было понятно, что не все кончалось бесследно, расскажу об одном невинном случае. На школьном вечере был объявлен номер: «Исполняется пионерская песенка “У дороги чибис”!» Вышли шестеро. Трое пели, один «лабал» на фоно, в котором между струнами и молоточками была проложена газета, другой исполнял партию саксофона на расческе, обернутой папиросной бумагой, а третий – «выдавал» головокружительные брейки на ударном инструменте – венском стуле с фанерным днищем! Чем кончилось? Комсомольскими выговорами всему ансамблю... Было это в 49-м или 50-м году, одним словом, еще при живом «отце родном».

**Классный джаз-банд:
Игорь Суслов –
соло на брансбойде.**

Но ведь это ничто по сравнению с тем, что произошло в соседней школе имени Зои и Шуры Космодемьянских примерно в то же время: двух мальчиков-девятиклассников посадили на 10 лет без права переписки за создание «Нового Комсомола», в койий входило человек пять... Что такое «10 лет без права переписки» объяснять не надо: это обычно была просто «вышка»...

Но вернемся к менее трагическим событиям, которые были в нашей школе.

По-моему, это было уже чуть позже окончания школы, т.е. после 1952, когда в Зале Чайковского впервые в Союзе исполнялась «Рапсодия в стиле блюз¹¹» Джорджа Гершвина. Слово «блюз» было тоже из разряда запрещенных советской музыкально-моральной цензурой, поэтому билетов было почти не достать... Многие из «стиляги» были сильно разочарованы: ожидался какой-то умопомрачительный джаз.

¹¹ Точнее бы, надо ее было перевести как «Рапсодия с грустью»: ведь это «Rhapsody in Blue».

Я, воспитанный на «классической классике» был ошарашен очень необычной музыкой, а впоследствии Гершвин стал одним из моих любимейших композиторов.

Одно из первых послевоенных исполнений «Болеро» Мориса Равеля прошумело из-за того, что приехавший французский дирижер никак не мог найти подходящего музыканта для очень важной в этой вещи партии ударника. Такового он нашел только в джазовом оркестре гостиницы «Советской» – это был известный в Москве джазовый ударник Лаци Олах. Я на концерт не попал, но говорят, что играя на сцене Большого Зала Консерватории, Лаци Олах по привычке, исполняя серьезную классическую партию, жонглировал барабанными палочками, подбрасывая и ловя их, не сбиваясь с ритма...

В школе же мы познакомились не только с азами музыки, но и с современной живописью и настоящей поэзией. По домашним альбомам с репродукциями из коллекции сына известного тогда журналиста-«деревенщика» Ефима Дороша, мы получили представление о фактически запрещенном тогда искусстве французских импрессионистов... Нынешнему молодому поколению, наверное, трудно представить, какую «антисоветскую опасность» представляли собой Моне, Дега, Гоген и Ван Гог! А ведь эти сокровища в то время хранились в запасниках...

А сын одного из работников «Литгазеты» принес «Аналогию поэзии XX века» выпуска середины 1920-х – поэтический сборник, в котором мы впервые прочли «декадентские» стихи Гумилева, Ахматовой, Пастернака, Эренбурга, Белого, Бальмонта, Хлебникова, Крученых...

Хорошо, что все это нам запрещали! Ведь как сладок и памятен тот запретный плод! А вот то, что «проходили», в голове застряло слабее. Хотя, конечно, «мой дядя самых честных правил...» и «достаю из широких штанин...»

ПРО ИНСТИТУТ

Почему я оказался в МАИ

Когда я заканчивал среднюю школу, я ничего не представлял о своем будущем. Идти на Физтех, где в это время был первый набор, я побоялся – не потяну. Журналистика в МГУ

имела конкурс 23 человека на место – тоже страшно... Химию я ненавидел. Физику побавивался... Об инженерном деле имел самые общие и весьма размытые представления. Учитель истории, Александр Акимович, подталкивал меня идти в Литинститут имени Горького «на поэзию». У меня были уже в восьмом классе неплохие стихи, некоторые из которых нравятся мне даже и сейчас, но я всерьез стихотворчество в качестве профессии никогда не рассматривал. Ну, что это за профессия – «поэт»? Да и можно ли научиться писать стихи? Как я тогда в девятом классе написал:

Да какой же я поэт, к чертям собачьим!

.....

Занимаюсь просто иногда стихописательством:

Непрожеванные мысли на бумаге – ляп!

После переписываю начисто –

Перышко бумагу пачкает, скуля.

.....

Может, если постараться, стану рядовым поэтом.

Заработаю стихами на мантию жене.

Но, по-моему, (не знаю, правильно ли это?),

Все ж стране нужней обычный инженер.

Как нетрудно заметить, «делал я под Маяковского». Но вернемся от формы стиха к его содержанию: было нечто высказано, а потом я и последовал этому своему высказыванию.

Дело было так. После выпускного вчера в соседней женской школе мы пробазарили всю ночь, выпили, конечно, хотя и вполне в меру, сходили с девочками на Красную Площадь, а где-то около восьми утра мой школьный друг, Слава Архангельский сказал, что идет на собеседование в МАИ. Были мы оба золотые медалисты и удачного собеседования было достаточно для зачисления в институт. МАИ казался мне вполне заслуживающим внимания – всего несколько остановок на троллейбусе от дома, да к тому же, как известно, кто-то за компанию даже удавился... Чем я хуже?

Спросил я своего друга, на какой факультет он собирается. Оказалось, на радиотехнический. И конкурс там высокий (значит, не самый плохой факультет).

Слава Архангельский, действительно, интересовался радиотехникой, много уже тогда читал по своей будущей специальности, собирал какие-то детекторные приемнички. Замечу сразу, что впоследствии он стал одним из ведущих конструкторов в ракетном приборостроении. Вообще, на курсе из 350 человек он был, по всеобщему мнению, светлейшая голова.

Ну, радиотехнический – так радиотехнический! «Голос Америки» и Би-Би-Си слушал, ручки у приемника крутил, значит, радио люблю... Авиационный? Ну, «первым делом, первым делом, самолеты, ну, а девушки, а девушки потом!» И какая вообще разница, куда?

Пришли мы на собеседование почти раньше всех, получается, что прямиком с Красной Площади. Наступила вскоре и моя очередь. Как я потом выяснил, попал я «на зубок» к тогдашнему декану факультета. Собеседование шло весьма гладко, как мне казалось.

- Почему вы решили поступать в Авиационный институт?

- У меня отец связан с авиацией... Он работает в Академии Жуковского,

Отец у меня действительно преподавал электротехнику в Академии Жуковского, но к авиации, кроме этого, никакого отношения не имел.

- Значит, потомственная профессия?

- Вроде того...

Видимо, было естественным, поступая на что-то об этом «что-то» хоть что-то знать, что и привело к дополнительным вопросам.

- Когда и кто совершил первый полет на самолете?

- Можайский в ... (называю дату наобум)

- Так... А кто и когда изобрел радио?

- Попов в ... (называю дату наобум)

- Так, так... А по какой траектории полетит бомба, сброшенная с самолета, летящего горизонтально и с постоянной скоростью?!

Ожидаемый ответ был: «По параболе», но золотой медальст на этот вопрос сказал:

- Ну, это надо подумать...

В ответ на такое заявление – только недоуменный взгляд экзаменатора.

А дело было в том, что в десятом классе у нас вел физмат кружок выпускник нашей школы тогдашний старшекурсник Физико-технического факультета МГУ Иридий Квасников. (Наградили же Квасниковы-родители своего сынка причудливым «менделеевским» именем!) На этом кружке Иридий преподнес нам основы интегро-дифференциального исчисления (в терминах «дельта») и одним из детальнейше разобранных примеров было именно падение бомбы (а не идеальной материальной точки!): тут и меняющееся с приближением к Земле притяжение, и сопротивление воздуха, зависящее от скорости, и прочие никому не нужные «прибамбасы». Не помню, но, возможно, он и пример-то этот давал, чтобы показать, сколько факторов в принципе участвует в реальной задаче, но что почти все это на практике чушь собачья – достаточно знать параболу...

Одним словом, когда минут через двадцать я пришел к столу с моим решением, экзаменатор внимательно просмотрел мое решение, а потом пошел его кому-то показывать. Вернувшись, он меня отпустил.

Когда я вышел, толпа страждущих и все еще ждущих решения своей судьбы, набросилась на меня:

- Что спрашивали? Что отвечал?

Я рассказал вопросы вместе со своими ответами. Оказалось, что Можайский у меня летал, когда был лет пяти от роду, а Попов изобрел радио несколькими годами позже своей благополучной профессорской кончины...

Я был в полном шоке. Хотя могу теперь сказать, что назвать полетом тот прыжок в длину на несколько метров, который совершила летательная конструкция Можайского, вряд ли можно назвать вообще полетом. А профессор А.С. Попов изобрел радио только по мнению советской исторической науки: весь остальной мир почему-то считает изобретателем ононого макаронника Маркони.

Впрочем, история моя имеет счастливый конец: на следующий день я нашел свою фамилию в списке зачисленных.

Так я на практике усвоил, что если уж пудрить мозги, то делать это надо очень уверенно!

ПРО РАБОТУ

Первая работа

Моим первым начальником был Исаак Михайлович Малёв, «Исачою», как его звали друзья в глаза, а подчиненные за глаза. Не знаю почему, но почему-то он меня полюбил и очень помог осознать себя. Он научил меня всегда излагать все мысли на бумаге: «Если хочешь, чтобы тебя поняли – пиши объяснительные записки. Я прочитаю их, когда мне будет удобно, я могу их перечитать, если нужно. Да и вообще, часто, когда напишешь на бумаге, то самому становится видно, что и говорить-то было не о чем!»

Еще один урок он преподнес нам всем – тогда молодым и «рвавшимся в бой». Почти половину времени мы проводили на полигоне на Балхаше, где была наша пусковая площадка. Возвращаясь в Москву, мы, естественно, расслаблялись. Терялся жизненный тонус.

Исаак Михайлович однажды собрал нас всех и прочитал переводную статью из какого-то секретного (то бишь, ворованного) американского военного журнала о том, что американцы сделали стенд-имитатор для отработки самонаводящихся ракет класса «земля-воздух». «Вот нам бы такой!» – загорелись все сразу.

Малёв поддержал наш энтузиазм. Работа закипела! В отделе запахло канифолью и жжеными проводами. Те, кто уезжал на полигон, продолжали и там работать над своей частью проекта. Больше года мы увлеченно работали над стендом, перевыполняли план, получали квартальные премии за это – и сделали его!

И вот однажды я побывал в одном смежном НИИ, где увидел... стенд такого же типа, как сделали мы, но намного лучше: над проектом работал большой коллектив на протяжении не одного года. Я тут же примчался к Малёву и рассказал ему об этом.

- Игорь, я знал об этом стенде с самого начала... Он работал уже тогда, когда мы только начали свою разработку. Но

я решил, что вам, чтобы не спиться на полигоне и не сдохнуть от тоски здесь в Москве, нужна настоящая работа. Да, наш стенд хуже того, который ты видел, но я горжусь вами, что вы смогли его сделать самостоятельно и так быстро!

Как я попал на работу в QUALCOMM

Работая в фирме SOTAS в Виржинии, получаю я однажды электронное письмо от моего американского друга Марка Каминского. Замечу, что знал я Марка по имени еще в России – однажды «протолкнул» в журнале «Техническая кибернетика» его статью, зарубленную одним авторитетным членом редколлегии. А мне статья понравилась, и я ее вставил в очередной номер, написав положительную рецензию. Своя рука – владыка! Ведь я был Ответственным секретарем журнала.

Но очно познакомился я с Марком уже только в США.

Переадресованный мне Марком e-mail был со странным текстом: некая телекоммуникационная фирма в Сан-Диего ищет «прикладного математика широкого профиля с развитым здравым смыслом». Марк еще пошутил: «Может, вы им и нужны?» Ну, они шутят, дай и я пошучу. Отвечаю типа: «Насчет своей квалификации судить не берусь – почитайте мое резюме. А вот здравого смысла – хоть отбавляй, могу поделиться». Послал свой e-mail – и забыл.

Прошло недели три: звонок из Сан-Диего. Одним словом, телефонное интервью, после которого получаю приглашение приехать на официальное собеседование. Немного попереживал, что еду в какую-то военно-морскую деревню, но собрался и поехал.

Полетел я туда, захватив парочку только что «испеченных» новых книг по надежности (одна – Справочник, а вторая – в соавторстве с Б.В. Гнеденко, обе изданы в известнейшем американском издательстве «John Wiley & Sons»).

Прилетел. Сел в такси и поехал черти куда в глухомань! (Не понимал тогда, что Сан-Диего – изумительный город, кстати, шестой по величине в США, а та самая глухомань даже в условиях райского города называлась La Jolla, что означает по-испански «Жемчужина») Устроился в гостинице через

дорогу от фирмы, в которую приехал, и утром пошел на собеседование.

С одним поговорил, вижу – ни уха, ни рыла не вяжет... Со вторым поговорил, вернее, помолчал, тот мне рассказал про то, какой замечательный город Сан-Диего. Третий был похож на нашего кагэбэшника – задаст вопрос, я отвечу, а он молчит... Вынуждает меня говорить отсебятину. Я это быстро усек и прибегнул к той же тактике: он спросит, я односложно отвечу и молчу. Разговорил его и даже понял, что его интересует.

Правда, на один вопрос я ответил весьма развернуто.

- А правда, что в Москве по улицам ходят медведи?

- Истинная правда! В Москве медведей на улицах бегает даже больше, чем крокодилов ползает по Нью-Йоркским улицам! (Тогда ходили байки про аллигаторов, живущих в городской канализации.)

Оказалось, что это был Франклин Антонио, второе лицо в компании. Но я об этом не знал и даже слегка удивлялся, что за странное мне устроили собеседование.

Тут приходит четвертый, чтобы взять меня на официальный ланч-интервью. (У американцев бытует мнение, что за какой-то вшивый ланч можно кого угодно «купить». Не понимают, товарищи, что мы – особенно по пьянке – можем их и хорошим ресторанным обедом накормить без всяких с их стороны обязательств в наш адрес.) Франклин говорит пришедшему:

- Поговори с доктором Ушаковым, он тебе должен показаться интересным.

Пошли мы в местный ресторанчик прямо на фирме: что-то вроде директорской столовой по нашим понятиям. Мой последний интервьюер – Арне Мортенсен, один из 150 вице-президентов компании. (Да-да! Их одно время даже было не 150, а 167! Ну, прямо как собак нерезаных!)

Арне оказался очень приветливым и интеллигентным человеком. (Кстати, мы с ним по-настоящему подружились и поддерживаем тесные контакты до сих пор, хотя он и переехал из Сан-Диего в небольшой городишко под Сиэтлом.)

Во время ланча Арне спрашивает меня:

- Приходилось ли вам иметь дело со спутниковыми телекоммуникационными системами?

- Вот с такими? – Спрашиваю я, а сам при этом лезу в дипломат за своей книжкой, в которой, как я помнил, где-то была картинка подобной системы с перекрывающимися зонами действия. Достаяю книгу и... совершенно случайно открываю на той самой странице, где находится нужный мне рисунок! Далее – сцена из «Ревизора»... Причем я и сам был изумлен не менее моего собеседника!

Повезло! Хотя, как говаривал Суворов: «Везение, везение... А когда же умение?!»

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Первая встреча с Борисом Владимировичем Гнеденко

Моя вторая работа была у Якова Михайловича Сорина в отделе надежности.

В один из летних дней, Сорин объявил в отделе, что к нам едет... сам Гнеденко! (Отдел к тому времени разросся – было уже человек десять.) Я был потрясен на встречу академика и должен был ждать его на лестнице, чтобы провести почетного гостя в кабинет к начальнику отдела. Я представлял Бориса Владимировича таким бородатым Карлом Марксом, возможно, лысым, непременно в очках, а может быть, даже с палочкой. Ведь как-никак, а живой классик!

Стою, стою... Скучаю. Никакого карлы-марлы не появилось. Вот только один какой-то относительно молодой светловолосый очкарик через две ступеньки взбежал по лестнице и, промчавшись мимо меня, скрылся за дверью. Какой-то несерьезный, в распахнутом пиджаке и в светлой рубашке с расстегнутым воротом. Стою я, стою...

Вдруг выскакивает в коридор Яков Михайлович и говорит: «Иди скорее, Гнеденко уже пришел!»

Вхожу я в отдел и вижу, что тот самый вполне еще молодой человек, пробежавший мимо меня, и есть знаменитый Гнеденко! (Да ведь ему и было-то тогда всего 49 лет!)

Второй раз он пришел в окружении двух своих

верных «оруженосцев»: Александра Дмитриевича Соловьева и Юрия Константиновича Беляева. Как много сделала эта уникальная команда для развития советской школы надежности! А их личный вклад в эту область прикладной математики невозможно переоценить.

Так и началась моя долгая – через всю мою жизнь – дружба со всеми тремя российскими титанами теории надежности. Они стали научными консультантами отдела, потом мы

**У Бориса Владимировича
в кабинете**

все вместе – Сорин, Гнеденко, Соловьев, Беляев и я – стали консультантами по надежности в Госстандарте, в котором служба надежности только еще зарождалась. Потом стали консультантами в созданном Я.М. Сориным и Б.В. Гнеденко Кабинете надежности при Политехническом музее...

И конечно, особое место в моей жизни заняла многолетняя дружба с Борисом Владимировичем – теплая, искренняя и глубокая, несмотря на значительную разницу в возрасте...

Встреча с гением

Вряд ли кто усомнится, что Андрей Николаевич Колмогоров был не только величайшим российским математиком прошлого века, но и одним из крупнейших математиков России всех времен. Почти все согласятся, что он был, возможно, и крупнейшим математиком в мире в XX веке. Его имя стоит в истории теории вероятностей наравне с именами Эйлера и Бернулли, Лапласа и Гаусса, Паскаля и Маркова.

Поэтому не написать про знакомство с Андреем Николаевичем я просто не могу. Мне не посчастливилось знать его близко, но те немногие встречи, которые мне были подарены судьбой, я опишу. В 1963 в Тбилиси состоялась Международная конференция по теории вероятностей и статистике. Мой друг, Юра – извините, Юрий Константинович – Беляев предложил мне поехать на конференцию с группой сотрудников МГУ.

Я уже и командировку оформил и билеты МГУшные друзья мне купили вместе с ними, а приглашения у меня нет! А без приглашения – не поедешь... Тогда Юра успокоил меня и сказал, что достанет мне приглашение. Он был аспирантом Андрея Николаевича, поэтому смог придти попросить приглашение для меня у самого Колмогорова. Колмогоров сказал, что, к сожалению, у него не осталось приглашений... Но он тут же нашелся: «Я могу отдать свое – меня, надеюсь, пропустят без приглашения». Так я стал обладателем уникального приглашения с написанным на нем именем Колмогорова! (Не сохранил, дурья голова!)

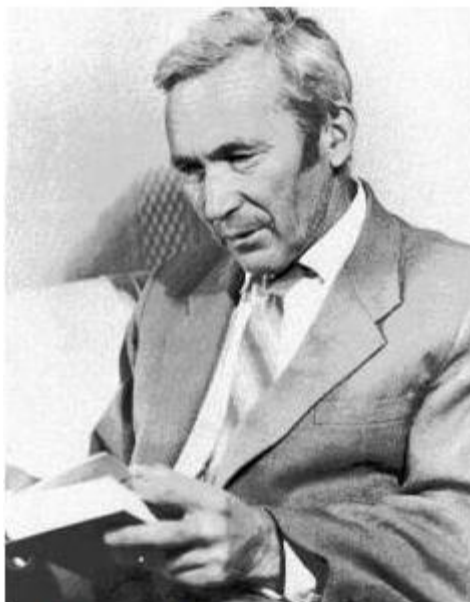
Сели мы в поезд, у нас было отдельное купе. Вдруг, минут через 15 после отправления врывается в купе достаточно

пожилой человек, хотя и в прекрасной спортивной форме – поджарый, загорелый, волосы всклокочены. Он начинает громко возмущаться:

- Кто это догадался купить мне билет в вагон СВ?

Один из молодых университетских ребят признался, что он покупал все билеты и хотел для Андрея Николаевича сделать получше.

- Где ваш билет? Вот и давайте мне его, а сами пойдете спать в вапсе СВ!

**Андрей Николаевич
Колмогоров**

Так Колмогоров появился в нашем купе. Когда первое наше смущение прошло, он втянул всех нас в общий разговор. Ехали мы, кажется, почти двое суток, чуть меньше. Рассказы Колмогорова всегда были насыщены понятными описаниями сложных и далеко не таких уж понятных вещей. Он рассказывал и про свои путешествия на исследовательском бриге «Товарищ», где он экспериментально подтвердил свою хорошо теперь известную в гидродинамике теорию неподвижно-

го слоя. И про то, как метод Монте-Карло был применен при строительстве Ингурской ГЭС при перекрытии реки; и про многое другое. У меня не хватило ума записать все по свежим следам.

Помню, кто-то спросил:

- Андрей Николаевич, а как так получается, что почти все ваши математические результаты отличаются тем, что они имеют практическое приложение?

Ответ Колмогорова я запомнил на всю жизнь:

- Я формулирую задачу в строгих математических терминах, предугадываю нужный результат, а потом начинаю решение с двух концов. Таким образом, я оставляю только те допущения, которые не противоречат физическим свойствам ожидаемого решения. Если же решать задачу обычным образом, «с начала», то всегда есть соблазн сделать такие допущения, которые приведут к весьма элегантному, но в то же время и столь же бесполезному решению.

Когда началась конференция, на которой отмечали 60-летие Колмогорова, выступал с пленарным докладом кто-то из американцев. (Не Уильям ли Феллер? Не помню.) Он сказал примерно следующее:

- Всем нам известны результаты Колмогорова в теории вероятностей, математической статистике, теории множеств, небесной механике, гидродинамике, лингвистике... Многие из нас на Западе думают, что Колмогоров, как личность, не существует, что есть коллектив ученых под таким псевдонимом, как, например, известная французская группа «Бурбаки». Однако теперь каждый может убедиться, что Колмогоров существует: вот он сидит перед нами!»

У меня сохранилась книга Андрея Николаевича с дарственной подписью. Но об этом будет написано в одной из следующих тетрадок...

Советник Сальвадора Альенде

В 1969 году на конференции ИФОРСа в Венеции Рассел Акофф¹² много мне рассказывал о своем друге – легендарном эксцентрике в жизни и прекрасном ученом-кибернетике в науке – Стаффорде Бире¹³. Жил Бир в Англии, под Лондоном.

¹² Рассел Акофф – автор прекрасной книги «A Concept of Corporate Planning», которую я при переводе назвал «Планирование в больших экономических системах» (1972).

¹³ У нас была переведена замечательная книга Стаффорда Бира «Кибернетика и управление производством».

И вот в 1970 меня посылают в Англию на курсы менеджеров при фирме ICL (по тем временам, английский аналог американской фирмы IBM). У меня появляется возможность встретиться с Биром. Я пишу письмо Акоффу и прошу его попросить Бира встретиться со мною в любом удобном для того месте. Акофф связывается с Биром, рекомендует меня ему и договаривается, что я могу приехать и навестить Бира, когда буду в Англии.

Кстати, эти два человека еще тогда изобрели «полуполупроводниковую почту»: они посылали по почте друг другу кассету от диктофона с записанным письмом и со всей предысторией данной переписки. Это было так же удобно, как теперь с емейлом: получаешь письмо, а в нем, помимо нового письма, содержится и вся предыдущая переписка по этому же вопросу. Приехав в Англию, я созвонился с Биром. Он жил относительно недалеко от Лондона. Мы договорились, на каком поезде я приеду. Он сказал, что будет стоять на платформе с раскрытым зонтом даже если не будет дождя, описал мне свою внешность: карла-марлова борода и темная, хотя уже и не бурная шевелюра.

Когда я приехал на нужную станцию, Стаффорд узнал меня первым. Зонт у него раскрыт не был: он объяснил мне, что захотел сам меня угадать, а уж зонт был заготовлен на всякий случай.

Он повел меня пешком через лесочек к себе домой. Машин этот всемирно известный кибернетик не признавал! Дом у него был оборудован всяческими кибернетическими приборамбасами – у него в дополнение к блестящей голове были золотые руки хорошего мастерового. Вспоминается, как, войдя к себе в кабинет, он хлопнул в ладоши, и от звука зажглась лампа в виде большого прозрачного глобуса. По всему дому была налажена селекторная связь: из любой комнаты можно было связаться по встроенному в стене микрофону со всеми остальными комнатами сразу. Это, конечно, облегчало поиск жены в многокомнатном доме. Было много еще чего интересного, но я уж теперь не припомню.

Потом мы со Стаффордом довольно бурно переписывались – он был из тех людей, которые отвечают на письма и сами пишут довольно неформально. Он написал мне, как он

был советником у Сальвадора Альенде. Когда он уехал в отпуск, как раз и произошел путч. Бир писал, что если бы путч застал его в Чили, он бы умер с автоматом в руках рядом с Альенде.

У меня, к сожалению, сохранилось только одно письмо Стаффорда, уже 1976 года, т.е. написанное уже шесть лет спустя после нашего знакомства.

Вот выдержки из него.

«Дорогой Игорь!

Извини за причиненное неудобство. Я не ответил сразу, потому что связывался со своим издателем, чтобы он прислал тебе мою новую книгу “Platform for Change”.

.....

Ты тепло пишешь о книге, но боюсь, что ты еще не читал ее до конца, а история моей работы в Чили как раз в конце книги. Я очень хочу, чтобы эта моя работа стала известна в Советском Союзе. Спасибо за теплые слова о моем друге и товарище – Сальвадоре Альенде. Я был как раз с ним, когда он вернулся из Москвы... Мне кажется, что я понимаю, почему он не получил финансовой помощи, за которой ехал – но ЕСЛИ БЫ он ее получил! Мы смогли бы остановить американцев, и все заработало бы хорошо, я уверяю тебя.

.....

Поезжай мирно на свою дачу, мой дорогой друг: будь счастлив. Я сейчас в моем малюсеньком коттедже и тоже счастлив, хотя душа моя страдает за судьбу человечества. Это груз на моем сердце.

Love + Peace.

Stafford.

P.S.Пожалуйста, напиши мне о своих впечатлениях о моей чилийской истории, когда дочитаешь книгу до конца».

* * *

Сам Стаффорд Бир продал дом в Англии и пожертвовал все свои средства в пользу демократической Чили. После этого от него ушла разгневанная жена. Сам он сначала переехал в маленький загородный дом (подешевле), а затем и вовсе переехал в Канаду, где жизнь дешевле, чем в Англии. Я получил от него еще одно письмо из Канады с новым адресом.

Несколько раз писал ему, но ответа не получил. Потом я узнал, что он был тяжело болен.

От коллег я лишь недавно узнал, что Стаффорд умер в Торонто в 2002 году.

Кстати, сам Рассел Акофф, познакомивший меня с Биром, работал советником по планированию в Индии, когда Джавахарлал Неру разрабатывал свой первый пятилетний план развития страны. Интересно, что Неру взял советником американского профессора, а не кого-то из советских идеологов планирования, правда? Нужно заметить, что в свое время Акоффа в Америке предавали анафеме за то, что он был приверженцем долгосрочного «скользящего» планирования для больших корпораций. Впрочем, чуть позже Министр обороны США Роберт Макнамара внедрил свое «программно-целевое планирование», что коренным образом поменяло отношение американского бизнеса и правительственных учреждений к вопросам планирования.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Нет, нет! Все было добровольно

Работал я тогда в НИИ АА у Владимира Сергеевича Семенихина начальником Теоретического отдела. Отдел у нас был весьма своеобразный: никаких своих специальных задач – работа на подхвате у других подразделений. Ни дать ни взять – должность «умного еврея при губернаторе».

Какой же год был на дворе? Ах, да - «юбилейный»! Помните: духи «запах Ильича», мыло «по Ленинским местам», трехспальная кровать «Ленин с нами»? Конечно же, это был 1970 год, а мне было тогда уже 35 годков.

Спустили на наш институт очень ответственный проект: разработка информационно-вычислительного центра ЦК КПСС! Вызывает меня Владимир Сергеевич и говорит:

- Игорь, я решил назначить тебя официальным Научным Консультантом по нашей части проекта – информационно-вычислительной системе «Союз». Научный Консультант по системе «Международные отношения» – академик Виктор Михайлович Глушков, а по системе «Принятие решений» – членкор Гермоген Сергеевич Поспелов...

Такая вот компания у меня была – аж мороз по коже продрал. Я бодро в шутовском тоне отвечаю:

- Как беспартийный большевик готов выполнить любое задание партии!

Владимир Сергеевич взметнул на меня глаза, молча протянулся к телефону и слышу:

- Игорь, зайди ко мне да захвати с собой ваших партийных чернил.

Звонил он секретарю парткома института Игорю Андреевичу Тихомолову (а партком у нас был аж на правах райкома!). Опустив трубку на рычаг, Семенихин говорит мне:

- Представляешь, эти м-и-ки до сих пор все документы пишат фиолетовыми чернилами, потому что ими писал Ленин! Как же мы вычислительную технику-то внедрять будем? Ведь Ленин и на пишмашинке не печатал!

Пришел Тихомолов этаким бобчинским-добчинским, бочком, бочком к Генеральному конструктору... Семенихин молча взял непроливашку с фиолетовыми чернилами и школьную ручку и начал что-то скрести на листе бумаги. Кончив, протянул лист Тихомолову со словами:

- Вторую рекомендацию Игорю напишешь сам, а третью попроси кого-нибудь.

Так все было решено. Сознаюсь, в партию мне не хотелось (избегал неоднократно), но корчить сейчас из себя борца за какие-то принципы тоже не хочу.

Моя ситуация была похожа на ситуация Галилея (да простят меня за сравнение!), про которого Евгений Евтушенко написал: «Он знал, что вертится Земля, но у него была семья».

* * *

Помню, однажды ко мне, проездом откуда-то домой в Харьков, зашел Гера Богословский, мой друг еще с полигонных времен. Был он угрюм, молча достал бутылку водки, какую-то завернутую закуску... Я спросил, в чем дело. Он ответил, что сначала надо выпить. Выпили по полстакана, после чего он сказал почти дрожащим голосом: «Я вступил в партию...» Он объяснил, что поступает в какую-то военную академию, куда, естественно, беспартийным путь заказан.

Так вот, сознаюсь, у меня *таких* переживаний не было. Ну, не хотелось, но трагедий я не устраивал.

Но это еще не конец истории моего «членовредительства».

Приехал я на так называемую «комиссию старых большевиков», которая в те времена всегда была обязательным этапом перед процедурой приема на бюро райкома. Старым большевикам было все едино: хошь белякам головы рубить, хошь красным ордена на грудь цеплять – они вперемешку штамповали рекомендации бюро райкома к приему в партию, либо к исключению из оной. Замечу, что райком был не простой, а почти «золотой»: тот самый Бауманский, к которому был прикреплен весь кремлевский партийный генералитет.

Передо мной рассматривалось дело футболиста «Локомотива» Моргунова (был такой известный на весь Союз защитник-костолом). Дело вела какая-то членша бюро райкома, провиненькая административная бабенка.

- Кем вы работаете?

- Футболистом!

- А пишете, что рабочий?

- А что же это – не работа? Я так «пашу», как вам и не снилось!

- Ну, а где вы деньги поучаете?

- У Бещева в кабинете?

- Это кто такой?

- Знать бы надо – Министр транспорта!

- Как в кабинете?!

- А так... В конвертике.

- Нет, мы вас не можем рекомендовать на бюро райкома... Вы не рабочий... И к тому же, как же вы будете партвзносы платить и конвертика?

- Да кто вы такие? Про вас в Уставе партии и слова не написано. Самозванцы, вот вы кто!

- Товарищ Моргунов, я бы вас попросила...

- А плевать я хотел на вашу комиссию! Меня «Локомотив» рекомендовал в партию! Я и без вашей рекомендации обойдусь!

Он по-пролетарски стукнул кулаком (нет, кулачищем!) по столу и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Следующим на очереди был я. Сознаюсь, пример Моргунова меня вдохновил: все же пролетариат – это пролетариат, даже если он ни дня нигде не работал!

- Товарищ Ушаков, вот вы доктор наук, профессор, начальник отдела, по заграницам болтаетесь (так и сказала, мать-ее-перемать!)... Зачем вам в партию вступать?

- Вы вопрос неправильно ставите. Мне, действительно, незачем. Но я вступаю не «зачем», а «почему». А на это ответ в моем заявлении». ... Нашла, как говорится, «коза на камень»!..

-Товарищ Ушаков, что же это вы в заявлении написали: «Устав и Программу партии разделяю?» Это же неправильно! Так не пишут.

- Ну, дайте мне образец, я перепишу, мне не трудно.

- А образцов заявления не бывает! Нужно писать от души!

- А я так и написал... – Я все больше и больше понимал футболиста Моргунова – словом, «кипит наш разум возмущенный...»

- А разве вы не знаете, что наш Ильич боролся с «разделистами»-меньшевиками, которые, как и вы, «разделяли Устав и Программу»?

- Да Ленин просто боролся с меньшевиками... Если бы они признавали, то он бы разделял...

- Товарищи старые большевики! Он пытается интерпретировать политическую позицию нашего Ильича!!! Я считаю, что товарищ Ушаков еще не созрел для приема в партию!

Я не Моргунов, кулаком не стучал, а просто встал, чтобы уйти, хотя меня за полу пиджака и дергал представитель моей парторганизации Юра Лещенко, кстати, мой аспирант...

Старые большевики, все как один, шашки наголо – и единогласно за недопущение меня на бюро райкома.

Но... Что случилось?! Как в песне Галича «гражданка Парамонова» стала меняться в цвете лица: красная... бордовая... фиолетовая... И голос помягчал:

- Товарищи старые большевики, в деле товарища Ушакова находится важная бумага... Это личная рекомендация члена бюро нашего райкома партии академика Семенихина... Вы все, конечно, знаете академика Семенихина. Так вот он пишет, что товарищ Ушаков замечательный советский ученый, он ведет огромную общественную работу... Знаете, до заседания бюро осталось еще два дня, товарищ Ушаков успеет подготовиться и достойно выступить на бюро райкома... Кто за то, чтобы рекомендовать товарища Ушакова на бюро райкома?..

Снова взметнулись в небо буденовские клинки на этот раз единогласно за меня...

Мы с Юрой после этой экзекуции пошли по соседству в пивную в Сокольниках и славненько надрались, пия пиво с водочкой.

А в институте на следующий день я пошел «пожалиться» к Семенихину. Он, услышав обо всем, долго смеялся, а потом, посерьезнев, сказал: «Тебе повезло. Это был еще не самый глупый представитель бюро райкома».

На самом бюро райкома все шло, как по маслу. Моргунова приняли, не моргнув глазом (он опять шел непосредственно передо мной). На вопрос были ли к нему замечания на комиссии, он ответил бодро по-пролетарски «нет». Потом наступила моя очередь.

- Да, были, — ответил я на аналогичный же (видимо, стандартный процедурный) вопрос со всей мощью гнилой интеллигентской глупости.

- Какие замечания? — спрашивает меня усталый и даже чем-то симпатичный секретарь райкома.

- Я неправильно написал заявление...

Секретарь райкома читает мое заявление вслух и в конце замечает:

- А по-моему все нормально... Что здесь не так?

- Надо было написать «признаю», а товарищ Ушаков написал «разделяю»... - Проверещала председательша комиссии.

- Ну, а какая принципиальная разница?..

- Но ведь наш Ильич...

Не дав ей договорить, секретарь райкома вернул мне заявление со словами:

- Вам не трудно переписать это заявление? Будьте добры...

Мне понравилось, что все было сделано даже как-то артистически: напомнило мне реплику Семенихина по поводу му-#@-цких фиолетовых чернил. Переписал. Опять секретарь райкома спрашивает:

-Ну, какие есть предложения?

Тут буквально, как черт из табакерки, со своего места вскакивает «гражданка Парамонова» и формулирует:

- Товарищ Ушаков не совсем уверенно отвечал на некоторые вопросы по истории партии. Я рекомендую направить его в Университет марксизма-ленинизма!

И тут произошло то, за что я просто зауважал секретаря райкома:

- Да стоит ли? Заучим мы товарища Ушакова. Он без того доктор и профессор. Пусть продолжает спокойно работать!

Так я получил свой «One way ticket», как я всегда называл партбилет – билет в одну сторону.

Сознаюсь, мне в жизни везло. Я и в партии многих весьма порядочных людей встречал, и в КГБ. Сволочей везде много, и чем выше – тем больше. Но и наверху попадались светлые личности.

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Кандидатская

Следуя совету своего первого начальника – Исаака Михайловича Малёва, я все идеи, как бы они мелки не казались, записывал, а все отчеты писал с такой степенью отточенности, что их в виде статей потом без доработки принимали в научно-технические журналы. Одним словом, за два года работы в Отделе надежности у Якова Михайловича Сорина я сляпал кандидатскую диссертацию.

Писал я ее урывками дома, а жили мы тогда в одной из комнат трехкомнатной квартиры, а в других двух комнатах — еще две семьи. Почти как в песне Высоцкого, но получше: не на «тридцать восемь комнаток всего одна уборная», а только на три. Писал я диссертацию в ванной (слава богу, не совмещенной) в перерывах между соседскими помывками.

Завершал я свою работу, когда дочке было уже около четырех лет, и она мне на самом деле помогала: при методе «ре-кле» (то бишь «резать-клеить») нужно было приклеивать кусочки текста в определенном порядке на основу — газетный лист. Это и была ее работа. На разложенные на полу газетные полосочки она, высунув язычок, аккуратненько приляпывала вырезки из моих статей. Оказывается она помнит об этом до сих пор!

После перепечатки моего опуса, я с талмудом почти на 300 страниц явился с трепетом пред очи Якова Борисовича Шора, который вместе с Гнеденко опекал меня все это время. Показать свой труд Гнеденко — такого у меня и в мыслях не могло быть!

Я попросил Шора быть моим научным руководителем. Он взял рукопись и пообещал ее просмотреть. При нашей следующей встрече он сказал: «У вас готовая работа. Никакой руководитель вам не нужен. Я согласен быть вторым оппонентом, а хорошего первого оппонента я вам обещаю обеспечить». Через пару дней я узнал, что он попросил быть моим первым оппонентом Бориса Владимировича Гнеденко!

Так я и защищал кандидатскую диссертацию с двумя оппонентами докторами. ВАК я прошел меньше, чем за месяц.

Много лет позже, уже будучи в Америке, я гулял по Вашингтону с Борисом Владимировичем и сказал ему, что сожалею, что не являюсь его формальным учеником, на что он ответил: «Ну, вы у меня своеобразный уникум: я ни у кого не был оппонентом и на кандидатской, и на докторской диссертации, кроме вас! Кроме того, я-то вас своим учеником считаю».

«Есть ли жизнь на Марсе...»

При писании мемуаров, наверное, у всех возникает бес-
сознательный соблазн показать себя таким образом. Но от
памяти, на самом деле, никуда не убежишь – она все равно до-
гонит... и добавит!

Вот мне и захотелось рассказать об эпизоде, над кото-
рым можно вроде и посмеяться, а можно и... Впрочем не буду
оправдываться.

Для технаря я защитился довольно рано, если учесть,
что я работал, а не учился в аспирантуре. И вот совсем еще не-
оперившегося кандидата приглашают оппонировать сразу на
двух кандидатских диссертациях в Киев, в Высшее инженерное
радиотехническое училище ПВО. Подзащитными были мои
хорошие друзья и коллеги, с которыми я был связан по общим
техническим разработкам – Михаил Ластовченко и Сергей Се-
нецкий.

Я оппонировал впервые в жизни! Волнений, не скрою,
было очень много. Я взял с собой рукописные копии отзывов
(машинописные были секретными, пришлось делать «откры-
тые» шпаргалки) с разметками пауз и с выделенными основны-
ми пунктами.

Но самое главное, почему я волновался – первым оппо-
нентом по обеим диссертациям был член-корреспондент Ни-
колай Пантелеймонович Бусленко. Это была моя первая встре-
ча с ним, после которой судьба свела нас надолго вместе по ра-
боте и по преподаванию на Физтехе.

Головной организацией у обоих подзащитных так же
был один и тот же Институт Приборостроения, или НИИ ПС,
который в народе расшифровывался, как НИИ Половых Сно-
шений. Оттуда на защиту ехал официальный представитель,
тоже мой хороший знакомый – Леня Матвеев.

Такая организация защиты была вызвана очень простым
обстоятельством: все три главных действующих лица - москви-
чи, и, назначив одних и тех же людей на обе диссертации,
Училище сэкономило на железнодорожных билетах.

По рангу Николай Пантелеймонович ехал, конечно, в СВ, а мы с Леней – в купе, где, кроме нас, никого больше не было. Леня был очень заводной и общительный парень, а по-сему уже через несколько минут после отправления он уже открывал откуда-то появившуюся бутылку водки, разливая ее в стоявшие на столе чайные стаканы. Леня был постарше меня, воробей, как говорится, стреляный, он понимал мое волнение, и всячески помогал мне снять стресс.

Снимая стресс, мы, выпили всю бутылку. Показалось мало... Предусмотрительный Леня, понимая, что у нас не будет времени на покупку в Киеве бутылки на обратный путь, запасся еще одной бутылкой. Усидели мы и ее, и я заснул мертвецким сном...

Минут через пятнадцать, не больше, как мне показалось, Леня трясет меня за плечо и говорит:

- Вставай, приехали!
- Куда приехали?..
- В Киев.
- В какой Киев?..

И только тут до меня доходит сквозь тяжелое похмелье, что у нас с утра выступления на Ученом Совете, а я помятый и вдребезину пьяный... А в окно уже стучат встречающие адъютанты. Я вскакиваю, тут же падаю опять на полку, все же встаю, натягиваю брюки, рубашку, завязываю непослушными руками галстук и понуро бреду за Лней...

Встречает нас на перроне (ну, не нас, а Бусленко, конечно) прямо-таки почетный караул: зам. начальника училища по науке и оба соискателя. Около вокзала уже стоит военный «виллис»...

В актовом зале все готово к первой защите: от трибуны до противоположной стенки вдоль сцены натянуты металлические тросики для плакатов. Нас сажают на первый ряд. Я почти что ничего не соображаю: в глазах все плывет, я, даже сидя на стуле, порываюсь упасть, но все же удерживаюсь...

Сидящий рядом со мной Бусленко просит кого-то из младших офицеров принести ему стакан воды, чтобы запить таблетку перед выступлением. (У него уже тогда барахлило

сердце.) Ему приносят, он запивает таблетку и почти полный стакан возвращает...

О, с каким бы удовольствием я вырвал из рук того офицера этот стакан! У меня во рту все пересохло и бушевал буквально пожар! Но...

Начался доклад. Соискатель браво, по-военному докладывал. Я полез за своими записками, но к своему ужасу обнаружил, что читать их не могу: строчки наезжали друг на друга, игриво плясали, а, переходя с конца одной строки на другую, я полностью терял ориентацию на странице. Стал внимательно слушать доклад, чтобы вспомнить, что же я написал в отзыве. Но соискатель барабанил словами, как дьячок на паперти, в монотонной, быстрой и невыразительной речи разобрать ничего было невозможно...

Он очень ловко передвигал плакаты по натянутому тросу, как хорошая хозяйка развешивает белье после стирки. Вот заполнен ряд у стены, потом он начинает так же сдвигать плакат за плакатом на следующем тросе... В результате вся сцена была завешена четырьмя или пятью рядами плакатов.

«Доклад окончен!» – сообщает адъютант, бодро уложившийся ровно в отведенные тридцать минут и ни секундой больше! Дальше все идет по процедуре.

Наступает очередь первого оппонента. Бусленко встает, идет своей обычной молодцеватой походкой, подходит к «развешанному белью», быстро ныряет под плакаты и выныривает уже около трибуны.

Как всегда, Николая Пантелеймоновича слушать было интересно. Я же слушал его, жадно впитывая каждое слово, и уже к середине мой собственный отзыв выплыл в моем сознании из хмельного тумана.

Настала и моя очередь. Я также, стараясь идти бодро, подошел к плакатам, смело нырнул под них, от резкого наклона у меня закружилась голова, но я смело продолжал путь... Когда я, наконец... вынырнул из-под плакатов обратно в зал – все дружно засмеялись: за мной ходила слава великого хохмача.

Это как раз было время, когда гремела «Карнавальная ночь», а сценка, в которой Сергей Филиппов появлялся примерно в таком же виде, в каком находился я, была одной из са-

мых ярких. Помните? Пьяный лектор выходит на трибуну и заявляет: «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе – науке неизвестно». Потом он говорит что-то вроде того: «Когда вы смотрите на ночное небо, то вы видите «три звездочки» или «четыре звездочки», а лучше, конечно, пять звездочек»...

Со второй попытки я все же успешно добрался до трибуны и, опираясь на нее обеими руками, как это делают профессиональные лекторы, начал свое выступление. Трибуна была очень кстати – она помогала мне стоять, не качаясь, на бесчувственных ногах,

Поскольку вся моя информация о диссертации на тот момент ограничивалась услышанным во время выступления первого оппонента да какими-то обрывками из собственного отзыва, всплывавшими в непослушной памяти, я почти все время поддерживал мнение первого оппонента и во многом повторял то, что он говорил. Но мобилизация сил и сознания в ответственные моменты жизни всегда меня выручала. Я даже хорошо протрезвел, говорил, как потом рассказывали, с огоньком и даже острил.

Одним словом, я не ударил лицом в паркетный пол... А ведь рассказывают, что один украинский академик, выйдя на трибуну, оппонируя диссертацию, успел сказать «3-з-заслуживает...» и рухнул, замертво вместе с трибуной, которая не удержала его. Защита, конечно, была сорвана...

А я устоял, а ко второй защите вообще был свеженький, как огурчик.

Помню, потом меня еще спрашивал после защиты мой подзащитный:

- Ты что, докторскую собрался защищать?

- Это почему?

- Да ты так Николая Пантелеймоновича «облизывал», будто готовил почву, чтобы пригласить его себе в оппоненты...

Кстати, он оказался почти прав – ВЦ Минобороны, которым руководил Бусленко, был головной организацией по моей докторской.

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Как убивали негра и кое о чем еще

Однажды я был направлен как член какого-то комитета по стандартизации в области надежности в Соединенные Штаты, в Вашингтон на совещание МЭК – Международной Электротехнической Комиссии.

Делегация советская была весьма представительная: несколько директоров отраслевых институтов (с любовницами, оформленными в качестве переводчиц), какие-то чинуши из Госстандарта, а также две темные лошадки, оказавшиеся сотрудниками КГБ. Узнал о них я еще в Москве: куратор нашего института «засветил» их мне, чтобы я невзначай «не отчебучил ничего», как пел Высоцкий. А с куратором, которого звали, скажем, Валера¹⁴, у меня были очень хорошие отношения, но как и почему – это в другой раз.

Одним словом, среди всех этих темных лошадок я оказался белой вороной: и дело понимал, и по-аглички калякал кое-как. Чтобы не было подозрений, что я кокетничаю в части языка, сообщаю, что сейчас, прожив почти полтора десятка лет в США, я не владею языком настолько, чтобы понимать американские фильмы.

Так что и тогдашний уровень мой оставлял желать лучшего. Тем не менее, сексапильные девочки-«переводчицы» были – в смысле языка – на голову ниже меня.

Мой рабочий день протекал так. Сидел я обычно рядом с главой делегации и пересказывал ему то, что понял сам (а это было не очень-то густо!). Потом по каждой фазе работы нужно было голосовать: я говорил главе делегации, в чем суть, а иногда и подсказывал, за что голосовать. (Имя у меня в «административно-научных» кругах тогда уже было.)

¹⁴ Ну, а зачем вам его фамилия? Герои невидимого фронта не нуждаются в рекламе.

Жили мы в гостинице «Вашингтон Шератон», где в каждом номере встретили нас ярко-оранжевые листовочки, на которых на английском с одной и на французском с другой стороны было написано, что Вашингтон является самой преступной столицей в мире, что дверь в номер нельзя открывать незнакомым людям, что после пяти вечера по улицам лучше не ходить, что в северо-западный район (негритянский) лучше не попадать и днем, что в верхнем внешнем кармане пиджака или рубашки желательно иметь десятидолларовую бумажку, чтобы откупиться, если вас начнет щекотать ножичком уличный бандит...

**Св. Никола в Вашингтоне
(рис. автора)**

И такого на целую плотно напечатанную страничку! Честно говоря, то, что было написано на той страничке больше походило на советскую пропаганду: вот, мол, как живут в мире капитала. Во всю эту белиберду даже как-то не верилось.

Я был один, вне дружно пьющего коллектива капитанов советской индустрии, поэтому от совсем нечего делать однажды в первый или во второй день где-то около половины шестого, когда было совсем светло (дело происходило в середине мая) вышел на

улицу, но решил никуда от отеля не отходить, стоял около «парадного подъезда»...

Не прошло и пяти-десяти минут, как через витринное стекло рядом с парадной входной дверью вылетел негр, ловко, как обезьяна, прыгнувшая с ветки, очутился на своих двоих и рванул в сторону, слава богу, не в мою. Тут же следом через образовавшуюся дыру в окне, скалившуюся осколками стекла, как акульими зубами, хорошо сгруппировавшись, пролетел в красивом культисте человек в светлом костюме, ловко (не хуже

негра!) твердо встал на обе ноги, и как в американском кино, держа пистолет двумя руками, сделал пару выстрелов в убежавшего. Тот, как подкошенный, упал. Тут я обратил внимание, что светлый костюм стрелявшего стал пятнами темнеть: пролетая сквозь разбитое стекло, агент ФБР весь изрезался... Спустил какое-то время (свидетелю подобных событий чрезвычайно трудно ориентироваться во времени), из двери вывели второго негра уже в наручниках. По тротуару стекала довольно бурным ручейком кровь убитого (ФБР учат стрелять на поражение – так меньше хлопот с либеральным американским судом: приговор приводится в исполнение прямо на месте преступления ☺.) За эти, как мне казалось, считанные минуты у входа в гостиницу оказалась полицейская машина, в которую затолкнули пойманного негра, а в это же время в машину скорой помощи затаскивали носилки с трупом убитого негра, покрытого белой простыней...

Поверил тогда я в «советскую пропаганду» в американском исполнении! Вошел я в отель, решив по такому случаю выпить в баре, хотя обычно такой роскоши за границей себе не позволяя. И там-то я увидел весь цвет советской околонаучной интеллигенции, уже порозовевшей от принятого. Я заказал что-то и подсел к «своим». Конечно же, я им рассказал про происшествие. Мало кто поверил, а посему решили пойти посмотреть. Делали это не спеша – ведь не все еще было допшто...

Когда вышли, то я почувствовал себя прямо таки обманщиком: никакой крови, только свежевывмытый тротуар, никакого разбитого окна, только мастеровой завершающий какие-то действия с целехоньким окном... «Наши» были разочарованы, мне так и не поверили, а я был изумлен, с какой скоростью все было сделано...

И вот тут-то трое записных алкоголиков, начавших пить еще в самолете, решили пойти прогуляться по вечернему городу. (Из них хорошо помню лишь Степаниди¹⁵, директор

¹⁵ Фамилия слегка изменена, поскольку, может, в обстановке Родины он был вовсе и не такой уж алкаш: чего же зря человека порочить!

одного из известных московских НИИ.) Я искренне за них перепугался – вечером да еще пьяные. И пошел на действие, которое может быть гневно заклеено русскими постсоветскими демократами. Я сказал: «Подождите меня, я переобуюсь и пойду с вами». Они согласились, тем более, что языковая поддержка в чужом городе не помешает.

Один из кагэбэшников жил через дверь от меня. Я постучал, он открыл дверь, стоя в одних трусах. Я ему сказал, что трое из делегации собираются идти гулять по городу. Он даже не успел удивиться, откуда мне известно, что обращаться нужно именно к нему. Буквально через минуту он одетый уже вышел в коридор. Когда мы вышли из лифта, он пошел первым. При приближении к группе, я его обогнал и бодрым голосом сказал:

- Ну, что пошли?

Подошедший следом кагэбэшник, как бы удивленно спросил:

- И куда же это вы собрались?

Степаниди, как глава делегации и одновременно ее алкогольный «главарь», ответил:

- А погулять!..

- Нет, никуда вы не пойдете.

- А вы кто такой, чтобы нам указания давать?

- Я тот, кто может вас завтра отправить самолетом в Москву, после чего вы никогда ни в какую границу больше не попадете!

На этом диалог закончился, и слегка протрезевшие делегаты побрели по своим номерам.

Этот эпизод сыграл решающую роль в поднятии моей репутации в глазах наших «поводырей». Еще в Москве, готовясь к поездке, я спросил у нашего институтского куратора Валеры, можно ли мне продлить пребывание в США на три дня и съездить в Филадельфию, чтобы встретиться со своими коллегами Расселом Акоффом и Томом Саати, книги которых я переводил на русский. Валера взял книги, чтобы показать своему начальству и спросить разрешения для меня. Разрешение было дано! (Я уже был проверенный-перепроверенный: сколько раз был в капстранах, а ни разу не сбежал.) Правда, было сказа-

но, что окончательно решать надо на месте с главой делегации и с посольским «офицером по безопасности».

Вместо главы делегации я поговорил с главным кагэбэшником делегации и, естественно, получил его добро.

Офицер по безопасности, коему вместо пароля я должен был передать привет то ли от какого-то Николая Николаевича, то ли от Петра Петровича, сказал мне: «Конечно, конечно, поезжайте. И чем скорее вы отсюда исчезнете, тем лучше: мне забот будет меньше. Это ужасный город!»

Уехал я рано утром в последний день работы комиссии, когда остались какие-то чисто процедурные вопросы.

В Филадельфии все было крайне интересно. Акофф пригласил меня прочитать лекцию в Пеннсильванском университете. Прочитал я что-то вроде «Развитие кибернетики в Советском Союзе». Заняло все это чуть больше часа даже с ответами на вопросы.

После лекции дают мне в конвертике гонорар. Я естественно, не считая, кладу конвертик в карман пиджака.

Подходит Акофф и спрашивает, почему я не пересчитал деньги. Я достаю конверт и, не вынимая купюр, считаю их уголки.

-Двадцать.

Автор и Рассел Акофф у ВЦ АН

- Как двадцать?! – Он берет конверт, вынимает деньги и пересчитывает двадцать... но 20-долларовых бумажек! – Все о'кей, четыреста!

- Четыреста долларов?!

- Да. А чем ты удивлен?

- Но ведь это слишком много!

- А вот Норберт Винер всего за 40-минутную лекцию получил 600 долларов.

- Но я же не Винер!..

- Ну, вот ты и получил не 600, а только 400!

Потом я узнал, что в американских университетах плановое финансирование. Если бы они не израсходовали отпущенных денег по статье «приглашенные лекторы», им бы срезали этот фонд на следующий год!

Но пора вернуться к последней фазе заседания комиссии. Обо всем этом я узнал, когда наша делегация встретилась уже в Москве в ГКНТ для подписания отчета. Глава делегации, как коршун, налетел на меня:

- Как вы нас подвели, Игорь Алексеевич!

- Каким образом?

- В последний день за что-то голосовали. Я по привычке проголосовал “за”. Но оказалось, что голосовали за то, что следующее заседание комиссии состоится в Тель-Авиве... Вот и получилось, что проголосовали единогласно!

А дело было в том, что голосовали сначала «великие державы», а потом все остальные сателлиты и прихлебатели в алфавитном порядке. Когда СССР проголосовал «за», то все наши сателлиты – немцы, чехи, румыны, болгары и прочие братья-славяне и не славяне автоматом проштамповали советское решение!

Вот по такой хитрой цепочке иногда развивается жизненный сюжет, ну, впрямь тебе Агата Кристи: друг КГБэшник «засветил» мне своего коллегу в делегации → в делегации вместо переводчиц оказались любовницы начальников → при мне убили негра → три пьяных советских командировочных собрались погулять по ночному Вашингтону → я взбудоражил главного КГБешника делегации, который пресек это меро-

приятие → в знак благодарности он благословил продление мне командировки на три дня → я уехал на день раньше в Филадельфию → глава делегации, оставшись без какой-никакой языковой поддержки, поддержал Израиль как страну проведения следующего заседания комиссии по терминологии...

А ведь тогда израильские сионисты наравне с американскими империалистами были нашими лучшими врагами! Советская делегация, естественно, не поехала на следующее заседание той самой Международной комиссии.

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Вы когда-нибудь писали чернилами?

Когда Тане, моей дочке, было года два, она заболела стоматитом: сами понимаете, ясли, куда мы ее отдали, поскольку все работали, не были лучшим местом для возвращения здорового ребенка. К тому же, жена моя оказалась в долговременном туберкулезном санатории, так что дочка была целиком на моих руках: утром отвезти в ясли, после работы забрать, потом нянчиться, читать книжки... Конечно, без тещи я бы, наверное, не выжил: она готовила и много проводила времени с внучкой, так что я даже успевал урывками писать кандидатскую...

Жили мы тогда, как и все, скученно и дружно. В трехкомнатной квартире жило три семьи. Одну из комнат занимали мы – теща, тесть, моя жена, я, моя маленькая дочка и взрослая 18-летняя сестра жены. Площадь комнаты была 18,3 кв.м., т.е. 3,05 кв.м. на человека, а право на улучшение жилищных условий имели те, у кого было меньше 3 кв.м. на человека... Эти 0,05 кв. метра долго мешали моему тестю получить жилье побольше, хотя он был ветеран на заводе, ездил в Испанию во время Гражданской войны и даже заработал там орден Красной Звезды. Спасло нас только начатое Хрущевым массовое строительство, но это случилось только через несколько лет.

Но в то время я был молод, по-идиотски жизнерадостен: все было нипочем, о светлом будущем и не мечтал, поскольку был удовлетворен своим светлым настоящим. Писал кандидатскую диссертацию, сидя в ванной на табуретке перед умывальником – это был мой кабинет. Соседи относились к

этому с пониманием, стуча деликатно в дверь с просьбой пустить их помыться...

Но я отвлекся. Так вот, заболела дочка стоматитом. Участковая выписала «синьку» – противный кристаллический порошок ядовито ультрамаринового цвета. Дать такую гадость собственному ребенку, не испробовав его на себе, я не имел никакого морального права. Рассудив, что моя доза должна быть раз в пять выше, чем детская, я проглотил пять порошков. Губы, язык у меня стали темно синими, зубы – голубыми, но жив остался. На работе надо мной потешались, но к самому факту жертвенного эксперимента отнеслись с интересом и даже уважением.

Дома вечером зашла к нам в комнату соседка и попросила меня не выливать чернила в унитаз, поскольку они оставляют следы...

Я страшно смутился и объяснил, что я не выливаю чернила, а... писаю ими. Действительно, после моего эксперимента с глотанием порошка я дня два писал темно синими чернилами, которыми хоть авторучку заправляй!

Вот поэтому я и спросил в самом начале этого рассказа: Вы когда-нибудь писали чернилами?

Детей обманывать нехорошо, но иногда нужно

Когда я женился второй раз, то вместе с женой я приобрел маленький двухлетний комочек тепла и радости – Кристину. Комочек этот, как и прочие в том же возрасте, начинал «прощупывать» жизненное пространство: что можно и что нельзя. Кристина начала вить из нас с женой веревки: что бы она ни попросила, ей все было можно. Одним из ее капризов было пробуждение среди ночи, часа в два-три и требование еды. Она, сидя на руках, тянула свои ручонки к холодильнику и просила есть. Жена вставала, открывала холодильник, спрашивала, что та хочет, кормила ее, потом долго убаюкивала, наутро поднималась с головной болью и шла на работу.

Тут я решил «лечь на амбразуру». Мы поменялись с женой местами на кровати, я лег с края, поэтому когда Кристина подошла будить маму, она разбудила меня. Она стала мне объяснять на своем детско-птичьем языке, что хочет есть. Я встал,

взял ее на руки и мы пошли на кухню к холодильнику. Вечером предварительно я все из него выгреб и спрятал в шкафчике (благо по тем временам много в холодильниках не бывало!).

Я открыл холодильник, показал Кристине, что там ничего нет. Это ее как-то обескуражило, но детское сознание подсказало ей, что из ничего «чего» не получишь. Она немного поканючила, но потом убаюканная моими сказками заснула.

На следующий день история повторилась... Так продолжалось около недели. Я был измотан до предела: оказалось, что прерванный сон – это страшное дело. Вспомнились молодые годы, когда я по ночам на правах кормящей матери вскакивал к Тане, но тогда мне было всего 23 года...

Жалко было Кристину аж до слез, так она жалобно скулила и просила поесть... Но терпенье и труд все перетрут. С тех пор она перестала просить есть по ночам.

ПРО СЕБЯ

Футбол в моей жизни

Футбол был моей страстью. Во дворовой команде я всегда играл вратарем. И звали меня – чем я гордился – «Тигр», как легендарного Алексея Хомича. (Кто не помнит, напомним: Хомич ездил с московским «Динамо» в Англию в 45-м году, где ему англичане и дали это прозвище. Сразу после него ворота «Динамо» защищал еще более легендарный Лев Яшин.)

В школе я играл последний год вратарем в 1949 году, выступая за сборную своего 8-го класса, когда я учился в «смешанной» школе в Перловке. (В Москве я учился в «нормальной» чисто мужской школе.) Вот тогда-то и произошел расцвет и финал моей вратарской карьеры...

Шел финальный матч с 10-м классом. Представляете, что значит разница в два года – совершенно другая «весовая категория»! Рассказывали потом, что я вытворял какие-то чудеса вратарского искусства. Сам я помню только наиболее острые моменты: как я взял «наглухо» пенальти, как при выходе со мной один-на-один противник врезал мне бутсой в грудь, и я даже «отключился» на несколько мгновений... Плохое же в жизни, как известно, запоминается хуже, но это я запомнил: проиграли мы тогда 8:0!

Я страшно переживал нашу неудачу и разгромный счет. И вдруг после матча десятиклассницы подбежали ко мне и буквально засыпали меня цветами, которые были приготовлены ими для своих одноклассников-победителей. Так, проиграв, я стал героем матча и немножко даже героем школы.

Тогда я понял, что в жизни не всегда главное – победить, главное бороться и не сдаваться.

Следующий эпизод был уже во время матча на первенство п/я 577 (ныне ОКБ имени Лавочкина). Играл наш отдел с какими-то бугаями из сборочного цеха. Была бы нам труба, но за нас играл наш дипломник, дублер из московского «Динамо» Алик Быканов. Я уже постоянно носил очки, а посему переквалифицировался из вратаря в полузащитника-полунападающего: благо ноги были длинные и бегал быстро.

Я тогда впервые понял, как один игрок может сделать игру. Алик быстренько забил первый гол, пройдя по всему полю и обыграв индивидуально чуть ли не полкоманды. Второй его гол был тот самый, о котором только мечтал Пеле (это было сказано звездой мирового футбола в одном из интервью): когда противники бросились в бешеную атаку, а вратарь в азарте дошел чуть не до центра поля, Алик, заметив это, сделал сильный навесной удар с нашей половины поля! Мяч перелетел вратаря и допрыгал до пустых ворот. Трудно представить, насколько был обескуражен вратарь!

Третий гол в этом матче забил я. А дело было так. Алик прорвался по правому краю, а я бежал (честно говоря, не зная, зачем) по центру. Он сделал сильнейший прострел вдоль ворот низом. Мяч попал мне в правую ногу, заплел ее за левую, и я со всего разбега грохнулся, как от подножки. Летел я, наверное, метров пять или семь, и оказался, в конце концов, в сетке... рядом с забитым мною мячом!

Оказывается, мяч, попав в меня, отскочил, как от стенки, и влетел в ворота.

Мне говорили, что гол был забит потрясающе: из трудного положения, в падении! Правду знали только мы с Аликом: но мои объяснения все воспринимали чуть ли не как кокетство! А мы оба только посмеивались.

Тогда я понял, что в жизни можно стать героем, ничего героического не сделав, просто по ошибке. Почему-то больше такого не повторялось...

* * *

Потом после моего первого серьезного приступа стенокардии врач-кардиолог сказала мне, что я должен следить за собой: ежегодный отпуск, еженедельный выходной, ежедневный обед и более или менее регулярные занятия физкультурой. Трудно-выполнимые условия! Но последнее из них я выполнял с рвением и огромным удовольствием. Я стал играть в футбол три раза в неделю по утрам с военпредами нашего почтового ящика. (Тогда Хрущев – царствие ему небесное за это! – ввел обязательные часы физкультуры для военных.)

Играл я видимо, неплохо, потому что то и дело кто-нибудь из команды противников кричал: «Держи профессора!»

Теперь я уже в футбол давно не играю: ноги болят... Обхожусь почти ежедневными 400 метрами в бассейне с душевой сауной. Без физических нагрузок жить трудно!

Берегись автомобиля!

Я понял после двух собственных попыток вождения, что мне надо остерегаться автомобиля. Дело в том, что бывают люди, у которых «руки приставлены не тем концом», как говорила про меня моя мама.

Увы, я такой... Компьютер меня просто ненавидит: он то стирает файл без всякого предупреждения, то зависает в самый неподходящий момент... На работе только у меня принтер добросовестно жевал бумагу. Фотоаппарат недавно буквально выпрыгнул у меня из рук и упал не на травку, а почему-то на асфальт...

Даже входная дверь надо мной издевается: когда я иду выносить мусор, почему-то всегда легкий сквознячок захлопывает ее перед самым моим возвращением...

И вот при таких моих взаимоотношениях со всем, имеющим хоть какое-то отношение к технике, я дважды осмеливался сесть за руль...

Первый раз мне дал «порулить» мой отчим. Ехали мы по пустой проселочной дороге – упасть было некуда, в дерево впилиться – тоже по причине отсутствия оных. Сознаюсь, ощущение от той первой поездки было «волнительное», как говорил известный футбольный комментатор тех времен Николай Озеров.

Подъезжали мы к какому-то посёлочку. В целях безопасности местного населения, я покинул водительское место. Подъехали мы к какому-то пруду размером с пару баскетбольных площадок, уперлись в него носом и решили, развернувшись, ехать обратно. Замечу, что пруд был выкопан в глинистом грунте, берега его были крутыми, практически отвесными. Отчим доверил мне развернуться, переключил сцепление, посадил меня за руль и стал командовать, что делать. Развернул я руль, чтобы сделать С-образный маневр... Задний ход был уже включен, но ... когда я нажал на педаль «газа», машина дала полный ход! И вот мы уже задом неумолимо устремляемся к крутому берегу пруда!

Мы наверное так бы и грохнулись со всего размаху в этот пруд, если бы задние колеса вдруг не попали в кем-то будто специально для нас вырытую канавку. Машина провалилась в нее аж по задний бампер. Мотор почему-то заглох. Это нас и спасло.

Мы вышли из машины, пытались ее вытолкнуть из канавы, но наших силенок не хватало. К тому же мотор заглох и не заводился. Между тем, зачем-то, совсем некстати начался нудный осенний дождь. Положение наше было аховым.

К нашему счастью мимо пробежал какой-то молодой человек.

- Что, мужики, подмогнуть с машиной? – Спросил он.

Втроем мы справились с задачей. Отчим сел за руль, но его попытки завести машину были безуспешны. Парень, уже уходящий, обернулся и, поглядев на нас, понял, что без его помощи нам опять не обойтись. Он вернулся и за считанные секунды понял, в чем дело. Он отломал у какого-то ближнего кустика веточку и ею прочистил выхлопную трубу, наглухо забитую глиной. Мы были спасены!

Отчим догадался в дополнение к безмерным благодарностям дать парню трешку на пол-литра, которую тот с признательностью принял.

Второй эпизод моего общения с автомобилем был почему-то опять связан с водой. Может, мне на роду было написано стать водителем амфибии?

Приехал я в Баку в гости к своему бывшему аспиранту, которому по случаю успешной защиты папа купил «жигуль». Мы поехали однажды загород и выехали на какой-то дикий пляж. Песчаный берег был относительно пустынен, напоминал какую-то длинную беговую дорожку для сказочных исполинов – шириной метров 50. а длиной – бесконечную...

Мой друг выделял на своей машине вензеля и кренделя, а потом предложил сесть за руль мне. Я сел за руль и помчался вперед. Уж тут-то со мной ничего не могло случиться!

И вдруг машина потеряла скорость, провалившись по самую ось в песок. Мы выскочили из машины и увидели, как она медленно оседает, погружаясь все глубже и глубже...

Мой аспирант был сообразительным парнем – он, не раздумывая, рванул в сторону стаявшего в нескольких десятках метров «газика». Вскоре он с хозяином «газика» уже были на месте катастрофы. Прицепив трос к заднему бамперу, они вытянули жигуленок, который к тому времени уже успел основательно погрузиться в песок. Так я узнал на практике, что такое зыбучие пески.

На этот раз спасение обошлось в полсотни. Что поделаешь: Кавказ – не Подмосковье, работа посложнее, да и рубль уже сильно девальвировал.

- Только отцу моему ничего не говорите, а то он у меня машину отберет. – Попросил меня мой друг-аспирант.

Третий раз я за руль машины не садился... И надеюсь, никогда не сяду!

ТЕТРАДКА №3

ПРО ДЕТСТВО

Казаки-разбойники

Дело было в Свердловске, в Студгородке, куда эвакуировали Академию им. Жуковского во время войны. Я был уже большой – через полгода будет семь.

Война – войной, а детство – детством... Игры у нас, правда, были чаще всего воинственные, а потому и дурные. Играли не в 12 палочек и не в прятки, а в казаков-разбойников или просто в рискованные приключения – благо были беспризорны, родителям было не до нас.

Как помните, в казаки-разбойники играют так. Делятся на две группы – казаков и разбойников. Казаки ловят разбойников. Поймали казаки разбойника, разбойник становится казаком и начинает ловить своих бывших «собратьев по разбою». Понятно, что игра эта быстро «сходилась», выражаясь языком математическим: число казаков неумолимо возрастало, а число разбойников – быстро убывало. (Совсем не жизненная ситуация!)

Но однажды все вышло не по обычному сценарию. В банде разбойников осталось три казака: «Рыжик» (конопатый донельзя, верзила не по годам – в свои 7 выглядел на все 10), Толян и я. Общим у нас было одно – длинные ноги. Нет, пожалуй еще кое-что – пустые головы.

И вот нас троих застукали в засаде, и осталось нам только бежать, бежать и бежать, пока не окружат и не поймут. А пойманным разбойникам еще «отвешивали» по щелбану от каждого казака, то есть попасться в начале означало получить несколько щелбанов, а попасться в конце – это уже означало заработать на лоб здоровенный красный шишак, который после синел и торчал рогом два, а то и три дня... Вот мы и бежали!

Рыжик был здоровее всех, он и вел забег. Вскоре мы очутились на железнодорожных путях Окружной сортировочной станции и дунули в сторону от Студгородка... Бежали хорошо, вскоре ряды преследователей слегка поредели, но наиболее настырные буквально наступали нам на пятки. Тут наш конопатый атаман слетел почти кубарем с насыпи и побежал

по кромке таежного болота. Мы, конечно, за ним. Потом он прыг на кочку, она зашаталась, благо, что на ней росла тщедушненькая березка, было за что схватиться и удержать равновесие. Рыжик крикнул: «За мной!», и мы все без раздумий поскакали за ним по тем же кочкам. До сих пор помню это ощущение удивительной смеси страха и восторга. (Прямо, как у Высоцкого: «Чую с гибельным восторгом – пропадаю! Пропадаю!..») Изумительно точно пойманное состояние души!).

Наши преследователи, почти что нас догнавшие, остановились на краю болота, прокричали что-то обидное, но дальше гнаться за нами не рискнули. (Видимо, казаки были чуть умнее разбойников: знали, сколь опасны таежные болота – провалишься, засосут ... и кранты!).

А мы по кочкам, по кочкам, перепрыгали через довольно широкую полосу болота и оказались в дремучем – по тогдашнему нашему разумению – лесу. Ну, вот можно и дух перевести. Возбужденно похохотали всласть и протанцевали какой-то дикарский танец – неизбежное чувство победителей! Идти обратно через болото не решились – смелость как рукой смело. Пошли по лесу, оставив болото слева, вроде бы в правильном направлении, ориентируясь по паровозным гудкам. А гудки-то раздавались с самых разных сторон: то спереди, то сзади. Вскоре, однако, начались препирательства, куда идти. Уже вечерело. Вспомнили кое-как, где садится солнышко по отношению к нашему поселку, вычислили направление и пошли. И, о чудо! – впереди слева завиднелась железнодорожная насыпь, на которую мы выбрались и уже в приподнятом настроении зашагали по направлению к дому.

Смеркалось, мы ускорили шаг. Вдруг вдали показались три фигуры, которые, судя по всему, двигались по тем же железнодорожным путям навстречу нам... Фигуры приближались и вот уже стали похожи на женщин, у которых в руках извивались змеи... При совсем уж ближайшем рассмотрении женщины оказались нашими мамами, а змеи в их руках превратились в ремни!

Каждого за ухо и – ремнем по заднице! Били нас не так уж сильно – не сподручно на ходу-то, но вот уши, за которые нас волокли наши мамыши, болели потом долго. Но дело не в боли! Дело в том, что провели нас этим позорным маршем ми-

мо бывших казаков, у которых на этот раз не было никаких ухмылок или смешков – ничего, кроме хорошей мальчишеской солидарности... Ах, теперь я понимаю, как же было плохо Емельке Пугачеву! Ведь не четвертование страшно, а позор, когда везут в клетке, будто зверя...

Но настоящая, а не показная экзекуция началась дома... Сценарии у всех мам, видимо, были одинаковые: штаны долой и хорошим солдатским ремнем по голой заднице. Толян жил этажом выше. У него процедура началась пораньше. Ох, уж он и орал! Моя мама сказала: «Снимай штаны и ложись!» Получишь 15 раз, если будешь орать, как твой дружок. Стерпишь 10 раз и ни разу не пикнешь – на том и закончим. Так я узнал про сдельно-премиальную оплату... Правда на 9-й и 10-й разы я что-то мычал, но мама сделала вид, что не слышит...

На войне – как на войне!

ПРО ШКОЛУ

Мои учителя

С чем мне в жизни здорово повезло, так это со школой. Я знаю многих людей, у которых не осталось слишком уж приятных воспоминаний о школе: ну, учились... ну, шалили... ну, были друзья... Для меня школа – лучшее время жизни, несравнимое ни с чем другим.

Вообще-то выпуск наш был уникальным. Мы получили золотых и серебряных медалей больше, чем какая-либо другая школа в 1952 году: 7 золотых и 9 серебряных. Причем, если в других школах «тянули» выпускников на медаль, ради престижа школы, то у нас от изобилия претендентов – их «резали». Нужно сказать, что для представителей Района главную роль играла «пятерка» в анкете выпускника, а не число его пятерок в течение года. (В школьные экзаменационные комиссии непременно входили представители Района.)

У меня школьные друзья не были, а ЕСТЬ, хотя уже многие из них живут только лишь в моей памяти... Мы отмечали каждое пятилетие окончания школы, собираясь в ресторане «Арагви» на Советской площади. Условленное место было «Под хвостом, у лошади» – там, на площади бывшего Моссовета стоит конный памятник Юрию Долгорукому.

10-й "А" школы 150, выпуск 1952 г.

М.Казаков- Ю.Зарянов	Милованова Клавдия Филип.	С.Каменев- А.Курашов	Ю.Ярунин- А.Городецкий	В.Овчинников- Э.Миронов
Л. Курганов И.Флёров		Е.Светланов- В.Шевельков		Б.Нареев – В.Лунин
В.Светлов		В.Скубачевский- Н.Гевелинг		В.Макаров
С.Руденко- Ю.Марков		Ю.Яшин- И.Суслов		Ю.Малышев- И.Ушаков
		К.Вейнов- В.Маслов		М.Королёв – Л.Мурза
		А.Романин- В.Якушин		Фурлендер- Носильников
		Г.Грумандз- Г.Гольберг		

Из шестидесяти с лишним человек двух десятых классов нашего выпуска даже спустя 20 лет пришло около сорока, часть из них приехала чёрти-откуда... Вот уже спустя 50 лет после окончания школы, в 2002 году и то собралось почти двадцать человек. А ведь «иных уж нет, а те далече» (включая меня самого). Я на встречу попасть не смог, смог приехать в Москву только на неделю позже, но тем не менее человек восемь пришли повидаться со мной.

Вспоминали наши школьные шалости, граничившие с хулиганством, и все эти лысые, беззубые и ожиревшие мужики смачно ржали... А чего только не было! И прибитые гвоздями

галоши, которые мы в те трудные послевоенные годы боялись оставлять в раздевалке, а потому ставили под парту! И пистоны, взрывавшиеся под учительским стулом, когда учительница на него садилась!

И шарики из промокашек, с кристалликами марганцовки внутри, которые мы пропитывали глицерином и бросали к доске, где они самовозгорались за спиной учителя!

Что поделать? Мы были беспризорными детьми военного времени... Дети 21-го века, не берите пример с ваших дедушек и бабушек! Просто любите их и цените за то, что, несмотря ни на что, они выросли нормальными людьми и прожили достойную жизнь!

Со своими школьными друзьями я продолжаю встречаться и сейчас. Конечно, виртуально, как теперь принято говорить. Миша Королев устроил «электронный мост» Москва – Сан-Диего, на который охотно приходят мои школьные друзья. Мы даже чокаемся... об экран дисплея!

**Телемост Москва – Сан-Диего
Москва: В.Светлов и В.Якушин,
на экране – автор**

И учителя у нас были исключительные – умные, добрые и даже всепрощающие... О некоторых из них хочется рассказать особо.

Учителем истории у нас был Александр Акимович Сацюк, или просто «Акимыч». Вел он у нас историю с 4 по 10 класс, и по-отечески нас любил. Когда нам было по 11-12 лет, мы еще многого не понимали, шкодили на уроках, чем доводили бедного учителя почти до срыва. Мы потом казнились, обещали вести себя хорошо, он все это принимал уже с улыбкой... Конечно же, все это, почти помимо нашей воли, повторялось: трудно в 12 лет не нашкодить!

Когда мы были старше, с нервами у Акимыча стало полегче – время лечит. (Или просто мы выросли?) Были эпизоды иного рода. У нас было сильное увлечение шахматами. Турнир на первенство класса проводился не только в досуговые часы, но и прямо на уроках: противники садились на одну парту, ставили шахматную доску между собой и, косясь на доску (нет, нет, не на школьную, а на шахматную!), делали ходы. Однажды играл с кем-то наш «классный гроссмейстер» Володя Шевельков, знаменитый еще тем, что был школьным комсомольским секретарем и отлично артистически перевоплощался в Иудушку Головлева (иногда прямо сидя за секретарским столом во время собрания, от чего мы в зале умирали от смеха).

Шел урок истории, кто-то отвечал. Акимыч имел обыкновение, как Наполеон в кино «Война и мир», прогуливаться между рядами, заложив руки за спину.

Так вот, когда Шевельков поставил незадачливому соседу по парте мат, сверху раздался голос Акимыча, который, оказывается довольно долго наблюдал за партией: «Надо было конем ходить, а не слоном!» И он показал проигравшему защиту от мата.

Все мы с интересом, молча немного напряженно, наблюдали за всей этой историей: как же Акимычотреагирует? А он взял и в очередной раз покори нас неожиданным «ходом конем».

Однажды, сидевший на первой парте Гриша Фурлендер отвечал на уроке про борьбу партизан на Украине. На его парте лежал учебник истории, раскрытый на нужной странице, на которую он косился и «сцеживал» оттуда факты. Но в общем-то отвечал хорошо – он вообще был одним из отличников.

Дойдя до соответствующего места в своем ответе, он сказал: «За примерами ходить недалеко». Он шагнул к парте и перевернул страницу учебника. Акимыч громко засмеялся и сказал: «Ну, ладно, Фурлендер, садись. Ставлю тебе пятерку за находчивость!»

Пример из собственного опыта. На консультации перед выпускным экзаменом в 10 классе, я сказал, что без шпартгалки мне сдать трудно (а «тянул» я на «золото»). Технология у меня была разработана, и я все рассказал Акимычу (это было прямо на предэкзаменационной консультации): шпартгалки го-

товятся на листе с печатью школы и просто аккуратно вынимаются из кармана пиджака, а ответ идет прямо по ним. (Раздобыть листы со штампами не представляло трудности: у нас была отличная пионервожатая, Маечка, за которой ухаживало полшколы, а у нее был, естественно, беспрепятственный доступ в Учительскую.)

На экзамене, взяв билет, я сделал вид, что читаю его (нас об этом просили учителя – «все ли вам ясно?»), а сам в это время просто-напросто отсчитывал соответствующую шпартгалку во внутреннем кармане пиджака. Экзаменационная комиссия была занята своими делами. Потом я повернулся, чтобы идти к парте для подготовки, и в это время незаметным для всех, кроме Акимыча, движением достал шпартгалку.

Когда я уже ответил на билет, Акимыч попросил меня посмотреть листок, по которому я отвечал. Он посмотрел его, а потом, сказав вроде бы ни для кого: «Все сделано отлично!..». Поняли его слова только двое – я и он. Потом он разорвал мою шпартгалку (видимо, на всякий случай!) и бросил обрывки в мусорную корзину.

Учил нас Акимыч больше не истории, а тому, как быть людьми. (Про один эпизод, связанный с сыном начальника Дальстроя, я уже писал.)

История – дело скользкое. Помните, «Историю Государства Российского»: «Ходить бывает склизко по камушкам иным. О том, что было близко, мы лучше умолчим...» А мы-то из-за нашей тогдашней программы все по «склизким камушкам» вынуждены были ходить!

Однажды кто-то принес в класс «Руководство по графологии». Книга пошла по партам. Акимыч увидел это и попросил дать ее ему почитать.

На следующем уроке мы гурьбой окружили его стол и стали совать на разгадку свои рукописные тексты. Он брал текст и, внимательно разбирая его, говорил, например: «Тот, кто писал это, обладает, безусловно, хорошими способностями. Но вот он нетерпелив, неусидчив и мало уделяет времени урокам – видите, все гласные буквы открыты сверху. Из-за этого он не очень уверен в себе – видите, у буквы «я» хвостик задран вверх...» Уже позже нам стало ясно, что знал он нас всех за пять лет общения с нами, как облупленных, а поэтому каж-

дому говорил то, что было нужно с воспитательной точки зрения!

Но на этом не кончилось. Кто-то попросил рассказать о характерах Ленина и Сталина, чьи факсимиле с кусочками каких-то текстов были у нас в учебнике истории. Акимыч взял тексты и начал нам говорить ПРАВДУ, о которой было говорить смертельно опасно в то время. Конечно, он сопровождал все объяснениями, базирующимися на теории графологии.

Ленин. Человек очень одаренный и целеустремленный. Обладал огромной волей и умением овладевать массами. Любил быть в центре внимания (это было высказано как-то мягче, но суть была именно такая). Ради достижения великой цели мог пожертвовать, кем и чем угодно. (Последнее я помню дословно, поскольку это меня поразило: никак не вязалось с лубочным образом «самого человеческого человека», которым нас пичкали все время.)

Сталин. Человек безусловно одаренный. Властный. Подозрительный, недоверчивый даже к друзьям.

Последнее меня потом поразило, когда стали поговаривать о сталинской пизофрении (конечно, после его смерти!).

И все это говорилось в классе, где было более тридцати самых разных мальчишек. Слава богу, среди нас не оказалось ни одного Павлика Морозова, Мальчища-Кибальчища или Тимура с его командой...

Второй учитель-воспитатель человеческих душ, была учительница литературы Варвара Александровна Мокшанова. Она тоже протащила нас сквозь всю школу. Три ее сына погибли во время войны. Нас она звала ласково «сыночки». Была она белоснежно седая и какая-то разрушенная, ходила она с трудом, переваливаясь на своих негнущихся ногах. Подпольная кличка ее была «Старуха». А ей, наверно, еще и пятидесяти не было!..

Однажды (кажется, уже в 10 классе) «спустили» нам из Районо домашнее сочинение на тему «Как я провел лето». Ну, что за сочинение? Пиши о чем хочешь, только следи за знаками препинания да не выбирай сложных слов.

На следующем уроке после того, как мы сдали сочинения, «Старуха» попросила встать Леню Носильникова и передала

всем классом сказала: «Лёничка! (В отличие от остальных учителей она почти всегда называла нас по имени, причем с ласкательными суффиксами.) Ты написал прекрасное сочинение. Оно заслуживает самой высокой оценки». – Тут она потрясла в воздухе почти полностью исписанной толстой «общей тетрадь» на 52 страницы. – «Но такое сочинение я послать в Рай-оно не могу. Напиши, что-нибудь к завтрашнему дню странички на три. Но это свое сочинение сохрани. Когда ты станешь взрослым, тебе будет, чем гордиться...»

Конечно, полкласса это сочинение потом прочитали. Называлось оно «Путешествие из Новосибирска в Москву». Этим уже все сказано. Леня, ездивший летом к отцу в Новосибирск, еще в поезде на обратном пути начал писать замечательный очерк о тогдашней мрачной жизни глубинной России. Все мы были потрясены. Какой там к чёрту Радищев! Это не «чудище обло и стозевно», это наше «эх, хорошо в стране советской жить» глазами не мальчика, но мужа. Вся нищета в тени красных лозунгов, вечное российское рабство под знаменами свободы, голодуха под фанфары газетного изобилия...

И опять же отсутствие павликов морозовых спасло и Леню от переломанной жизни в лучшем случае, а то и худшей судьбы.

Отчетливо все происходящее в стране стало ясно несколько позже, после окончания школы. Но уже тогда начинали зарождаться сомнения даже у тех из нас, чьи семьи избежала чаша энкавэдэшных чисток и других репрессий.

Но сознаюсь, что 52-й год – год окончания школы – для меня еще не был годом пробуждения от розовых снов детства.

Безусловно, без наших учителей многие из нас были бы совершенно иными людьми.

Кимбара и другие

Дело происходило в трамвае номер 23, который «пилил» по Ленинградскому проспекту от Беговой к Соколу и дальше. Проезжает трамвай мимо Московского Аэровокзала, буквально напротив которого находится моя любимая 150-я школа...

Воспоминания нахлынули, тепло какое-то по мозгам расплылось... И тут я почему-то обратил внимание на мужчину, который стоял, держась за верхнюю перекладину. Профиль его показался мне знакомым, потом он повернулся на миг в мою сторону... Не может быть! Это же Кимбара!

Подошел к нему и спросил, извинившись:

- Вас, случайно, зовут не Кимбара?

- Нет, но моя фамилия Кимбаровский... Но в детстве меня действительно называли «Кимбара»! А вы...

- Мы с вами учились в соседних классах вот этой вот школы. – И я показал на уплывающее за окном трамвая четырехэтажное кирпичное здание

-Так ты, – перейдя на ты, сказал Кимбара, – наверное, Сигарёв!

- Нет, я Ушаков, а зовут меня Игорь...

- А тебя же все звали в школе «Сигара»?

- Все просто: сначала меня звали «Игорь-сигарь», а потом сократили до «Сигарь» просто для удобства.

Мы сошли с ним у «Сокола» и пошли в «Стекляшку» – небольшую закусочную у Чапаевского переулка. За стаканом водки с какой-то символической закуской полились воспоминания о ранних годах нашего кратковременного знакомства – после пятого класса Кимбара, которого, оказывается, звали Володей, пошел учиться в «ремеслу».

Знакомство наше в школе было довольно необычным. После уроков, когда мы учились в четвертых классах одной и той же школы, нас с ним при выходе из школы как-то подловили какие-то хулиганистые старшеклассники. Они за шкирку отвели нас к противоположному концу здания и стали буквально сталкивать нас лбами. Это было похоже на процедуру стравливания бойцовых петухов. Это, конечно, действовало соответствующим образом и на наши с Кимбарой куриные мозги – в конце концов, мы начали мутузить друг друга.

Дрались мы умели – жизнь научила. К тому же после кинофильма «Первая перчатка» с обворожительным Иваном Перверзевым, который за много лет вперед переплюнул всех сталлоне-шварценеггеров, мы все сходили от бокса с ума. Иначе говоря, мы не просто дрались, а мы имитировали бокс

со всеми этими ложными выпадами и пританцовываниями. Могу признаться, что Кимбара здорово тогда меня отметелил – был он гораздо здоровее меня. Я держался только на самолюбии, прямо, как джек-лондоновский Мексиканец. Дрались «до первой крови», а Кимбаре все не удавалось врезать мне по носу...

И вот Кимбара прижимает меня к стене школы и мутузит во всю, потом замахивается, чтобы нанести мне решающий удар «в паяльник», я от удара ухожу, а он со всего размаху бьет кулаком по стене! А сена на уровне примерно полутора метров от земли имела покрытие типа «ласточкина гнезда». Словом, с кулака Кимбары, как напильником, была содрана кожа, он зарорал и стал прижимать свою израненную руку к своей груди. Зрители дождались первой крови гладиаторов и преспокойненько разошлись. Мы же с Кимбарой сели на ступенечки школьного подъезда, он продолжал поскуливать, а я обнял его за плечо и пытался успокоить.

С тех пор мы почти подружились – хотя дружить с ребятами из другого класса не просто – расписание уроков разное, да и учились мы иногда в разные смены (а смен было по три, а то и по четыре – школ было мало, учились иногда до девяти вечера). Во всяком случае он однажды меня даже защитил, когда ко мне стал «придираться» какой-то старшекласник.

И вот мы сидели с Володей за стаканом водки и вспоминали всякие смешные и не очень эпизодики из нашей ребячьей жизни. Я ему рассказывал про свой класс, а он мне про свой.

В третьем классе учился у нас Марес Левин – переросток, лет уже, наверное, четырнадцати. Был он несомненным королем, и все, что бы он ни делал, вызывало у нас, малолеток, всегда восторг, тем более, что был он добр и щедр. Класс наш располагался на первом этаже, поэтому иногда Марес, сидевший «на камчатке» около окна, позволял себе прямо среди урока, открыть окно, сказать громко что-то типа: «А надоело вы мне с вашими сраными (а то и похлеще!) уроками!» и выпрыгнуть из окна на улицу.

Дальше третьего класса он так и не пошел. Встречали мы его потом около нашего дома в булочной, где он работал грузчиком. Последний эпизод запомнился особенно: наверное через год или два шли мы как-то с моим другом Леной Мурзой

**Мой лучший друг
Лёня Мурза, "Мурзилка" ...
Светлая ему память!**

и его мамой мимо той булочной. Мы увидели Мареса, помахали ему рукой, а он на всю улицу спросил: «Ну, Мурзилка, все еще находишь у мамки под кроватью старые гондоны?» Леня побледнел, его мама залилась краской, а я едва не умер от смеха!

Учился у нас в классе четвертом или пятом интересный мальчик – Миша Ягнетинский, он обладал способностью рисовать одновременно обеими руками зеркальные профили людей. Особенно ему удавались почему-то портреты Сталина.

Очень его любил наш учитель рисования, которого мы звали Пуяло-Пуялыч за его огромный орлиный нос. Правда, его и звали Павел Павлович, а фамилия у него была более, чем странная – Соколов-Скаля. Ходил он в каком-то чудном белом холщевом длинном пиджаке, нас всех очень любил, а Мишу буквально боготворил. Говорили, что он настоящий художник, а в школе преподает, потому что любит детей. Я недавно посмотрел в Интернете: действительно, был такой Соколов-Скаля, правда, Павел Петрович, а не Павел Павлович. Но, может, у нас появился «Пуяло-Пуялыч», поскольку так звучнее? И преподавал он, правда, в художественных училищах, а не в школах. Может, нам просто повезло, когда ему на хлеб-воду не хватало?

ПРО ИНСТИТУТ

Мое призвание - радиотехника

Как я уже писал, заканчивал я Радиотехнический факультет Московского Авиационного института. Стыдно признаться, но надо: ничему я не научился, ничего не помню и вообще не понимаю сейчас, чего это меня туда понесло...

Как говорил Альберт Эйнштейн, образование начинается с того момента, когда вы забыли все, чему вас учили в школе. Я не Эйнштейн (by definition), но могу сказать и похлепче: иногда образование начинается после того, как вы забудете все, чему вас учили в институте...

Рассказанная мною ранее история про болометр – это комедия. Настало время раскрыть и трагическую часть моего обучения в МАИ...

Был у нас курс – Антенно-фидерные устройства. Думаю, что для среднего человека в этом названии не больше смысла, чем в биосинтезе аспарагиновой кислоты... Читал нам этот курс молодцеватый полковник из академии имени Жуковского, поскольку, видимо, даже на радиофаке своего специалиста по этой тематике не нашлось. Читал он неплохо, пытался всегда донести здравый смысл всех формул и понятий. Мне даже казалось, что я что-то понимаю.

Но вот наступила пора экзаменов. Как я не тщился при подготовке к экзамену, я вдруг четко осознал, что я, что называется, «ни бум-бум».

На консультации перед экзаменом полковник Безменов (на всю жизнь запомнил эту фамилию!) объявил, что готов поощрить того, кто согласится отвечать без подготовки – поставит на балл больше. А славился он тем, что был крайне суров: ставил аж до четверти двоек в группе, а при пересдаче многие опять получали «неуды»...

И вот утром стекаются дрожащие от страха студенты. Я решил придти «во **в**ьх рядах», ибо мне терять было нечего – даже цепей у меня не было, в отличие от пролетариата. Зашли в аудиторию. Профессор Безменов спрашивает с этакой гнусенькой улыбочкой:

- Ну, есть среди вас смельчаки?

Тут поднимаюсь я (почти под групповой вздох изумления) и иду к экзаменационному столу. И начинается беседа – билет в таких ситуациях студенту не положен.

Вопрос – ответ. Профессор морщится, а я думаю: «Вот черт, не угадал!» Потом еще и еще – и все с тем же эффектом. Наконец он задает коронный вопрос буквально «сколько будет дважды два»: «Напишите мне формулу для расчета диаграммы

направленности антенны». Не знать этого было нельзя – во-круг этой формулы крутился весь семестровый курс!

Даже я ее знал: что-то типа длину волны разделить на диаметр «тарелки» антенны. Но попутал меня черт, и поменял я числитель со знаменателем... Безменов ехидно так спрашивает:

- Ну, не ошиблись?

- Да вроде нет...

- Может, диаметр антенны нужно измерять в километрах? – Абсурдным вопросом пытался он навести меня на правильную формулу.

Он дает мне какие-то числовые значения, чтобы я вычислил угол. Я быстренько прикидываю в уме, чтобы поразить его своей сообразительностью, и отвечаю:

- Семь тысяч двести градусов!

-Но ведь это же не имеет никакого физического смысла! Как вы себе это представляете? – Замечает он мне, уже начиная выходить из себя.

На что я, ничтоже сумняшеся, говорю:

- Это двадцать раз вот так! – И кручу пальцем по кругу.

(Для полных гуманитариев замечу, что радиолокационная диаграмма направленности – это узенький луч в градус или около того, ну, как от фонарика. Ведь и всего-то можно обзреть только 3600!)

Тут благородный профессор, покрывшийся почему-то красными пятнами, говорит сурово:

- Давайте вашу зачетку!

В моей зачетной книжке профессор со словами: «Я человек слова» ставит мне жирное «удовлетворительно». Я был на седьмом небе от счастья: Сдал! Сдал ненавистные АФУ! Глядя на мое, расплывшееся в счастливой улыбке лицо, Безменов спросил:

- А вы сами-то хоть понимаете, почему я вам поставил тройку?

- Наверное, я недостаточно хорошо знаю ваш предмет...

Чаша терпения экзаменатора переполнилась, он встал, побагровевший, бацнул кулаком по гулкому фанерному столу и рявкнул:

- Да потому, что я вас больше видеть не хочу!!! Вы можете ходить ко мне сдавать хоть 7200 раз и никогда мне мой курс не сдадите!!! Но я обещал прибавить балл, так что считайте, что ваша тройка фактически является двойкой!!!

Моя «увертюра к экзамену» привела к печальному исходу: преподаватель перенес весь гнев на оставшихся студентов. Число двоек было рекордным, и, по-моему, никто (даже, кажется, наша курсовая звезда – Слава Архангельский) не получил пятерки...

Теперь понятно, почему по диплому я радиоинженер, а по профессии – специалист по надежности? Здесь-то я точно знаю, что вероятность лежит между нулем и единицей!

Увидев, что я реагирую не так, как он ожидал, Безменов говорит:

- Я человек чести. Я обещал дать на бал больше. Я выполнил свое обещание... Но вы-то хоть понимаете, почему я вам поставил тройку!

- Наверное, я недостаточно хорошо знаю ваш предмет... – Мямлю я в ответ.

- Недостаточно хорошо?! Не-до-ста-точ-но хо-ро-шо??? Я вас больше никогда видеть не желаю! Вы бы ходили ко мне на пересдачу семь тысяч двести раз и все равно никогда экзамен бы не сдали!

Я посрамленный, но безумно радостный в душе, вышел из аудитории...

* * * * *

Теперь понятно, почему по диплому я радиоинженер, а по профессии – специалист по надежности? Здесь-то я точно знаю, что вероятность лежит между нулем и единицей!

ПРО РАБОТУ

Первая конференция

В декабре 1959 состоялась 2-я Всесоюзная конференция по надежности. На ней мне предстояло выступить с сообщением о методе оценки эффективности функционирования

сложных систем. (Сильно сказано, не правда ли?) Это было мое первое появление «на арене цирка»...

Конечно, была тому некая предыстория. Мой отец, у которого академик Александр Александрович Харкевич, был научным руководителем на кандидатской, привел меня к нему, а я захватил на всякий случай черновой текст своей первой статьи. Тот, прочитав мою писанину, посоветовал мне обратиться к Михаилу Алексеевичу Синеце, которого он знал по публикациям.

Я созвонился с Синецей, и он пригласил меня приехать к нему в домой. Я приехал, он быстро прочитал мою статью и, будучи членом оргкомитета конференции, официально предложил мне представить ее на конференцию. Я оторопел: как, прямо так сразу? Без каких-либо доработок? Михаил Алексеевич сказал, что идея понятная и занятая, а текст, как текст, никому не нужен – все равно перед конференцией ничего публиковать не будут.

Конференция стоила мне нервов: мое сообщение почему-то оказалось вторым, сразу же за обстоятельным докладом Председателя НТО им. Попова членкора Владимира Ивановича Сифорова, который открывал пленарное заседание. Вы можете себе представить: впервые в жизни на трибуне, полный зал в гостинице «Советской», Всесоюзная (!!!) конференция, и тут я появляюсь сразу после Всесоюзного корифея...

Не помню, что я мямлил (а может и не мямлил, а говорил нормально, не помню), но в перерыве ко мне подошли два старичка по тогдашним моим представлениям, было им тогда лет по 50. (Мне бы теперь их-то годы!) Один из них – Яков Михайлович Сорин, предложил мне работать у него во вновь создававшемся первом в Минэлектронпроме (а может, и вообще в СССР) отделе надежности. Я объяснил ему, что я еще молодой специалист, на что он ответил, что надеется мне помочь: ведь и крепостным крестьянам на Руси давали вольную, когда баре того хотели!

Второй был Николай Архипович Романов, седовласый мужчина с астматическим придыханием, ленинградец. Он был известен, как соавтор первой опубликованной отечественной книги по расчету надежности. Николай Архипович пригласил

меня на семинар по надежности в Ленинград, на что я с радостью согласился. Я! Был просто опарашен!

Однако, тут ожидали меня непредвиденные трудности: командировку мне на работе не оформляли, пришлось два дня оформлять как отгул... Правда, ленинградцы заплатили мне за билеты, что было существенно для семейного бюджета (четверть месячной зарплаты!).

В Ленинграде я познакомился и на всю жизнь сблизился с Анатолием Михайловичем Половко – признанным главой ленинградской школы теории надежности. У меня хранится его книга с дарственной надписью, которую он подарил мне после моей защиты докторской диссертации, на которой он выступал третьим оппонентом.

После конференции, примерно через две-три недели, я получил открыточку от Синицы с просьбой связаться с ним. Я незамедлительно это сделал, и при встрече он предложил мне представить для публикации статью, базирующуюся на моем докладе на конференции. Когда я это сделал через пару дней, он отослал меня к Георгию Васильевичу Дружинину, доценту Академии им. Жуковского. Дружинин просмотрел мою статью, сделал пару косметических улучшений, и статья пошла в сборник «Надежность радиоэлектронной аппаратуры» (Сов. Радио, 1960).

Этим двум людям – Синице и Дружинину я обязан по гроб жизни. Не их бы помощь, кто знает, как бы сложилась моя профессиональная судьба!

К моему удивлению, сборник ... открывался моей статьей! (Видимо, «сработала» очередность докладов на конференции.)

Так я на всю жизнь «влип» в теорию надежности.

Невозможное событие

Работая в НИИ АА, я вел семинар для сотрудников института, на котором частенько приходилось читать «по заявкам слушателей» лекции по отдельным вопросам теории вероятностей. Однажды, когда я объяснял пространство событий, дошло дело и до так называемого «пустого множества», т.е. множе-

ства, которое ничего не содержит. Все мои попытки сказать, что это множество меры ноль, или что это пересечение несовместных событий шли хорошо, пока Витя Немчиков, мой аспирант, не спросил меня:

- Товарищ Игорь (так он меня называл и в глаза и за глаза), а ты дай простой пример. Так я ничего не понимаю!

- Ну, хорошо, Витя. Вот то, что у тебя в верхнем кармане пиджака лежит сторублевая бумажка – это событие невозможное. (Дело в том, что в нашем отделении зарплату выдавали в тот самый день и только после обеда, так что у всех были проблемы даже с деньгами на обед.)

- Это вот так? – спрашивает Витя и достает из кармана сотенную. Аудитория грохнула хохотом.

- Ну, хорошо, – говорю я, – А вот второй сотенной у тебя в том же кармане нет! Вот это и есть невозможное событие.

- Это вот так? – спрашивает опять Витя и достает из кармана вторую сотенную бумажку!

Конфуз был полнейший! Но тот же Витя меня и спас:

- На самом деле, невозможное событие – это то, что у меня в кармане пиджака была бы третья сотенная бумажка. Так вот, ее-то у меня и нет. А дело в том, что когда я уже входил в дверь, мне мой друг из другого отделения, где уже выдали зарплату, вернул долг – 200 рублей, а я его просил вернуть мне его сотенными купюрами, чтобы труднее было сразу потратить. Времени доставать бумажник не было, я и сунул деньги в верхний карман пиджака!

Нахохотались все вдоволь. Но интерес к теории вероятностей после этого случая возрос. А некоторые были уверены, что мы с Витей всю эту интермедию подготовили заранее...

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Устами младенца...

Андрея Николаевича Колмогорова я встречал много раз на днях рождения Бориса Владимировича Гнеденко – 1 января каждого года. Иногда получалось и в простые дни, когда я приходил к Борису Владимировичу, а у него был Андрей Николаевич, или наоборот, он приходил, когда я был у Бориса Владимировича (а у того я бывал часто по делам многочислен-

ных редакций, где мы вместе состояли, или Кабинета надежности, коим вместе руководили).

Однажды я помогал Андрею Николаевичу нести какие-то книги от Гнеденко к нему домой – это был единственный раз, когда я побывал в квартире у Колмогорова. Об Андрее Николаевиче я много слышал от Юры Беляева, который был его аспирантом. Помню выступления Колмогорова на защитах Александра Дмитриевича Соловьева и Юрия Константиновича Беляева, ходил на некоторые его лекции. Словом, для него я не был незнакомым человеком.

И вот однажды на очередном дне рождения (кстати, это было 70-летие Гнеденко) ко мне подсел Андрей Николаевич и сказал:

А.Н. Колмогоров читает лекцию

- Борис говорил мне, что вы радиоинженер. Не могли бы вы мне помочь с небольшой проблемой? И меня сломался проигрыватель...

Тут у меня душа ушла в пятки: из меня такой же радиоинженер, как из моей бабушки вратарь! Но отказать *самому* Колмогорову сил не было, я промычал нечленораздельное согласие.

Условились, что недельку – две я позвоню ему, и он назначит мне день и место встречи. Проигрыватель стоял у него на даче, в Комаровке. Зимой он бывал там нерегулярно.

Я сразу же поймал за фалду пиджака Алика, младшего сына Бориса Владимировича, и рассказал ему все:

- Ты же почти радиолобитель, выручай!

Он согласился поехать со мной и даже предложил поехать туда на машине его отца.

Подошла середина января, я созвонился с Андреем Николаевичем, и он пригасил меня к себе на дачу где-то в начале февраля. Я решил взять с собой своего сына:

- Слава, ты увидишь человека, какие на Руси-матушке рождаются не каждое столетие!

Алик Гнеденко привез нас по заснеженным подмосковным дорогам в Комаровку к даче Колмогорова. Открыл нам дверь сам Андрей Николаевич и радушно пригласил нас в дом. Оказывается, в этот день он заранее пригласил еще и прислугу (слово какое-то гадкое, но другого придумать сходу не могу), которая заранее натопила печь и приготовила обед. Перед обедом надлежало произвести ремонт треклятой радиоаппаратуры. Я решил начать сам. Смело подошел к проигрывателю, попробовал – диск не крутится. Попробовал его поднять – не поднимается! Применил силу и вытащил диск, на оси которого густым слоем был размазаны бранные останки всякой насекомой живности. Я протер ось, попросил подсолнечного масла (машинного, естественно, не оказалось), слегка смазал им ось, вставил диск на место... и о, чудо! Проигрыватель завертелся! Колмогоров страшно обрадовался и тут же поставил что-то классическое, похоже, Баха или Генделя.

- Уж не знаю. Как мне вас и благодарить, Игорь Алексеевич!

Я был поражен, что он знает меня по имени-отчеству, хотя для педагогов хорошая память на имена - это естественно. Тут я увидел на полке стопку его книг «Основные понятия теории вероятностей» и сказал:

-А можно мне попросить вас подарить мне вашу книгу с автографом?

- С огромным удовольствием! Что бы вы хотели, чтобы я написал? «Уважаемому профессору Ушакову»? И что-нибудь еще?

- Ой, Андрей Николаевич, ну, зачем профессору... Что-нибудь попроще...

И он написал мне «Дорогому Игорю Алексеевичу с признательностью. А. Колмогоров. Комаровка. 21-2-82».

Когда я увидел, я конечно, смутился.

- Андрей Николаевич, я такое и показать никому не смогу: от вас и ... «с признательностью». Никто и не поверит...

- Ну, во-первых, это правда - сам бы я этого сделать не смог. А во-вторых, рассказывайте всем, как это было, если кто-то заинтересуется.

Потом Андрей Николаевич пригласил нас к столу. Был борщ, котлеты по-пожарски и компот. За обедом Колмо-

горов посадил рядом с собой Славу и начал разговаривать только с ним. Мы с Аликом исчезли из его поля зрения полностью. («Мавр сделал свое дело...»)

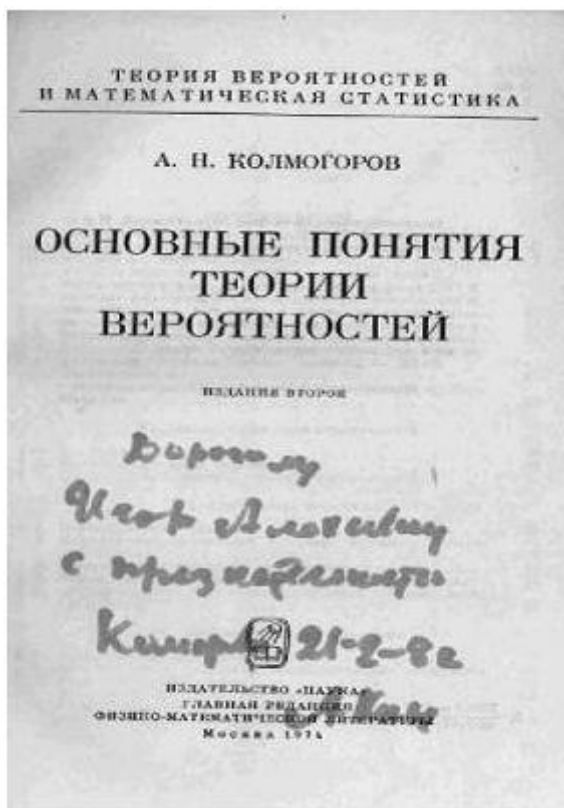
Разговор, естественно, начался с математики. Андрей Николаевич спросил Славу, которому тогда исполнилось 14 лет, нравится ли ему учебник по математике. (Колмогоров был идеологом и одним из авторов школьных учебников по математике для средней школы.) Слава, немного потупившись, сказал:

- Папа говорил мне, что это вы писали учебник... Но он нам не нравится...

- Почему?

- Непонятно все... Хорошо, что у меня остались учебники моей от сестры...

- Это хорошо, что ты говоришь правду!

Нужно заметить, что Андрей Николаевич очень болезненно воспринимал критику его учебников по математике. Скорее всего, фактический их провал был обусловлен не только переформализованностью изложения, но и тем, что школьные учителя сами не были готовы к их восприятию. Дебаты велись довольно острые. Я помню, однажды (возможно, на том самом дне рождения) Колмогоров довольно резко сказал Гнеденко: «Борис, ты ничего не понимаешь в преподавании математики в школе!»

Разговор со Славой продолжался. Мы с Аликом сидели, как в театре.

- А ты любишь математику?

- Нет...

- А что ты любишь?

- Рисовать...

Тут Андрей Николаевич оживился и сказал, что это очень здорово, что он очень любит живопись и графику. Стал показывать развешанные по стенам литографии и гравюры, рассказывая, откуда они и о чем. Коллекция Колмогорова была действительно непроста и включала редкие оригиналы.

- Вот как ты думаешь, на этом рисунке?

- Это «Нос» Гоголя...

- Правильно! Это нос Гоголя! Это шарж одного из современников Гоголя на самого Гоголя!

Фамилию художника я, конечно, не запомнил.

Потом он повел Славу в свой кабинет, а мы с Аликом как-то явно приглашены не были и поэтому остались в столовой. Колмогоров проводил экскурсию по дому со Славой довольно долго.

Провожая нас, Андрей Николаевич сказал мне:

- Хороший у вас сын, открытый. Чувствует живопись. А математика ему, возможно, в жизни и не будет очень-то нужна.

Казис Шимонис - ученик Чурлёниса

Я был оппонентом на защите одной диссертации в Каунасском Политехническом институте. С Альгисом – мой подзащитным – мы познакомились давно, встречались в Москве, т.е. были хорошими знакомыми, почти друзьями.

Когда я приехал в Каунас, в один из дней (а кто же приезжает в Каунас с его замечательными музеями, с красивыми улицами и еще более красивыми девушками всего на один день?), Альгис повел меня к известному литовскому художнику Казису Шимонису. Встретил нас в мастерской старенький старичок, если так можно сказать, лопотавший только по-литовски. Альгис спросил меня, не хочу ли я приобрести какую-нибудь картину Шимониса. Я сказал, что это было бы здорово, но я совсем не при деньгах. Альгис сказал, что даст взаймы, это не проблема. После переговоров на литовском, Альгис сообщает мне, что Шимонис своих картин не продает... Я даже немного расстроился. После этого Альгис что-то еще сказал по-литовски, и вдруг... Шимонис заговорил по-русски! (После Альгис мне сказал, что он сообщил Шимонису, что я его оппонент и большой друг.)

Художник начал показывать мне свои картины, которые стояли лицом к стене, потом спросил, что мне больше всего понравилось. Я сказал, что мне очень понравилась его картина «Жажда». Он заулыбался и одобрил мой выбор.

К. Шимонис. "Жажда".

Потом он спросил, не хочу ли я ее купить. Я смущенно сказал, что у меня денег на покупку такой картины нет. (Я понимал, что цена ее уж не меньше трех-пяти тысяч рублей, а откуда же такие деньги у рядового профессора?)

- А сколько у вас есть денег?

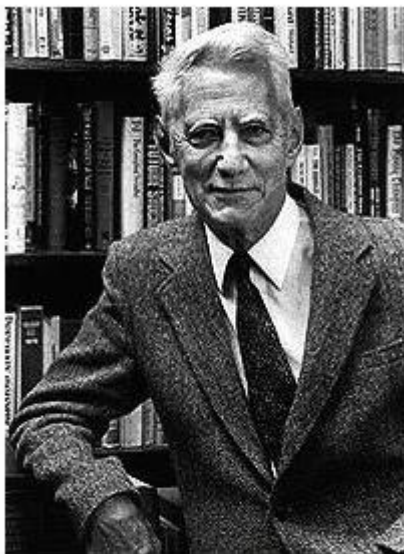
- Восемьдесят...

- Картина ваша! – Сказал Шимонис. – Альгис – мой друг, а вы друг Альгиса... Этим все сказано!

Шимонис рассказал потом, что он был учеником Чурлёниса. Кое-что рассказал о себе. Про выбранную мною картину объяснил, что, к сожалению, это не оригинал и даже не авторская копия (официально), поскольку только три первых копии приравниваются к оригиналу. (Я такого правила никогда не знал, да мне это было и не важно: очень уж мне картина понравилась.)

Так я стал владельцем шедевра одного из литовских классиков.

Встреча с отцом теории информации

Клод Шеннон

Я не помню точно когда, но, видимо, в 1962 или 1963 годах мне посчастливилось видеть Клода Шеннона на расстоянии вытянутой руки. И более того, ассистировать ему, правда во вполне определенном смысле. Он меня тогда, наверняка, даже и не заметил. А дело было так.

На одну из сессий Научно-технического общества по радиотехнике (ставшее сейчас НТО РЭС) был приглашен крупный американский ученый – Клод Шеннон, которого считают

«отцом теории информации».

И вот на первом же пленарном заседании на сцену выходит красивый, я бы сказал, даже элегантный мужчина, с живыми глазами и с не сходящей с лица доброй улыбкой. После аплодисментов наступила неловкая пауза – оказалось, что организаторы сессии были совсем не готовы к приему гостя: стояла только школьная графитовая доска с мелом да столик с графитом и стаканом. Зал был большой, а микрофона не было!

Руководитель Секции надежности НТО Яков Михайлович Сорин, толкнул меня локтем и сказал: «Сбегай, разыщи где-нибудь микрофон! Эти идиоты ни о чем не подумали!» Я метнулся стрелой, вскоре мне кто-то помог найти микрофон с тяжелой подставкой – чугунным блином, который обеспечивал его устойчивость, наверное, даже при 10-балльном землетрясении.

Я принес микрофон и поставил его на столик, получив благодарственный кивок головы от маэстро.

Шеннон взял микрофон и начал говорить в него, с трудом удерживая его на весу двумя руками. Когда же ему надо было написать формулу, он шел к столику, ставил на него микрофон, писал на доске, клал мел, шел к столику и опять брал микрофон. У меня хватило ума взбежать еще раз на сцену, перехватить у Шеннона микрофон, когда тот ставил его на стол в очередной раз, и затем ходить за докладчиком с тяжеленным микрофоном, освободив его от невероятной тяги.

Таков был мой скромный вклад в развитие теории информации в Советском Союзе.

Когда я оказался в Америке уже в 1989 году, то однажды поехал в Бостон к своему другу и одному из лучших моих аспирантов – Жене Литваку. От него я узнал, что Клод Шеннон еще жив. Боле того, Женья, оказывается, был вхож в дом Шеннонов. Я рассказал Жене смешную историю, случившуюся в Москве более 30 лет тому назад. Потом я сказал:

-Конечно было бы интересно повидать Шеннона... Хотя вряд ли он узнает меня!

- Да, к сожалению, вы правы. Он сейчас не узнаёт даже своей жены. У него Альцгеймер в тяжелейшей форме...

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Академия Наук против академика Сахарова

Когда наступили пресловутые перестройка и гласность, то все радовались тому, что что-то произошло, наконец. Как говорил бессмертный герой НАШЕГО времени, «лед тронулся, господа присяжные заседатели!» Ан, нет – рано радоваться начали.

Были выборы в Верховный Совет, выбирали, как всегда, самых достойных (или застойных?). Самым достойным кандидатом был, безусловно, академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Его не зря называли народной совестью.

Так вот, Пердизиум (я не опечтался) Академии Наук повел войну против этого достойнейшего человека. Как в самые мрачные времена большевистско-кагэбэшного засилья, эта кампания велась централизованно и организованно. По академическим институтам (по крайней мере, в Москве) было спущено «сверху» указание провалить кандидатуру Сахарова. Я не знаю, были ли такие институты или их не было, где последовали указанию свыше, но Сахарова в конце концов выбрали.

Однако вот то, что было в ВЦ АН СССР, где я тогда служил. Было собрано открытое партсоборание. С первой гневной речью, обличающей Сахарова, выступил директор нашего академического заведения...

Я взял за правило всем отрицательным персонажам давать псевдонимы. Но здесь я ограничусь тем, что просто не назову фамилии. Договорился наш уважаемый директор даже до того, что Сахаров и не ученый вовсе, и ничего он особенного не сделал, и вообще человек никакой.

Не знаю, почему, но я не испытывал трепета перед нашим директором-академиком. Возможно потому, что хоть и участвовал в «тараканьих бегах» за членкорство, но на положительный исход никогда не рассчитывал. А независимость рождает гражданскую смелость, если угодно. К тому же вообще, если передо мной помахать красной тряпкой, то неожиданно для себя я превращаюсь в корридного быка. Выступление же ува-

жаемого академика для меня и оказалось той еще красной тряпкой. И я, опустив рога, бросился в бой!

Сразу же после последних аккордов сыгранной директором «зувeртюръ», которая должна была определить тональность дальнейшего ведения этого «народного митинга», я выкинул вверх руку и был удостоен слова. Волновался я, как всегда при выступлениях, очень сильно (что передавалось, как мне говорили, и аудитории). Сказал я примерно следующее:

- Я категорически не согласен с выступлением директора нашего института. Во-первых, меня удивляет утверждение, что Сахаров не ученый. Я всегда верил, что в Академию выбирают достойнейших ученых. Ведь вас, – обратился я к директору, – выбрали не зря? А почему же зря выбрали Сахарова? И выбрали в том возрасте, когда зря не выбирают – не за выслугу лет, не за беспорочную чиновничью службу, он был избран академиком, когда ему было всего 32 года! Во-вторых, я с уважением отношусь к таким наградам, как Герой Советского Союза или Герой Социалистического Труда. Ну, можно ошибиться один раз, присуждая такое высокое звание, но присвоить одному человеку звание Героя Соцтруда по ошибке трижды?!

Кстати, ведь вы, – обратился я к директору, – тоже Герой Соцтруда...

Дальше я призвал всех голосовать за кандидатуру Сахарова, вопреки рекомендации Президиума АН и предложению директора нашего института.

Собрание свернулось очень быстро, подавляющим большинством голосов было принято решение поддержать кандидатуру Сахарова.

Этим эпизодом я ничего не хочу сказать о себе: я уверен, что если бы не я, так кто-нибудь другой сказал бы то же самое, может, более мягкими словами. Но если бы кто-то успел поддержать директора сразу после его выступления, то вся процедура бы просто затянулась, хотя – я убежден – финал ее был бы тот же. Ведь русский мужик не труслив, но предельно инерционен. Когда-то Салтыков-Щедрин (а ведь язвительный, но очень точный был мужик!) сказал, что «русский мужик даже бунтует, стоя на коленях». А на коленях нас стоять приучали столетия! Так что, пока встанешь, пока колени отряхнешь...

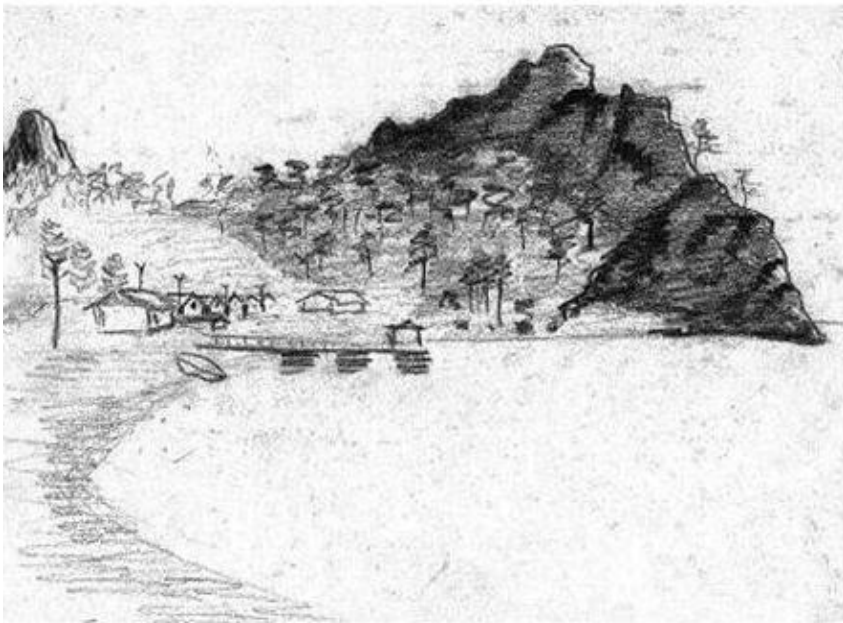
Как выжила живучесть...

Однажды после очередного семинара по надежности энергосистем, который проходил в «Интуристе» на берегу Байкала при устье Ангары, мы с Юрием Николаевичем Руденко остались там вдвоем на пару дней. Он сказал мне, что есть одна идея, о которой нужно поговорить.

Стояли удивительно солнечные мартовские деньки. Мы ходили, жмурясь от солнышка, по двухметровой толще прозрачайшего байкальского льда.

Если приглядеться, то можно было увидеть даже темные силуэты рыбин, лениво проплывавших внизу, неподвижные водоросли... Особенно хорошо было видно, если лечь на лед, очистить его от снежной пороши и посмотреть, как смотрят днем в окно избы, прикрываясь руками от внешнего света.

Разговор пошел о живучести систем энергетики, т.е. об их способности противостоять «недружественным» преднамеренным воздействиям. Понятно, что супостат не будет громить, что попало, а всегда будет выбирать наиболее уязвимые

Байкал, бухта Листвянка

точки, «узкие места» в системе. Какой должна быть структура системы, чтобы успешно противостоять самым опасным отказам? Такого рода постановок задач в теории надежности на то время не было. За общим разговором последовали часы обсуждений, формулировок задач, подготовки плана и разработки «стратегии и тактики» вовлечения заказчиков.

Спустя какое-то время, Юрий Николаевич прилетел в Москву и пригласил меня поехать вместе с ним на встречу к некоему важному военному чиновнику на прием. Идея таки овладела массами! (А масса у того чиновника была немалая – он был генерал-полковник, начальник военного НИИ Гражданской Обороны. За этим вроде бы невинным названием скрывалась тематика защиты страны в случае ядерного удара!)

Во время беседы генерал спросил нас:

- Знаете ли вы, что надо делать в случае нанесения по стране внезапного ядерного удара?

Это было так похоже на начало популярного в то время анекдота, что мы с Руденко невольно хмыкнули. (Кто знает, может, генерал – весельчак?). Генерал вопросительно взглянул на нас. Тут меня дернул черт за язык, и я продолжил тот известный анекдот до конца:

- Надо завернуться в белый саван и без паники ползти на кладбище...

Тут наступила немая сцена из «Ревизора», которая даже в исполнении лучших МХАТовских актеров не пошла бы ни в какое сравнение с тем, что случилось тогда! Ситуация была критическая...

Благо, опять, как всегда, положение спас Юрий Николаевич, сказав что-то типа: «Анекдоты – анекдотами, но мы, кажется, действительно немножко представляем, что надо делать в такой ситуации».

Получилось, что мы с генералом разыграли перед Руденко анекдотец, дав ему в руки инициативу. Конечно же, заявление Юрия Николаевича было некоторым преувеличением (в случае массированного удара противника мой анекдот оставался в силе), но в результате его ответа заказ для института был получен.

Проблема, действительно, была не только важная, но и интересная, хотя, нужно заметить, что «централизация и живучесть – две вещи несовместные», как сказал бы Пушкин на нашем месте.

Как-то позже, на одном из научно-технических советов института в присутствии «высокого заказчика» в лице одного из замов Начальника Генштаба, который спросил, может ли наше предприятие разработать автоматизированную систему защиты страны, я вякнул, что да, конечно, при условии децентрализации, чтобы уничтожение нескольких ключевых административно-экономических центров не парализовало бы полностью всю страну. Тогда, я помню, мой директор академик Семенихин быстро отреагировал, пояснив, что имеются в виду командные центры...

Да... «Судьба Евгения хранила...» И меня с ним заодно.

Естественно, что Руденко по-дружески сказал мне пару «теплых слов» по поводу того, что я своим идиотским анекдотом чуть было не оставил институт без хороших денег. Сердился он редко, но делал это так спокойно, поигрывая желваками, что становилось не по себе...

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Во-первых, пятый пункт...

Через год после того, как я начал работать в ОКБ Лавочкина, к нам в отдел пришли два дипломника из МАИ с радиофака: Леня Зайдман и Феликс Фишбейн. Они учились на курс ниже, а я по счастливому совпадению, был у них в институтской группе куратором. (Нет, нет, не кагэбэшным, а комсомольским. Тогда была такая мода назначать «дядек» со старших курсов, которые «пасли» младшекурсников и учили их уму-разуму. Замечу, что иногда «дядьками» были «тетки», т.е. старшекурсницы.)

Начальник отдела назначил меня дипломным руководителем вновь прибывших. И честь, и ответственность для меня тогда были велики – первые в жизни подопочные!

Мы так сдружились во время работы, что решили, как только «крепостное право» позволит нам, мы соединимся и бу-

дем работать вместе. А им-то предстояло еще год «оттрубить» на дипломе, а потом три года в обязательной кабале!

За четыре года многое изменилось: я оказался уже в НИИ АА, а Феликса с Леной также разбросало по «ящикам». Но нашей идеи мы не бросили. Мы продолжали поддерживать контакты, встречались, познакомились семьями.

Первым я привел в наш отдел кадров Феликса, у которого три года прошло. Все собеседование прошло успешно. Дело было лишь за подтверждением формы допуска к секретной работе: нужно было запросить фирму, где работал Феликс, а оттуда по фельдпочте должны были прислать подтверждение. Я бегая каждый день в 1-й отдел, проверяю, пришел ответ или нет. Наконец, да! Я тут же звоню Феликсу: Увольняйся!

Он радостный через пару дней появляется в нашем отделе кадров. Потом звонит оттуда мне: его не берут, нет ставки...

Через полчаса я был у замдиректора по кадрам и режиму Ивана Ивановича Волкова. Это был человек необычайной душевности. (Мне в жизни с кагэбэшниками, признаюсь, везло: попадались только порядочные люди.) К Волкову все ходили советоваться по самым разным вопросам. Помню, однажды у меня был конфликт с непосредственным начальством по поводу отпуска. Я пришел поплакаться к Ивану Ивановичу, и он мне сказал: «По КЗоТу (Кодекс Законов о труде) ты имеешь право на этот давно запланированный отпуск. Я буду против, поскольку твой начальник против, но профсоюз тебе поможет».

Когда он умер, в институте был траур... Можете себе представить длинную процессию людей на улице Кирова (ныне опять Мясницкая – все возвращается на круги своя), искренне оплакивающих зам директора по кадрам и режиму?

Так вот, прихожу я к Волкову с заявлением об увольнении по собственному желанию. А был я уже «нечто» – первый доморощенный кандидат наук в институте, почти что гордость почтового ящика. Волков прочитал мое заявление и по своему обыкновению, вспыхнул, как красная девица, – была у него такая особенность.

Я сказал ему, что мой друг уволился по моему звонку, а его не взяли, хотя и обещали, поэтому я считаю своим долгом чести также уволиться и искать работу вместе с моим другом. Рассказал ему и предысторию нашего знакомства с Феликсом и про наши розовые планы на будущее.

Иван Иванович разъяснил мне очень деликатно, что я не имел права давать команду на увольнение – это прерогатива Отдела кадров. Про отказ Фишбейну он мне тоже разъяснил:

- Понимаешь, наш институт уже заполнил свою квоту на евреев.

Я был непреклонен в своем решении уволиться из солидарности с Феликсом. Тогда Волков сказал:

- Ну, ладно, беру грех на душу. Возьмем мы твоего Феликса, хотя и намылят мне за это шею в Министерстве!

Так сбылась наша с Феликсом мечта – стали мы работать вместе. И нужно сказать, удавалось нам это хорошо. И дружим по сию пору: каждый раз, когда я приезжаю в Москву, мы встречаемся и выпиваем отпущенные нам нашим возрастом и текущим здоровьем несколько стопочек водки...

Был у меня и еще подобный же эпизод, когда я набирал «команду» в ВЦ АН СССР, спустя уже более 10 лет после описанного эпизода. И время было тогда не пост-сталинское, а вполне застойно-предперестроечное.

У меня был совместный отдел с НИИ ССУ (извините, если подумали не так: НИИ ССУ – это НИИ Систем связи и управления), который передал на ВЦ для моего отдела порядка двадцати «целевых» ставок. Часть людей я просто переводил из НИИ ССУ. (Кстати, по иронии судьбы оба моих предыдущих ящика, в которых я работал – НИИ АА и НИИ ССУ располагались бок о бок около метро «Калужская», почему и получили совместное название «Калужский санузел»: АА и ССУ. Но это так, к слову пришлось.)

Конечно, отобрал я и одного из самых талантливых моих Физтеховских аспирантов. Его кандидатская диссертация была опубликована в виде монографии, он имел много весьма солидных публикаций. Одним словом, мне казалось, что ему в Академии Наук – самое место. Я пришел с его анкетой к ди-

ректору ВЦ академику Анатолию Алексеевичу Дородницыну: тот лично решал судьбы от старшего научного сотрудника и выше. Он стал буквально издеваться надо мной:

- Русский? С такой фамилией? Да еще с таким отчеством?

Я редко выхожу из себя и вообще, как мне кажется, умею контролировать свое поведение. Но на этот раз я сорвался:

- Я же отдал вам семь своих ставок с хорошей зарплатой, набирайте на них кого хотите, а мне уж позвольте набирать себе в отдел тех, кто мне нужен. Мне на работе нужны умные и работяги, а не просто голубых кровей славяне.

Опять я локально победил, но, подписывая бумаги на прием моего бывшего аспиранта, Дородницын пробурчал:

- Но уж на сем, Игорь Алексеевич, ваша квота на евреев исчерпана.

Замечу в заключение, что Дородницын был антисемитом на биологическом уровне. Но, будучи по анкете русским, он ненавидел и русских, причисляя себя к славному украинскому народу.

Кстати, тот же Дородницын, когда он разрешил мне создать свой Ученый Совет в Вычислительном Центре, позвал меня и еле слышимым голосом сказал:

- Игорь Алексеевич, включите, пожалуйста, в свой список Бориса Березовского.

Произнести «Бориса Абрамовича» у него просто не хватило моральных сил! Поскольку мой Совет создал сам Дородницын, я его просьбе противиться не мог, к тому же Борю Березовского я слегка знал. Но признаюсь, такая просьба директора озадачил меня.

Вскоре у нашего директора появились новые «жигули»... Боря был одним из подпольных королей ВАЗа. Помочь приобрести «жигули» без очереди ему было, что «два пальца об асфальт».

Воистину, «ничто человеческое нам не чуждо»!

Гордыня Ленинской стипендиатки

Был в моей преподавательской практике случай, который все же заставляет меня сомневаться в правильности моих действий. А может, я был и прав отчасти? Но все же это было нехорошо, поскольку совершенно сознательно я... Впрочем, сначала рассмотрим самую возникшую ситуацию.

Преподавал я в МЭИ, где в течение года заведовал кафедрой «Системотехники». (Потом Николай Пантелеймонович Бусленко уговорил меня вернуться на его кафедру в Физтех, а через полгода передал мне свою кафедру «Физика больших систем».) Проработав в Физтехе уже лет пять, я «испортился»: позволял себе разные педагогические эксперименты, открыто мог сказать студентам, например, про Теорему Григелиониса: «Результат вот такой, но доказать его я не берусь».

На консультации перед экзаменом, я попросил трех студентов – двух парней и одну девушку – дать мне зачетки: я хотел поставить им пятерки за заданные ими вопросы на консультации, поскольку они показали, насколько хорошо они разобрались в моем предмете. Парни с радостью вручили мне свои зачетные книжки, а вот девушка заявила, что, мол, что же она зря учила? Она хочет, мол, сдавать экзамен.

После консультации мой ассистент сказал мне, что девица эта – Ленинская стипендиатка, а не хухры-мухры. (Имя и фамилию напрочь забыл, хотя помню, что очень яркая и симпатичная была девушка).

Пришел черед экзамену. Стипендиатка была в первых рядах. Я всем раздавал билеты с вопросами и одну и ту же относительно простую численную задачку, где у каждого студента были лишь свои индивидуальные входные данные. Сначала нужно было решить задачку, а потом, после моей проверки, можно было отвечать на вопросы билета.

Стипендиатка пришла с решением задачки первой. В задачке было всего два параметра, поэтому я заготовил табличку базовых решений для проверки. Ее ответ явно не лез ни в какие ворота, и я, только глянув на ее решение, сказал, что оно неправильное.

- Не может быть!

- А вы сядьте и спокойненько проверьте.

К сожалению, у нее и со второго раза не вышло. Кто-то уже начал мне отвечать. Так что стипендиатке не удалось ответить первой. Вид у нее был такой, будто я ее лично прямо-таки оскорбил недоверием к ее знаниям. Сознаюсь, что это меня подзадорило. Когда она, наконец, решив задачку, начала отвечать, я задал ей несколько, честно говоря, сложных вопросов, на которых она «поплыла». Ну, вы же понимаете: что стоит профессору завалить студента, если он того захочет?

Я ей сказал:

- К сожалению, вы ответили где-то между тройкой и четверкой... Но у вас еще остается право воспользоваться той пятеркой, которую я поставил вам за ваши вопросы на консультации.

Наверное, это было нехорошо: я откровенно издевался над ней. Бедная девушка стала аж пунцовой и молча кивнула головой: гордыня гордыней, а Ленинская стипендия – Ленинской стипендией!

Я ей поставил «отлично»...

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Встреча двух шпионов

В 1966 меня послали на конференцию по Исследованию операций в Бостон, США. Там я познакомился с заместителем тогдашнего Генерального Секретаря Международной Федерации обществ по исследованию операций (ИФОРС) Шарлем Сальцманом. Это был живой, общительный человек, к тому же неплохо говоривший по-русски.

Мы с ним и его женой, Моник, которая была там же, как-то быстро сдружились. Потом Шарль предложил мне стать официальным представителем Советского Союза, на что я ответил, что я-то согласен, но решать должно мое начальство в Москве. (Решение потом было положительным.)

Там же я увиделся с канадцем Алеком Ли, принимавшим нас с Дмитрием Юрьевичем Пановым в Монреале в 1964 году. Алека Ли в Бостоне выбрали первым Президентом ИФОРС'а. Так что мои «тылы» на Западном фронте были сильны.

Вскоре интерес Сальцманов к моей персоне мне стал ясен: они собирались приехать туристами в Москву и хотели иметь кого-нибудь из российских аборигенов в качестве экскурсовода. Дело в том, что предки Шарля были родом из России и убежали когда-то от еврейских погромов во Францию, а Моник учила (так, «для фана») русский язык в Институте Восточный языков в Париже. (Ну, а что: ведь Россия, и правда, на Востоке от Франции!)

Когда они приехали в Москву, мы хорошо провели время, несколько раз я принимал их дома, сходили к нашим друзьям – Володе и Маше Багдасарян. (Сознаюсь, что предварительно я испросил разрешение нашего институтского куратора. Но мне уже доверяли: два раза был за границей и ни разу не сбежал!)

А однажды мы с Володей Багдасаряном (а ведь и он, и я работали в страшно секретных ящиках!) поехали с ними в Суздаль. Обставлено это было, как в шпионском фильме: Шарль с Моник вышли из своей гостиницы «Метрополь», спустились в метро «Дзержинская», поднялись обратно, и вышли на улицу Кирова, где в Малом Комсомольском переулке мы ждали их на Володиной машине. Мы-то с Володей были хороши! За такие штучки в то время можно было и загреметь кой-куда: оттепели оттепелями, а холодные места в России всегда наготове!

Но наша наивная игра в «подпольную встречу с иностранцами» обошлась. А скорее всего, мы были «под колпаком», но «всевидящее око» не сочло наши действия достойными пресечения. Кто знает!

В феврале 1969 я поехал на заседание Международной Электротехнической Комиссии в Париж.

В аэропорту Орли встретили меня Шарль с Моник. Мы ехали и о чем-то щебетали на корявом русском языке с Моник. Она сидела на переднем сиденье справа, Шарль вел машину. Моник работала штурманом, сидела с раскрытой картой. Подъехали к площади Этуаль, от которой разбегаются несколько улиц в разные стороны. Шарль спрашивает Моник по-русски (интеллигентный человек!):

- Куда нам теперь?

Тут я указующим перстом даю направление:

- Вон на ту улицу!

Моник, сверившись с картой, подтверждает, что я прав.

Шарль спрашивает меня:

- А ты бывал уже в Париже?

- Нет...

Тут воцарилась гнетущая пауза: уж что-то очень хорошо я ориентируюсь в чужом городе, где ни разу в жизни не был! Я понял, в чем дело, достал из кармана крохотный туристский путеводитель по Парижу со всего единственной очень грубой картой центра Парижа. Я объяснил, что перед поездкой «путешествовал по карте», чтобы было интереснее было потом ходить по улицам. Объяснение было принято, хотя, как я чувствовал, не на все 100%.

Дни пребывания моего в Париже были настоящим праздником! После заседаний я принимал душ, переодевался и к вечеру был у Сальцманов. Мы ходили по ночному Парижу, сидели у них дома с их друзьями... Поздно вечером, если не глубокой ночью, я возвращался в свою гостиницу «Король Георг IV». Однажды я, правда, «дал Маху», как говорится (хорошо хоть, что не Авенариусу!): Сальцманы приглашали меня на закрытие Чрева Парижа, но это было мероприятие на всю ночь... Я отказался. А зря! Мог бы один раз и не выспаться.

Однажды вечером Шарль пригласил меня и одного своего одноклассника по университету в ресторан. Мы «хорошо сидели», пили какое-то изощренное вино из запыленных бутылок франков по 200 за бутылку. Перед тем, как поставить на стол бутылку, хозяину стола давали пригубить глоточек винца на пробу. Шарль, важно причмокивая губами, говорил: «Годится» или что-то в этом роде по-французски. Я сказал, что и у нас в Москве можно такие номера откальвать, только открытую бутылку все равно на стол поставят. Шарль почти тут же продемонстрировал, что, как говаривал Редьярд Киплинг, «Запад есть Запад, и Восток есть Восток». От очередной бутылки, которую он пригубил, он отказался, сказав, что вино кисловатое, и попросил ее поменять. Официант принес новую.

Как-то Шарль покинул столик, удалившись кой-куда (со всеми такое случается при бурных возлияниях), и мы остались

с его приятелем в двоём. Чтобы поддержать разговор я спросил:

- А вы давно знаете Шарля?

- Да! Мы с ним вместе учились еще в разведшколе.

Вот тут-то я и понял реакцию Шарля на площади Этуаль: подумал, бедолага, что нарвался на русского Штирлица! Вот уж воистину, встреча двух шпионов!

Потом Шарль далеко пошел – был советником у Жоржа Помпиду, т.е. был такой пом-Помпиду. Но при этом он не загордился: мы продолжали переписку.

Когда уже в середине 90-х годов мы с Таней, моей женой, приехали из США в Париж в отпуск, мы смогли найти только Моник: Шарль с ней развелся и во время нашего пребывания во Франции был в командировке ... в США. Неисповедимы пути Господни!

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Святой Иннокентий

Моей мечтой с детства было иметь собаку. Но мечта эта реализовалась только тогда, когда собаку захотели мои дети.

Первого пёсика, маленького не чистопородного фокстерьерчика мы приобрели, когда Слава еще не ходил в школу. Назвали его Кеша, потому что Тане понравилось, когда я сказал, что взрослого его можно будет называть Иннокентий, как Смоктуновского.

Вообще у нас в семье дети почему-то любили называть зверей диковинными именами. Однажды я привез с Кавказа пресноводного краба, который сидел весь день в аквариуме на камне, подняв клешню, ну, прямо как член Политбюро на трибуне Мавзолея во время демонстрации трудящихся. Почему-то к нему приклеилось имя Тутанхамон, хотя звали мы его сокращенно просто – Моня.

Пес быстро рос. Это был Славин пес, поскольку тот с ним проводил больше всего времени, и дома играл, и ходил гулять. Кеша был очень добродушный пес, ко всем ласкался, был по-детски доверчив. Не зря, видимо, говорят, что характер у собаки такой же, как и у ее хозяина.

Но примерно через год, когда Слава уже пошел в школу, случилась беда. Однажды, весь в слезах, Слава приносит домой на руках, держа как маленького ребенка, израненного Кешу... Увидев меня, пес завилял хвостом и как-то жалобно посмотрел. Он был весь изуродован, как будто его избили цепями.

А дело было так. Слава играл в футбол с друзьями во дворе, собака бегала сама по себе. Потом раздался громкий визг за углом, когда ребята прибежали на собачий плач, то нашли Кешу, которого скорее всего переехала машина...

Пес пролежал на своей подстилке целый день почти бездыханный, ничего не ел, а когда засыпал, то иногда покусывал... Видимо, когда он не спал, скулить не позволяла мужская собачья гордость.

Рано утром в воскресенье я обнаружил, что Кеша уже застыл. Чтобы не травмировать Славу с Таней, я быстренько оделся, положил Кешино тело в мешок, мешок в спортивную сумку и поехал в сторону нашей дачи. Отъехав от Москвы, я сошел и отнес Кешу в ближайшую рощу, где, найдя какую-то канавку, положил его, забросав камнями и сверху осенними листьями...

Чтобы дети легче перенесли этот тяжелый для них удар, пришлось буквально тут же купить нового фокса. На этот раз это был чистопородный кобель, вернее маленький смешной кобелечек, которого даже еще не держали задние лапы. Естественно, назван он был тоже Кешей, хотя он быстро освоил, что он к тому же и Иннокентий: когда я звал его гулять, то называл его Иннокентием.

Когда он стал уже относительно большим, на него напала немецкая овчарка и, слегка даже покусав, загнала его под лавку. Я вытащил его оттуда, дрожавшего мелкой дрожью от страха. Думал, что собачонке сломали психику на всю жизнь. Но я ошибся: с тех пор Кеша стал врагом всех больших собак. Стоило ему увидеть овчарку или борзую, он срывался с поводка, летел как стрела и в неотразимом прыжке впивался собаке в горло. Отцепить его мог только я ласковыми словами, а еще дуть ему в нос – собаки этого страшно не любят.

У этого пса было четкое разделение: если он хотел есть, то находил тещу и начинал на нее умильно смотреть; если хо-

тел поиграть, то начинал таскать Славу за брючину; если хотел, чтобы его поласкали, ластился к Тане. Я был главным авторитетом, поскольку я с ним гулял. (После первого потерянного пса, мы не отпускали собаку бегать беспризорно.)

Однажды Лида, моя первая жена, пошла в магазин, прихватив зачем-то с собой и Кешу. Привязав собаку к забору, она вошла в магазин, купила, что надо и, забыв про Кешу, пошла домой. Слава позвонил мне на работу в слезах и сказал, что мама забыла Кешу у магазина...

Я тут же поехал домой, и мы со Славой побежали к магазину, бегали вокруг, звали пса, обходили все котельные, спрашивали всех встречных, развесили объявления с обещанием вознаграждения тому, кто вернет собаку. Только на третий день позвонил мне нетрезвый голос и сказал, что завтра, если мы хотим, мы можем встретиться с ним в 6 часов вечера на остановке автобуса у «Сокола», но должны прихватить четвертной. Мы дали друг другу свои опознавательные знаки, кто в чем будет одет.

Мы со Славой были вовремя. Вскоре подошел мужичок, объяснивший, что нужно ехать на автобусе, но я предложил взять такси. На такси мы быстро примчали к нужному деревенскому дому совсем недалеко от города. Во дворе, действительно, бегала без ошейника собака, удивительно похожая на Кешу. Когда мы подошли, я позвал: «Кеша, Кеша!» – никакой реакции. Но больно уж псина похожа на нашего Кешу! Я помнил, что у Кешы на брюхе было родимое пятно. Я нагнулся и подхватил собаку под передние лапы. Пес ощерился, но собак я не боюсь, и они это чувствуют. На пузе было-таки родимое пятно! Это был наш Кеша!

Расплатившись с мужиком, мы пошли к такси, которое я попросил нас подождать. В машине Кеша, как только я его отпустил, забился под водительское кресло, да так и посидел там всю дорогу. Вот сила собачьей обиды! Он обиделся на всех нас сразу!

Дома он, опустивши уши, поджавши хвост, как-то на полусогнутых ногах быстро юркнул под диван. Он ничего не ел, не выходил оттуда буквально несколько дней. Только изредка (голод – не тетка!) вылезал, бежал к своей мисочке, а потом опять прятался под диваном. Наконец, он позволил себя

прогулять. Постепенно человеческие отношения с собакой налаживались.

Вскоре всеобщая дружба с собакой расцвела прежним пышным цветом. Насколько же пес любил всех нас, если так глубоко переживал факт предательства!

Кеша прожил долгую и счастливую жизнь. Лет до 16. У Тани уже родились двойняшки, они уже начали ходить в манежике и кормили Кешу печеньями и конфетами через свою «тюремную» решетку. Детей он очень любил, и когда они впились в его шерсть своими цепкими ручками, то он только поскуливал, но даже не щерился.

Когда я приходил в гости (а к тому времени я развелся), собачьей радости не было предела. Как только мне открывали дверь, он все норовил в высоченном прыжке стянуть с меня шапку.

Под старость совершенно слепой, он ходил на «автопилоте»: если, не дай бог, где-то на пути попадался стул, стукался об него лбом. Но ходил он осторожно, поэтому стукался не сильно. Потом он ослаб, едва ходил, а однажды просто не встал со своей подстилки...

Вообще говоря, зверье необходимо для того, чтобы воспитать из детей настоящих людей. Это первый объект их жизненного опыта заботы о других, это первые уроки бескорыстной любви – ведь зверушка ничего не может дать взамен, кроме своего доброго отношения...

Помню, когда Таня была маленькая, купил я ей хомяка (о собаке тогда вопрос и не стоял – сами жили в ужасной тесноте). Был тот хомячок совсем ручной, любил, когда его поглаживают по спинке и ел с руки. Но однажды – сбежал, а жили мы в «хрущобе», где было полно различных щелей, а железобетонные перекрытия представляли собой отличные «крысопроводы», благодаря цилиндрическим нишам, облегчавшим конструкцию.

Сколько мы зверка ни звали, сколько не пытались приманить разной хомячьей вкуснятиной – все без успеха. Но Таня не успокаивалась и с чисто женской верой в светлое будущее каждый день ложилась на пол около кровати, под которой стояла клетка беглеца, и звала его.

Мне стало ясно, что наш хомяк, скорее всего, заблудился, а потом, видимо, стал жертвой вечно голодных серых монстров...

Что делать? И тут мне в голову пришла простейшая мысль, из тех, которые почему-то обычно не приходят в голову именно из-за их простоты: нужно купить нового и незаметно подsunуть его вместо сбежавшего. Съездил я в зоомагазин, подыскал такого хомячка, который был похож на нашего прежнего. Придя домой, я спросил Таню, не вернулся ли хомяк. Она почти со слезами сказала, что нет. Я сказал: «Пойдем-ка, попытаем счастья последний раз. Прошла уже почти неделя. Он наверняка так заблудился, что уже никогда не найдет дорогу обратно».

Взял я кусочек морковки, лег под кровать и начал тихонечко посвистывать, как делал, когда мы звали нашего старого хомяка поесть. В кулаке я уже заранее держал нового хомяка. Таня лежала рядом со мной. Вдруг я радостно закричал: «Вон он! Вон он!» и бросился якобы ловить его. Через мгновение мы с Таней уже вылезали из-под кровати, в моей руке был хомяк!

Предела Таниной радости не было, она взяла хомяка и начала его ласкать. Но новичок был не приучен к сентиментальностям и пытался даже укунить дочку. Она заплакала: «Это не наш хомяк! Наш был добрый!» С трудом удалось ее убедить, что за неделю хомяк просто одичал...

Так что, нужны звери детям, нужны!

Угон самолета

Нарушая всяческие правила научного приличия, я часто ездил в свои деловые поездки (конференции, семинары, защиты диссертаций) со своими детьми.

Однажды я полетел на семинар Юрия Николаевича Руденко на Байкал. Ну, как я мог туда полететь один? Я захватил с собой Славу, хотя Руденко, видимо, был недоволен таким моим поведением: даже на жен было табу, а уж про детей и говорить нечего!

Семинар, как всегда был интересным. Я по-прежнему исполнял роль «опереточной Бабы-Яги», которая держалась

при семинаре для устрашения аспирантов, представивших свои работы «на апробирование».

После семинара мы на институтском «Титанике» должны были плыть в Северо-Байкальск, откуда на самолете лететь в Иркутск. Но Священный Байкал превратился в весьма славное и весьма разбушевавшееся море, по которому наш кораблик, будучи предельно перегруженным, двигался с черепашьей скоростью. В результате мы на свой рейс опоздали... В аэропорту нам предложили лететь по маршруту Северо-Байкальск – Улан-Удэ – Иркутск, причем с пересадкой в Улан-Удэ. Оставалось выбирать между этим неудобным рейсом или ожиданием в течение двух-трех дней до следующего рейсового самолета. Положение было, как у Адама в известном анекдоте: «Создал Господь Еву из Адамова ребра и сказал ему, выбирай себе жену!» Конечно, мы согласились, а что еще делать?

В аэропорту Северо-Байкальска я наскреб по своим карманам чудом сохранившуюся мелочь и купил Славе пачку галет, поскольку мы почти весь день не ели, а еще предстоял перелет. Сели в самолет. Слава открыл пачку печений, и я ему сказал: «Пойди, угости женщин». (На всех бы не хватило.) Он пошел по рядам, многие отказывались, но он говорил, что у него еще есть, и тогда предложенное печенье брали. Он вернулся счастливым, потому что, как мне показалось, впервые почувствовал себя маленьким мужчиной. В его руке осталось не догрызенное печенье, которое он с удовольствием догрыз. Конечно, никакой другой пачки, о которой он всем говорил, не было.

Я был рад, что такой моральный урок прошел успешно. Ведь дело не в том, что никому одна печенюшка ничего не давала. Дело в поступке. И этот поступок был Славой совершен с радостью.

Кстати, при чем здесь угон самолета, спросите вы. Я просто увлекся рассказом о сыне. (Что поделать: своя рубашка...) Так вот, самолет летел в Улан-Удэ, а на борту оказались только мы, участники семинара, и всем нам нужно было в Иркутск. Все мы страстно умоляли стюардессу объяснить ситуацию пилотам. «С нами ребенок» – был один из аргументов. Были шуточные предложения угнать самолет, попросив политического убежища в Иркутске. Потом Юрий Николаевич попросил разрешить поговорить с пилотами. Стюардесса после

переговоров с пилотами вышла и пригласила его в кабину. Пропал он там надолго, но потом вышел с радостной улыбкой: «Пилоты связались с землей и получили разрешение приземлиться в Иркутске, не залетая в Улан-Удэ!»

Народ восторжествовал. Раздалось дружное троекратное «спасибо», от которого самолет едва не развалился.

Вот так был совершен мирный угон самолета местной советской авиалинии группой распоясавшихся интеллигентов.

ПРО СЕБЯ

Первый поцелуй

Я почти убежден, что любой донжуанище, даже потевривший счет познанных им женщин, все же должен помнить первый поцелуй. Ну, а уж нам с вами такое забывать и вовсе грех.

Когда я еще учился в школе, по весне у нас был обычай выходить на аллею Ленинградского проспекта и ходить «кадрить» девочек или просто «стрелять глазами». Это у нас называлось «пойти на бледоход». И я ходил с друзьями, хотя по натуре был «маменькиной дочкой». (Для справки: впервые я поцеловался на первом курсе института, а поцелованная стала через четыре года моей женой...)

Однажды меня взял себе в пару Слава Каменев, известный в нашем классе ловелас. (Впрочем, многие в том возрасте любят подсочинить про себя, чтобы прослыть «настоящими мужчинами».) Не сразу, но довольно быстро, мы «подцепили» двух девчушек, моложе нас, класса из 8-го. Прошлись мы даже не под ручку – стеснялись, а потом завернули в парк около Малого стадиона «Динамо». Собственно, это был и не парк, а несколько деревьев около теннисных кортов. Под ними стояла пара скамеек.

Ну, сели мы на скамейку, но не как все, а на спинки скамеек, поставив ноги на сиденье. Сначала о чем-то говорили, потом Слава обнял за плечи свою напарницу, а вторая девица, глядя на них, обняла так же меня. Сознаюсь, я сомлел: я ни одну девушку еще и за руку не держал, а тут такое! Потом она

вдруг развернула меня лицом к себе и ... поцеловала как-то в угол рта, видимо, промахнувшись.

Я от шока чуть не свалился со скамейки. Потом, соскочил с нее, и быстро пошел к выходу со стадиона. Слава потом долго смеялся надо мной, но истинно по-мужски не распустил анекдот про меня дальше. Помню, что когда я шел, то судорожно стирал влажный след первого поцелуя. Было ощущение брезгливости.

Теперь я зато понимаю ответ героя американского фильма "Rain Man", которого прекрасно играет Дастин Хоффман, когда его спросили, как ему понравился поцелуй, он ответил: «Wet...», что по-нашенски означает «Мокро...».

Первая операция на сердце

Подходил второй год моего пребывания в Университете Джорджа Вашингтона. То ли обильные заморские харчи, то ли тоска по русским осинкам да березкам, но вдруг почувствовал я, что что-то со мной неладное творится: поднимаясь в свой кабинет на третий этаж, я начал по три четыре раза останавливаться, чтобы передохнуть. И вот тогда я решил пойти к врачу. Тот послушал сердце и легкие и посоветовал записаться на прием к кардиологу.

Кардиолог сказал, что у меня врожденный порок сердца и надо менять клапан. Ну, клапан, так клапан! Я ему сказал, что вот возвращусь домой, там и сделаю операцию.

«А откуда вы?» - «Из России». - «О! Вам там сделают операцию не хуже, а может, и лучше, чем у нас!» Я гордо улыбнулся такому комплименту моей родине. «Но вы умрете на пятый день от плохого ухода...» И тут я вспомнил свой богатый опыт пребывания в различных госпиталях широкой страны моей родной, где так много лесов, полей и рек...

Одним словом, за четыре недели до окончания моего контракта с Университетом, я согласился лечь в Университетский госпиталь. Сделали мне ангиографию, притом зачем-то на большом экране прямо надо мной на телеэкране показывали мое сердце размером с медный таз. Бр-р-р. Могу сказать, что картина не из приятных.

Выяснив, где и что у меня не так, подготовили меня к операции. Хирург с ласковой японской фамилией Алионе, которого мы Таней тут же окрестили «Алёной», дал все детальные объяснения того, что и как мне будут резать. Операцию назначили на 12 часов следующего дня, однако, около пяти или шести утра – на часы не посмотрел – пришел «Алёна» и спросил, не хочу ли я оперироваться первым, т.е. в 8 утра. Дело в том, что пациентка, которую должны были оперировать, перешла в мир иной, у нее подскочило давление и операцию пришлось отложить, а «свято место пусто не бывает» или, по крайней мере, не должно быть.

Как говорится, раньше ляжешь, раньше встанешь (при условии, что встанешь!). Я конечно согласился.

Привезли меня в операционную. Подошел анестезиолог, для начала померил пульс и давление. Повернувшись к хирургу, сказал: операцию делать нельзя - пульс 50, давление 110 на 70, видимо, упадок сил. Хирург, с которым мы уже почти два дня общались, а посему он меня уже немного знал, ответил на это: «Все нормально, он – русский!» Но дело было в

**После операции: автор
с хирургом Алионе**

том, что, во-первых, я, действительно, совершенно не волновался, а во-вторых, я вообще по натуре – гипотоник.

Таня все время удивляется, с какой беззаботностью я ложусь под нож... А может, во мне жив комплекс Исаака, сына Авраама: коли надо резать, то надо и резать! Слава Богу, что пока каждый раз в кустах стоит запутавшийся рогами барашек...

Потом меня «погасили» часов на шесть-семь. Очнулся я уже в реанимации. Таня, как потом выяснилось, уже приходила навещать «живой труп». Она рассказывала про эту ужасную картину: огромный зал с разгороженными занавесочками кро-

ватями, на которых лежат одинаковые бледно-голубые тела, опутанные проводами и трубками...

Когда я очнулся, то ко мне подошла сестра и сказала, что надо бы сесть(!). Преодолевая боль, скрипя зубами, я с ее помощью поднялся и пересел на стул с подлокотниками. Испытание было таким суровым, что я тут же потерял сознание. Очнулся я от дикой боли в груди на том самом месте, где мне по «килю» разрубил грудь. Оказывается, пришел мой друг, президент фирмы, в которой потом я буду работать, – Джон Кеттелль. Он этак легонечко потрогал меня за плечо, что и пронзило меня болью. Я ему жалко так улыбнулся и опять закрыл, как мне показалось, на секунду глаза. Когда я их открыл, то никого уже не было, а была только сестра, которая пришла помочь мне лечь опять на жесткое реанимационное ложе.

Потом пришли две молодых и грудастых девицы. (Это-то я хорошо запомнил!) Они сначала поменяли подо мною простыню, подняв меня какими-то механическими клещами, похожими на мини-экскаватор. Боль была жутчайшая. Но на этом не кончилось: они повернули меня на бок (о! даже вспомнить страшно!), зажали меня между своих могучих грудей, как в тиски, и одна из них стала стучать по спине, отбивая мокроту в легких, чтобы не было застойных явлений. Потом меня повернули на другой бок и вторая девица стала барабанить по моей спине. Одна была отрада – даже при нестерпимой боли – это ощущение теплых женских грудей на спине и на животе...

Извините за подробности, но хоть с вами-то я могу быть откровенным?..

Утром следующего дня я оказался в обычной палате на двоих. Пришла сестра, сказала что надо бы встать постоять. Встал, постоял. Потом пришла навестить меня Таня, я еще раз встал-постоял, чтобы продемонстрировать, что я уже могу. На третий день, как раз когда у меня опять была Таня, пришел хирург, посмотрел меня и сказал, чтобы теперь я минут 10-15 ходил по коридору. Мы шли с Таней, смотрели на группу мониторов в конце коридора, где среди дюжины других билась судорожной змеей и кардиограмма моего сердца. (Потом я узнал, что по этим мониторам дежурная сестра со своего столика контролирует, у кого не так стало биться сердце.) «Гуляя» по коридору, я катил перед собой, как детскую коляску, этакий

серверный столик, с пейс-мейкером и капельницей, опутанными паутиной каких-то трубочек и проводков...» На пятый день меня выписали. Самое трудное было для меня нагнуться, чтобы сесть в машину. Еще через два дня я уже был в Университете: приехал Борис Владимирович Гнеденко, и я должен был его представлять на его открытой лекции.

С тех пор у меня «в этой жизни умирать не ново», но вот зато жить с каждым разом становится все новей и новей!

ТЕТРАДКА №4

ПРО ДЕТСТВО

Полет в День Авиации

18 августа в Советском Союзе был праздник (хотя и без выходного дня) – День Авиации, или как тогда еще говорили, День Сталинских соколов. Одновременно это и мой День Ангела. (Кстати, очевидцы говорят, что ангелы тоже с крыльями и летают.) Я – не ангел, но в тот день в 1945 году я тоже полетел... с дерева на землю. А дело было так.

Во дворе у нас стояла высоченная ива. Была она никакая не плакучая, может, потому, что не было над чем плакать – ведь плачут они обычно над чем-то водным: прудом, озером или рекой. А эта ни к какой воде не гнулась, а тянулась вверх примерно, так, до шестого этажа. Я уверен, что нигде больше такой громадной и нелепой ивы не было и уже и не будет.

Однажды, не помню уж зачем, мы с моими дворовыми друзьями полезли на эту иву. Залез я выше всех мальчишек, чем был очень горд. Добрался аж до такого уровня, что мне была насквозь видна наша квартира через открытую балконную дверь. А жили мы на пятом, повторяю – пятом, этаже! (И дом был не хрущевский, а еще довоенный, с нормальными потолками.)

Я стоял на одной ветке, держась рукой за другую, над головой. И вот, оказавшись на уровне пятого этажа, я в полный свой дискантовый голос крикнул «Ма-ма!», чтобы моя мама вышла и посмотрела на своего сына-героя...

Это было последнее, что я помнил в тот день. Нет, помню еще, как затрещала подо мной ветка (а ивы страшно хрупкие). Потом пустота. Я потерял сознание.

Рассказывают, что летел я на землю так, как ныряют в воду «солдатиком». Подбежал кто-то из взрослых и бегом отнес меня в медсанчасть Академии им. Жуковского, которая располагалась прямо за нашим домом. Там мне наложили гипс, замотав тело от ребер до – сами понимаете какого – места, а от туда ниже – всю правую (сломанную) ногу аж до стопы, к сожалению, включая и саму стопу. (Почему «к сожалению», будет ясно ниже.) Я был похож на эдакого средневекового рыцаря-

инвалида, вернее, рыцаря, забывшего надеть броню на левую ногу. Все это делалось, когда я был в полной отключке.

Пришел в себя я часа через три, и тогда родителям решили меня взять домой. На рентгене нашли, что у меня вколоченный перелом шейки бедра правой ноги, два сломанных ребра, пяток трещин таза и сильнейший ушиб подбородка – видимо, во время падения «пересчитывал» попадавшие на пути полета ветки. То, что перелом шейки бедра был вколоченный – меня спасло. Тогда еще с такими переломами делать ничего не умели, а посему быть бы мне инвалидом. А так все обошлось хорошо – просто правая нога стала примерно на полтора сантиметра короче левой.

Пролежал я в гипсе примерно до начала декабря. Ребята приносили мне домашние задания, и я продолжал учиться (был 4-й класс).

Поскольку гипсом замотали меня на мой пустой желудок, то даже малые порции еды вызывали страшные боли. Мама моя вырезала мне ножницами подобие «декольте» от ребер до чуть ниже пупка. Есть стало можно! Где-то, видимо, через две-три недели у меня начала дико чесаться подошва под гипсом. Мама сделала дырочку около пятки и высшим кайфом в жизни было, когда она через это отверстие осторожно чesала мне подошву ноги вязальной спицей...

Но вдруг стали побаливать пальцы на ноге, потом боль стала нестерпимой, всю ступню дергало, будто это был один гигантский нарыв. Мама и тут решила шаг: вопреки рекомендациям хирургов, она разрешила гипс и освободила мне всю стопу... Оказалось, что моя нога, неумело стянутая наложенным гипсом, начала мертветь, было уже предгангренозное состояние. Ступня была белая аж с зеленовато-синим отливом, пальцы уже совершенно ничего не чувствовали. Как я понимаю сейчас, моя мама спасла мне, как минимум, ногу...

Как тут не вспомнить анекдот: Сын спрашивает отца: «Папа, как пишется “херург” или “хирург”?» – «Если хороший, то через “и”, а если плохой, то через “е”...»

Когда я начал вставать и перемещаться в своем панцире по комнате на костылях, пролежав горизонтально месяца два (садиться я не мог), со мной произошла совсем страшная вещь:

я начал слепнуть... Происходило это буквально в течение одной недели. От 100%-го зрения я за это время дошел до минус двух с половиной диоптрий! Это было страшно: позавчера я мог читать книгу на расстоянии чуть ли не два метра, вчера это расстояние уменьшилось до метра, сегодня – до вытянутой руки... Я плакал, когда оставался один, было очень страшно. Когда сняли гипс и я пошел в школу, то был уже в очках. Одевал я их, правда, только на уроках, когда нужно было что-то читать с доски. Очень уж не хотелось терять своего «нормального» вида!

Недели через две после того, как мне сняли гипс, в середине декабря, я гулял с друзьями. Любимым нашим занятием было прицепиться крючком за борт грузовой машины и ехать на галошах по утрамбованному снегу на дороге (мы ходили в валенках с плотно одетыми галошами, чтобы не промочить ног). Это было похоже на сегодняшнее катание на водных лыжах.

И вот еду я за машиной, дело было уже после 9 вечера, и слышу мамин голос: «Игорь!» Я, конечно, быстренько за углом отцепляюсь от борта машины и, сломя голову, несусь домой, чтобы дома быть до маминого прихода. Прибежал, хватил себя быстренько раздеваться и лечь в кровать, притворившись спящим. Спустя буквально минуту, входит мама и, подходит ко мне. Обман мой моментально раскрывается, хоть я пытался что-то невнятное лепетать. Мама говорит: «Ты первый раз вышел на улицу и тут же прицепился за машину. Ты же понимаешь, что ты еще слабый, тебе нужно беречься. Но за такой проступок я бы тебя и не наказала, а просто объяснила бы тебе, что ведешь себя неразумно. Но ты хотел меня обмануть, а это уже очень плохо. Вот хорошо, что ты уже разделся – поворачивайся на живот, получишь хорошего ремня!»

Так я отметил свой первый выход на улицу после почти четырехмесячного домашнего лазарета. Вообще, если признаться, лупили меня редко, но метко – всегда за дело.

Я домостроевец: я считаю, что мальчиков надо сечь – пусть привыкают к «ласковым» домашним наказаниям заранее, пока их всерьез не встретит жизнь своими неумолимыми «розгами». (Это я в шутку: своего сына я ни разу не тронул пальцем... Так что теория с практикой у меня расходятся)

ПРО ШКОЛУ

Лайма – по-латышски означает «счастье»

Последний звонок. Через полчаса – последняя линейка, на которой нас будут поздравлять с окончанием школы...

Жил я рядом со школой, в соседнем доме. Не знаю уж зачем и почему, я вдруг решил сбежать домой и принести с собой на эту линейку свою собаку – карликового пинчера. Прибежал домой, схватил спортивный чемоданчик, которые были тогда в моде у молодежи, успел ножницами пробуравить несколько отверстий, засунул туда сопротивляющуюся собаку и помчался обратно в школу.

Перед линейкой мы в классе потешались над некоторыми трюками, которым я обучил Лайму, так звали мою собаку. Назвала ее так моя мама. Были мы с ней в Риге и однажды увидели, что мальчишки ведут собаку в сторону Даугавы. На шее собаки вместо ошейника была петля, завязанная из простой пеньковой веревки. Мама решила, что ее ведут топить, остановила ребят и купила у них собаку, дав каждому (было их человек пять) по 20 копеек на мороженое. Так мы обрели собаку, а собака – свое собачье счастье и в придачу – новое имя: по-латышски Лайма означает «счастье».

Когда настало время торжественной линейки, я засунул Лайму обратно в чемоданчик и встал в общий ряд. После быстрого официального поздравления перед нами выступила с речью директриса, Галина Александровна, которую за особую посадку головы с гордо вытаращенным наружу кадыком мы называли «Гусыня». «Гусыня» речь свою явно затянула. Лайме, видимо, уже стало не хватать воздуха или же просто стало страшно в темноте, она стала подвывать. Гусыня прервалась: «Кто принес собаку?!» – и она бросилась на звук по шеренге в мою сторону, но чемоданчик быстро по рукам за нашими спинами перенесся на другой край шеренги, туда же, естественно, перенесся и собачий вой. Но долго это продолжаться не могло: местоположение собаки было слишком легко вычисляемо. Тогда кто-то по-собачьи завыл, не открывая рта, за ним другой, третий... Торжественная линейка превратилась в какую-то псарню.

Гусыня разгневанной фурией умчалась куда-то, как ведьма на метле. Больше она не появлялась.

Нас пригласили за длинный стол, где был накрыт чай. Лайма была выпущена из чемодана и радостно ходила по рукам – она чужих не боялась. В чайных стаканах каким-то образом появилась кем-то незаметно принесенная водка, в которую для большей убедительности все подливали заварку из маленьких чайничков. Выпускной банкетик удался!

ПРО ИНСТИТУТ

Болометр

Вы знаете, что такое болометр? Нет? Ну и я до сих пор не знаю, хотя рассказ пойдет как раз именно о нем.

В МАИ был у нас один замечательный добряк-преподаватель Александров (имени-отчества не помню, но чуть ли не Александр Александрович), который преподавал «Электротехнические приборы». Курс был второстепенный, поэтому по нему был только дифференцированный зачет (т.е. зачет с оценкой). Худшая оценка у Александрова была четверка. К нему ходили сдавать, что называется, на арапа: если чего не знаешь, он сам же тебе расскажет, а потом сам же тебе поставит пятерку. Получить у него четверку – это надо было сильно постараться!

Пошел и я сдавать, ничего не зная, а к тому же прихватив конспекты моего друга Славы Архангельского, про которого я уже писал. Достался мне билет: «Болометр». Для меня вся электро- и радиотехника всю жизнь были китайской грамотой: Болометр – это что? – прибор для измерения болонок, что ли?

Открываю под столом тетрадь, и нахожу на развернутой странице нарисованный огромный перезревший огурец, если даже вообще не кабачок, у которого справа и слева, т.е. с концов, вставлено по электроду. И внизу подпись – «болометр». Ну, перерисовал я эту хреновину в масштабе один к одному, поскольку решил, что размер, видимо, существенен.

Теперь самое время сказать, что Слава Архангельский был большой хохмач. На самом деле, болометр это финтфюлечка размером поменьше обычного маленького стеклянного

предохранителя. Вставляется она, эта штуковина, для регуляции силы тока. (Но я и этого не знал!)

Выхожу я к Александрову и с чувством гордой независимости кладу перед ним свой чудовищный чертеж. Он посмотрел, оторопел и спрашивает:

- А почему у вас на чертеже болومتر такого размера?..

- Это в натуральную величину!

- Ну, может, вы мне еще чего-нибудь расскажете про этот прибор?

Вот те номер! Я-то жду, что он мне сейчас расскажет и поставит пятерку, а тут - на тебе: расскажи ему!

- А я больше ничего не знаю...

Бедняга-преподаватель потерял сначала даже дар речи, а потом робко, будто бы испугавшись сам, сказал мне:

- Я вам зачет поставить не могу... Вам придется подготовиться получше и придти еще раз... – Он по-моему, чуть не плакал от обиды или от оскорбления...

На пересдачу к нему я пришел полный раскаяния и реальных знаний. Пятерку я получил честную...

В конце этого же учебного года Александров умер. Злые языки говорили, что в последний год у него было два выдающихся события в жизни: во-первых, за 50 лет непорочной работы на ниве электротехнического образования он получил Орден Ленина, а во-вторых, поставил первую в своей жизни двойку...

ПРО РАБОТУ

Почему я никогда не терял секретных документов

Свою дипломную работу я делал в п/я 577, который теперь, во времена «пост-гласности» и полной «недостроенной перестройки» переименовали в Особое Конструкторское Бюро имени С.А. Лавочкина. То, что это была сверхперезасекреченная организация. Не требует, видимо, пояснений, что там конструировалось тако-о-о-е...

Мой руководитель дипломной работы – хороший парень и неплохой инженер, Гена Тетеревов – брал для меня в первом отделе секретные тома, из которых я черпал необходи-

мые знания. Почти все они (тома, конечно, а не знания) были не просто «секретно», а СС ОВ, что означало «Совершенно секретно. Особой важности». (Все время в голову лезет эта фраза из Стругацких: «Совершенно секретно – перед прочтением СЖЕЧЬ!»)

Гена брал мне эти секретные книженции в Первом отделе, оставляя там под залог специальный вкладыш, а сам по пропуску, на котором стоял «вездеход» – всего-навсего спецзнак для прохода всюду на территории предприятия – шел в совершенно-совершенно секретный цех, который был дополнительно огорожен и особо охраняем. Там он работал обычно до посинения. Потом он приходил, забирал у меня книгу, сдавал ее в первый отдел, получал свой вкладыш, и шел в проходную, чтобы на служебном спецавтобусе доехать из Химок до ближайшего метро. (Возил наш заводской автобус до «Маяковки» с остановками на «Соколе» и у «Белорусской». Кстати, на автобусе же можно было приехать и утром на работу. Вот это и называется «заботой об людЯх»!)

Обычно в Первом отделе нужно было оставить пропуск, чтобы нельзя было выйти за пределы предприятия с документами. («Враг – не дремлет!») У тех, у кого был «вездеход», при выходе через проходную требовалось еще и наличие вкладыша. Вот такая (извините за занудное объяснение) была система.

Так вот, Гена взял мне очередной «СС ОВ» и ушел в свой цех. Кончился рабочий день. Пять. Шесть. «Уж Герман близится, а полночи все нет». Позвонить в цех можно было только от начальника отдела по особому телефону, а тот уже ушел и запер свой кабинет – кругом же секреты! Я решаю запретить книгу в отдельский общий сейф, а Гене на его рабочем столе оставить записочку, после чего спокойно (но уже на перекладных, то-бишь на городском транспорте) еду домой.

Утром я узнаю следующее. Где-то около полуночи в Первом отделе наконец-то нашли невостребованный вкладыш. Чей? – Тетерева! Звонок в органы (сами понимаете, в какие), там раскрутка: Тетеревов – Файнштейн (зам. нач. отдела) – Малев (нач. отдела). Их всех тепленьких вынимают из кроватей и в половине второго ночи в кагэбэшном «воронке» везут в Химки. Вскрывают опечатанную дверь. Начинают рыться в столах.

Михаил Борисович Файнштейн – симпатичный такой хитрый лис, похожий на американского актера Джина Уилдера, видит на столе Тетерева мою записку, читает ее и прячет незаметно в карман. Потом невинно и подходит к сейфу. Там он достает незаметно свои ключи, у которых на колечке прицеплена «печатку», которой опечатывают двери, секретные портфели и сейфы, и незаметно прижимает ее к заполненной пластилином ячейке у замка сейфа. Потом он с глубокомысленностью Шерлока Холмса изрекает: «А может, книга в сейфе? Я сам опечатывал его перед уходом в пять часов». Кагэбэшники бросаются к сейфу и... находят там секретный том! Главное – у Гены Тетерева есть алиби: он не мог передать книгу врагу, так как сейф был опечатан в пять, а он ушел из цеха около восьми!

Оказывается, затраченный за рабочий день Гена забыл про вкладыш, а дремавший охранник (гордо называвшийся тогда «боец ВОХР», т.е. военизированной охраны) не заметил «вездехода» на пропуске, а потому и не потребовал вкладыша.

Нужно сказать, что мы потом славно отметили этот случай в каком-то местном «закусерии», выпив поллитровку на троих (включая Михаила Борисовича Файнштейна, который на это дело был весьма горазд). Оказывается, невинным героем всей этой истории оказался я: и книгу в сейф засунул, и записку Гене написал. Гена был страшно рад своему строгому административному выговору (вместо положенных лет пяти лагерей), а Михаил Борисович – простому выговору за то, что у него подчиненный такой разгильдяй...

Этот урок я запомнил на всю жизнь. С тех пор я ни разу не потерял и не оставил где-то по забывчивости ни одного секретного документа.

Удержите инженера...

Один мой очень хороший знакомый, которому я вполне доверяю, рассказал следующую историю. История эта неправдоподобно смешная, но... Дело в том, что одного из фигурантов истории – Главного инженера НИИ – я знал примерно в то время, о котором пойдет рассказ, но ничего подобного тогда от него не слышал.

Но, как говорится, за что купил, за то и продаю. Но если и придумано, то неплохо!

Главный инженер одного из московских оборонных НИИ послал в командировку в Горьковский филиал своего предприятия сотрудника по фамилии Захер. Шли ответственные испытания, неудача следовала за неудачей. Командировка посланного в Горький инженера затягивалась и затягивалась. А он был ключевой фигурой, без его личного участия попытки исправить ситуацию были обречены на провал...

Совершенно озверев от нескончаемой командировки, тот инженер непрестанно звонил начальству с требованием отозвать его в Москву. Потом он резко заявил, что уезжает без всякого разрешения сверху – у него дома ЧП.

Главный инженер послал в филиал телеграмму следующего содержания:

«УДЕРЖИТЕ ИНЖЕНЕРА ЗАХЕР ЕЩЕ ХОТЯ БЫ НА НЕДЕЛЮ ТЧК» (Подпись: Главный инженер п/я такого-то)

В ответ он получил:

«УДЕРЖИМ ТЧК СООБЩИТЕ ФАМИЛИЮ ТЧК»

(Подпись: Начальник филиала п/я такого-то).

Вот, когда я поверил Ленину

В Америке мне посчастливилось поработать на фантастической фирме – «Квалкомм» (Qualcomm). Как я на нее попал, я уже писал.

Занимался я расчетами надежности наземных станций спутниковой телекоммуникационной системы «Глобальная Звезда» (Globalstar). (Да и чем еще я могу заниматься при моих знаниях радиотехники?). Встречен я был Главным конструктором системы не весьма приветливо: мы, мол, уже все давно начали делать, изменять все равно ничего не будем, а надежность мы уже обеспечили. Ну, мол, побалуйся, посчитай цифирьки.

Но я, наученный работой в советских почтовых ящиках, был нацелен на «практический выход». Анализируя надежность, я заметил, что инженеры используют одну резервную плату на каждые 5 рабочих. А таких однотипных рабочих съемных плат в приемной части аппаратуры было много десятков. (Не буду вдаваться в детали, поскольку они и не важны.) В

результате фактическая надежность этой части аппаратуры была чрезмерно завышена. Я быстренько посчитал, что будет в случае, если использовать одну резервную плату на каждые 10 рабочих плат, на каждых 20 рабочих плат и т.д. Оказалось, что можно безболезненно для надежности системы использовать одну резервную плату на целую стойку аппаратуры, т.е. сэкономить на каждой наземной станции десятка полтора резервных плат. При общем числе наземных станций в систем это давало результирующий условный экономический эффект в несколько миллионов долларов. (Платы были страшно дорогими!)

С полученным результатом я пошел к Джиму Томпсону – Главному конструктору системы. Пришел я к нему рано утром, пока никакие совещания еще не начались и никто не успел придти к нему с текущими вопросами. По своей старой привычке, я все свои соображения изложил письменно. (В данном случае это имело еще и дополнительный смысл: при моем разговорном английском¹⁶ он мог бы не все и понять.)

Это был наш первый серьезный разговор. Джим внимательно прочитал мое объяснение, потом поназадал мне вопросов, пока не убедился, что я прав. Заняло все не более получаса. Потом он сказал мне, чтобы я все то же самое объяснил его заму – Главному инженеру проекта. Тот оказался немного туподумом, на него я затратил оставшееся время до ланча...

После ланча, я открыл, как всегда это делал после любого перерыва, e-мэйл и увидел циркулярное письмо, посланное от Джима всем участникам проекта: «С 12:00 сегодняшнего дня всем внести изменение в документацию: конфигурация системы изменена в соответствии с рекомендациями, которые сделал Игорь». Далее шло краткое объяснение технической стороны.

Я был потрясен оперативностью принятия решения. Вот когда я поверил в американскую деловитость, о которой

¹⁶ Один мой остроумный америанский сотрудник назвал мой английский «English» вместо «English», объясняя, что этот квази-английский диалект называется так из-за сокращения двух слов «Igor's English».

так долго додонили большевики! Прав-таки был «наш дорогой Ильич»!

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Неудачная попытка

Мой коллега и друг, Эрнест Дзиркал, предложил как-то собрать сборник статей, посвященных анализу эффективности функционирования сложных систем. Эта тема шла лейтмотивом всей моей деятельности на плодородной тогда ниве теории надежности. Должен заметить, что Эрнест был, в некотором отношении, «большим католиком, чем сам Папа Римский»: он меня постоянно упрекал, что я мало занимаюсь пропагандой и популяризацией этой своей идеи. Сам он не только писал об этом методе, но и успешно применял его при практических расчетах (чего я сделать не мог ввиду отсутствия в моем поле зрения подходящих систем).

Я, будучи членом редакционного совета «Библиотеки инженера по надежности», довольно легко убедил коллег по совету в том, что подобный сборник статей будет интересен и полезен. Чтобы книга действительно нашла еще и читателя (а значит – для издательства – и покупателя), у меня закружилась совершенно безумная мысль: пригласить в этот сборник Андрея Николаевича Колмогорова...

Дело в том, что еще в 1943 году в своей статье «Об эффективности стрельбы» Андрей Николаевич дал оценку эффективности поражения самолета при случайных попаданиях зенитных снарядов. Оценка эффективности функционирования сложных систем формально почти ничем не отличается от задачи, которую решал Колмогоров: разница лишь в том, что рассматривается не задача разрушения объекта, а задача обеспечения его живучести.

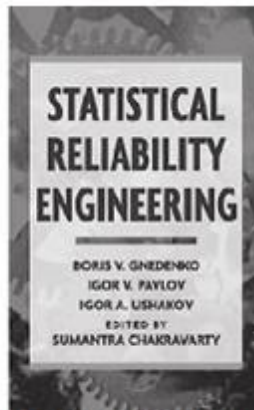
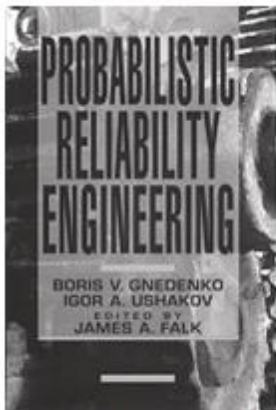
Когда при одной из достаточно редких встреч с Колмогоровым у Гнеденко, я рассказал ему об идее сборника, он ее одобрил. Но когда я попросил разрешения опубликовать там его старую статью в качестве открывающей сборник, он прямо взорвался: этой статье чуть ли не 50 лет, идея там тривиальна, статья перегружена деталями, которые могут быть абсолютно неинтересны для инженеров по надежности, и т.д.

У меня уже была заготовлена фотокопия его статьи с отмеченной частью, которая могла бы быть включена практически без изменений. Он посмотрел, немного остыл и сказал мне, чтобы я подготовил ему машинописную копию той части его статьи, которую я пометил, а также дал на просмотр мне весь остальной материал сборника. Возможно, сказал он, будет более уместно, если он сделает просто небольшую вводную заметочку со ссылкой на старую статью.

Все шло замечательно, но в нашем сборнике еще буквально «конь не валялся». Началась некоторая суета, связанная с подготовкой статей, дело затянулось. Вскоре Андрею Николаевичу сделали операцию на глазах по поводу катаракты, он практически потерял зрение. Я понял, что от идеи получить колмогоровскую статью нужно отказаться, а без нее и сборник как-то терял смысл...

Счастье совместного творчества

Мне посчастливилось опубликовать в соавторстве с Борисом Владимировичем Гнеденко две книги «Вероятностные модели надежности» и «Статистические модели надежности» (в последней участвовал и один из талантливейших моих аспирантов – Игорь Павлов). Задуманы эти книги были давно, когда я еще жил и работал в Москве. Мы много обсуждали с Борисом Владимировичем содержание и структуру наших будущих двух книг, либо гуляя по парку вокруг МГУ, либо сидя в его рабочем кабинете, под тихую музыку.

Две последние книги Б.В. Гнеденко

Но начать писать обе эти книги нам удалось, только когда я уже начал работать в Соединенных Штатах. Мы много переписывались, Борис Владимирович дважды приезжал в Америку,

где мы обсуждали материалы. Свои материалы он присылал мне, а я ему отсылал уже подготовленную рукопись для окончательной корректировки.

Опыт работы с Борисом Владимировичем (как авторской, так и редакторской) у меня был и немалый. Именно его идея была подготовить «Справочник по расчету надежности», где он согласился выступить рецензентом. Помню, что он сделал совсем немного замечаний (он не углублялся в мелкие детали), но одно из них сделало справочник на самом деле справочником: он показал, как нужно бы изменить структуру книги и что следовало бы в нее добавить.

Мы с ним трижды писали обзоры по состоянию теории надежности,

один из них совместно с Юрием Константиновичем Беяевым.

Я был также соавтором одной коллективной книги, научным редактором которой был Борис Владимирович. Но писать книгу с ним «один на один» оказалось совсем другим делом: и проще, и сложнее...

Он и не «давил», и в то же время все получалось в результате так, как он советовал...

К глубокому сожалению, вторая книга вышла в свет только через несколько лет после кончины Бориса Владимировича.

Во время своего первого визита в США в 1991 году Борис Владимирович интересовался возможностью перевода и издания в США 6-го издания его знаменитого «Курса теории вероятностей», по которому в нашей стране училось не одно поколение студентов. Мне удалось найти авторитетное издательство и организовать контракт с Борисом Владимировичем.

**Борис Владимирович в гостях в
Университете Дж. Вашингтона**

У меня было много вопросов в процессе перевода книги, которые он всегда разрешал. Он к тому же сделал некоторые поправки в своем эссе, посвященном истории теории вероятностей. Перевод я закончил довольно быстро, но издание книги осуществилось только в 1997 году...

Борис Владимирович работал буквально до последнего дня своей жизни. Он в последние годы много писал про методику преподавания математики, готовил книгу своих воспоминаний. Вся его жизнь была незаметным подвигом ежедневного служения науке.

Человек-гора

Обладая минимальным аналитическим умом и чувством юмора, нетрудно догадаться, что речь идет о Берге, а еще более конкретно – об Акселе Ивановиче Берге. Многие знают, что Берг – академик, адмирал, Герой Соцтруда, отец советской кибернетики, но вот что он прожил не только очень интересную, но и очень сложную и тяжелую жизнь, – об этом знают, возможно, не все.

С Акселем Ивановичем я познакомился, когда работал в отделе надежности у Сорина. Берг довольно часто заезжал к Сорину на работу и, в некотором смысле, был нашим покровителем. На самом деле, это именно Берг подтолкнул Сорина заняться, как тогда говорили с легкой руки самого Берга, «проблемой номер один».

**Аксель Иванович
Берг**

Сам Аксель Иванович чуть менее трех лет пробыл в заключении по нелепому обвинению во вредительстве. Выпущен на свободу он был «из-за отсутствия состава преступления». Говорят, что он любил в кругу близких представляться: «Контр-адмирал Берг, бывший контрреволюционер». Сразу же после войны он занялся вопросами радиолокации и увлекся «продаж-

ной девкой капитализма» (примерно так, если не ошибаюсь, величали тогда нарождавшуюся науку – кибернетику).

На почве развития радиолокации они и познакомились с Яковом Михайловичем Соринным.

Когда Сорина, создавшего первый в СССР НИИ, разрабатывавший радиолокаторы, посадили по той же статье о вредительстве, он оказался в одном лагере с Бергом. Сорина выпустили из лагерей (это было уже после смерти Сталина) первым, и он ходил по различным инстанциям, добиваясь освобождения Берга. Словом, судьба связала этих двух интересных людей. Вскоре именно с легкой руки Акселя Ивановича Сорин возглавил работы по надежности в оборонных министерствах, создав первый отдел надежности.

Помню, как после выхода «Одного дня Ивана Денисовича» Сорин возмутился: «Это же сущий соцреализм! Какие посылки с воли? Какая копченая колбаса? Солженицын что, в санатории сидел? У нас однажды Аксель Иванович при разгрузке вагонов с тухлятиной упросил конвойных разрешить нам взять бочку с протухшей сельдью. Он сам изготовил коптильню, и мы почти две недели ели деликатесную копченую селедку с легким душком! А копченая колбаса?..»

Ну, да они сидели в разных условиях – Берг и Сорин в «нормальном» лагере, а Солженицын работал в «шарашке».

Вернемся к Бергу. Аксель Иванович был невысокого роста мужчина, седой, с огромной лысиной в полголовы и с маленькими острыми глазами, сидевшими глубоко в глазницах. Говорил он четко, громко и размеренно, будто давал указание шеренге солдат.

Он уже тогда был в «солидном» возрасте, но энергия из него, как говорится, просто била фонтаном.

На его 70-летие Сорин устроил для своего любимого ментора небольшой банкетик в Кабинете надежности при Политехническом музее Москвы. Собрался узкий круг сотрудников отдела Сорина, которых Аксель Иванович всех знал по именам, и несколько гостей «со стороны». Из остальных помню только известного летчика-испытателя Марка Галлая.

Под конец жизни Аксель Иванович был Председателем Совета по кибернетике, который размещался в ВЦ АН СССР. Помню однажды во время «тараканьих бегов» в Академии Наук, в коиx я раза четыре безуспешно участвовал, я пришел к нему на прием с просьбой написать мне поддержку. Мы не виделись с ним к тому времени уже порядка 10 лет. Я вошел и начал:

- Аксель Иванович, вы меня, конечно забыли...

- Почему же забыл, молодой человек, – оборвал тот, – вы работали у Сорина... Вот только волос у вас было тогда существенно больше!

Насчет поддержки он сказал, что согласен, только мне нужно подготовить для него черновичок, он его отредактирует, а секретарша отпечатает. Так у меня в «академическом деле» оказался отзыв академика Берга...

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Ушаков против Ушакова

Получил я приглашение на семинар от Юрия Николаевича Руденко, директора Сибирского энергетического института. Мало того, что сам семинар на интересную тему, так он еще и проходит на Байкале! Позвонив в Иркутск, я спросил про погоду, про форму одежды. Первая – отличная, вторая – произвольная... Так и решил: лечу с рюкзаком, в ковбойке и джинсах, на всякий случай – свитерок (ведь хоть и лето, но все же Сибирь, что ни говори!).

Прилетел. Схожу с самолета. Подходит ко мне милиционер.

- Ваши документики!

Ну, не спеша снял рюкзак, порылся в нем, достал паспорт.

- По какому делу пожаловали в Иркутск?

- Да вот еду на семинар... – А сам чувствую, что переборщил слегка с одежкой... Можно было бы и шиджачок нацепить – вон приличную же публику не шмонают!

- А к кому ехать изволите?

- К товарищу своему... Он директор Института Энергетики... – Смотрю, вот-вот с родных милицеевских уст сорвется знакомое: «Гамбовский волк тебе товарищ!»

И тут вдруг из вечной аэропортовской толчеи неожиданно возникает Юрий Николаевич собственной персоной! Он подходит ко мне, окруженному милиционерами, выясняет, что случилось, показывает свое академическое удостоверение и берет меня «на поруки». Я спрашиваю (но очень-очень миролюбиво – ведь власти не любят качающих права):

- А в чем, собственно, дело-то?

- Да вот убёг тут уголовничек один, рецидивист. По описанию шибок на вас смахивает...

Повеселились мы потом с Руденко!

Поужинали у него дома, чем Бог послал. (А посылаал он тогда в Сибири не густо: что-то не любил старик этого прекрасного края... А вот тем, что шло помимо Бога, через обком партии, тем Руденко принципиально не пользовался, чем вызывал прямо-таки гнев власть предержащих, но одновременно и уважение сослуживцев.)

Поехали в Листвянку, порт у истока Ангары из Байкала, а оттуда на институтском «Титанике» на остров Ольхон. Там уже был разбит палаточный лагерь, и «конференц-зал» – тент, под которым должны были размещаться, прячась от жаркого летнего сибирского солнца, участники семинара.

На следующее утро, на первом же заседании, произошел смешной эпизод. Конечно, главной фигурой этого эпизода был Юрий Николаевич. Выступал один «начинающий быть известным» специалистом в области надежности человек, назовем его Крупнов¹⁷ Валентин Иванович. Так вот, сообщает он нам о расчете резервированных трубопроводных систем. Понесло его немного «не в ту степь». Закончил. Стоит чуть ли не в смокинге, подвязан «галстухом». Млеет от жары, но горд. Вопросы. Ответы. Я замечаю ему:

- А вот та формула у вас неверна...

¹⁷ Фамилия вымышленная, имя и отчество сохранены.

Речушка - приток Ангары
(рисунок автора)

- Как не верна? Эта формула взята из Справочника по надежности самого Ушакова!

- Ну, и у Ушакова бывают ошибки... Эта-то формула, правда, верна, но применена она не по делу...

- Да что вы! Я уже три года занимаюсь надежностью! Уж извольте таких замечаний мне не делать!

В этот самый момент Руденко, пряча, как всегда, улыбку в усах (которых у него отродясь не бывало), говорит:

- Успокойтесь, Валентин Иванович... Вы можете обсудить этот вопрос в рабочем порядке с профессором Ушаковым... И указывает при этом на меня.

Зал (если так можно назвать пространство под навесом), грохнул от смеха. Но Крушнов был молодец – заржал и сам.

Вот так Юрий Николаевич свел на нет ситуацию, которая могла дойти до «интеллектуального мордобоя»... Вообще нужно сказать, что уметь быть серьезным председателем и внезапно находить эффектные и в то же время эффективные юмористические ходы было отличительным его свойством. При этом он все делал так, что человеческое достоинство ни одной из сторон никогда не было затронуто.

Сын Бруно

У вас, конечно, возник образ Джордано Бруно. Нет, речь пойдет о другом человеке. Тем более, что исторически я бы не смог повидаться с сыном Бруно, поскольку нас разделяет по меньшей мере лет 350. Да и сына у того Бруно не было.

Ездили мы как-то с друзьями в мае месяце кататься на горных лыжах в Кировск, на Хибины. Трудно сказать, что заставляет нормальных вроде бы людей летом ездить чёрти-куда на север кататься на лыжах, а зимой – ездить в Сочи или Гагры, чтобы окунуться в не очень-то гостеприимное море. Впрочем, списываю все это на русский характер: у нас ведь принято гланды вырезать через – пардон! – жопу.

Жили мы в какой-то пропахшей гнилым мясом (буквально, мертвечиной!) гостинице. Днем и ночью по стенам и столам деловито сновали огромнейшие породистые тараканы. И откуда такие? Жрать-то практически было нечего.

Жили мы по-студенчески, то ли по четверо, то ли по шестеро в одном номере. (Гостиница и снаружи и изнутри была похожа на солдатскую казарму.) Днем мы катались до изнеможения на лыжах, а по вечерам пили бесконечный чай, буквально зажав ноздри из-за мерзкого гостиничного амбре. Гулять по вечерам было противно: городок невзрачный, урюмый, грязный. Погода – особенно вечером – премерзкая.

Я и поехал-то просто за компанию со старыми друзьями. За два месяца до того у меня была блокада мениска и я все еще носил гипсовый лубок. Лубок держал ногу в полусогнутом состоянии, так что спускаться с горы было даже удобно. Подниматься на бугельном подъемнике «на полусогнутых» также удобно. Плохо было только ехать от гостиницы до горы: коньковым шагом не пойдешь, приходилось ехать «на руках», отталкиваясь палками. Зато вечером, когда разуешься и отмотаешь лубок – какой кайф!

Так вот, по вечерам сидели мы, попивали чай да вели неспешные беседы о бренности бытия вообще и нашего, в частности. Во время одного из разговоров, я процитировал кусочек из «Человек меняет кожу» Бруно Ясенского: «Не бойся врага – враг может только убить, не бойся друга – друг может толь-

ко предать, бойся безразличного, который своим молчанием делает возможным свершение и того и другого».

Как только я процитировал Ясенского, невзрачный, немного одутловатый человек моего возраста (как выяснилось при дальнейшем разговоре, он был 36-го года), поправил меня и процитировал правильно: «Не бойся врага, самое большее он тебя убьет. Не бойся друга, самое большее он тебя предаст. Бойся равнодушных, они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия совершаются все убийства и предательства в мире». Я его спросил:

- Вы тоже любите Бруно Ясенского?

- Да. Я его сын.

К сожалению, я позабыл его имя – старческий склероз у меня с детства. Кажется, Андрей, но не уверен.

Мы разговорились, и он мне много про себя рассказал. Отца его расстреляли в 38-м. Мать его, боясь за судьбу малыша, отвезла его к родственникам, кажется в Белоруссию, где он был усыновлен, чуть ли не собственной бабушкой, ему сменили фамилию. Вскоре пропала и жена Бруно, оказавшись в числе «врагов народа» по семейной линии: если муж враг народа, то его жена не может не быть врагом...

Только после реабилитации, где-то в хрущевские времена, мой новый знакомый вернул себе свою фамилию и свое отчество. Потом вступил в партию и был верным ленинцем, ненавидевшим Сталина. Как я потом узнал от наших общих знакомых, он довольно рано умер, кажется, от инфаркта.

Я встречался с потомками сталинских жертв и до этого. У нас на курсе учился Юра – хороший парень, с которым мы дружили. Он пришел к нам только на втором курсе, когда после смерти Сталина детям репрессированных было разрешено учиться в «закрытых» институтах. Отца Юры, кажется, главного инженера ЗИСа¹⁸, послали почти на год на стажировку на завод Форда в США. Когда он вернулся, полный сил и желания отдать Родине все, что он получил в Америке, то вдруг оказался врагом народа и американским шпионом...

¹⁸ Завод им. Сталина, переименованный в Завод имени Лихачева.

Потом, когда я работал у Я.М. Сорина, в моей группе работала дочь Иосифа Косиора¹⁹, того, который даже во время расстрела кричал: «Да здравствует товарищ Сталин!» Не помню, кто писал в своих воспоминаниях, что когда об этом донесли Сталину, он грязно выругался в адрес Косиора.

Вот так постепенно каждый из нас, даже тот, кого напрямую не коснулись ужасы ягодщины-ежовщины-бериевщины, узнавал об ужасах тех времен...

Виноват ли во всем этом Сталин? Виноват, конечно! Но нельзя забывать, что сам Сталин был всего лишь неизбежным порождением той системы.

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Христаускас, однофамилец Христаускаса

Уж очень фамилия звучная – ее обладатель прямо-таки просится на крест... К несчастью, с этой фамилией так и было. Но об этом чуть позже.

Однажды на семинаре Руденко ко мне подошел робкий и стеснительный паренек и попросился ко мне в аспиранты. Он нашел аспирантуру в Каунасе в Политехе, который заканчивал, и ему был нужен руководитель. Я никогда никому не отказывал, но всегда говорил, что выступаю не более чем в роли садовника: зернышко, которое я посадил, должно расти самостоятельно, а мои функции – поливать да ненужные веточки состригать.

Очередной семинар проходил в Паланге. Я опять встретился с Чесловом Христаускасом – тем самым претендентом в аспиранты. Спрашиваю, как дела, почему от него ни слуха, ни духа, а он мне отвечает, что ему ... не дают характеристику в НИИ, где он работал! Я спросил почему, и он рассказал мне такую историю.

¹⁹ Иосиф Косиор, как пишет Большой энциклопедический словарь, чл. КПСС с 1908 (еще до существования КПСС! – *И.У.*), с 1928 генсек ЦК КП(б) Украины, чл. Политбюро ЦК с 1930. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно.

Когда Красная Армия освободила Литву, началась, как известно, охота за ведьмами. В Каунасе в списке коллаборационистов числился некто Христаускас. В городе и его ближайших окрестностях выловили трех мужчин по фамилии Христаускас и, не разбираясь, всех сослали в Сибирь на поселение. Одним из «лже-коллаборационистов» оказался будущий отец Чеслова, тогда 17-летний паренек. В долгом и нелегком пути в Сибирь паренек сильно заболел, привезли его на место в беспамятстве. Одна молодая 30-летняя женщина жалась, взяла его, отходила, потом отогрела, а потом... Сами понимаете, у женщин чувство жалости, а у мужчин чувство благодарности часто перерастают в чувство любви... Родился мальчик, назвали Чеслов...

Потом наступила реабилитация невиновных... (Ох, добра советская власть!) Отца Чеслова не просто реабилитировали, даже официально признали факт незаконного ареста и ссылки невиновного человека. К моменту освобождения тот уже был знатный передовик производства, почти полный кавалер ордена Трудовой Славы (одного не хватало). Приезжают Христаускасы с гордостью в родной Каунас. Отец никак не может найти работы – бывший репрессированный, дыма без огня не бывает, а то, что амнистировали, так это... Одним словом, отец не выдержал, махнул рукой на свою первозданную «историческую» родину и без долгих сборов маханул на свою «приемную» родину – в Сибирь, которая пригрела его своими холодами и накормила своими голодами.

Мать с сыном остались в Каунасе, постепенно прижились. Родители развелись. У обоих образовались новые семьи. Мальчик дорос до аспирантуры...

- Так почему же все-таки вам не дали характеристику?

- Ну, я же сын репрессированного...

- Но ведь вашего отца даже не просто реабилитировали, но признали ошибочным сам факт ареста и ссылки!

-

И действительно, что он мог мне ответить?

Тут уж мне попала, как говорится, вожжа под хвост. Приехали мы после семинара из Паланги в Каунас, и я попросил Чеслова проводить меня к директору НИИ, в котором он

работал. Пришел прямо к директору, поздоровался, представился по всей форме. Директор был русский. Я возмущенно рассказал ему историю Чеслова, он ответил, что не в курсе дела и позвал секретаря парткома. Пришел чистопородный литовец. Я, конечно, спустил на него всех собак от немецких овчарок до сибирских лаек. Я еще раз рассказал историю Чеслова и его семьи и спросил, неужели у него, как у того, кто представляет ум, честь и что-то там еще, да к тому же еще и литовца, не шевельнулось чувства сострадания к человеку, который ни в чем не виноват, никакой он не сын репрессированного, да если бы и так – сын за отца не отвечает. И, как в таких случаях и подобает, спросил под конец, не нужно ли мне обратиться в вышестоящий партийный орган в поисках правды?

Директор уверил меня, что инцидент исчерпан, и что положительная характеристика будет Чеслову выдана. Так оно и было. Чеслов звезд с неба не хватал, но сделал вполне приличную диссертацию и успешно защитился.

Вот такая уж фамилия – Христаускас: один-то, может, и заслуживал какой-то кары (при условии, что не был оговорен кем-нибудь) Второй пострадал только из-за совпавшей фамилии, ну а третий и вовсе был всего только сыном второго, за что и пострадал совершенно несправедливо.

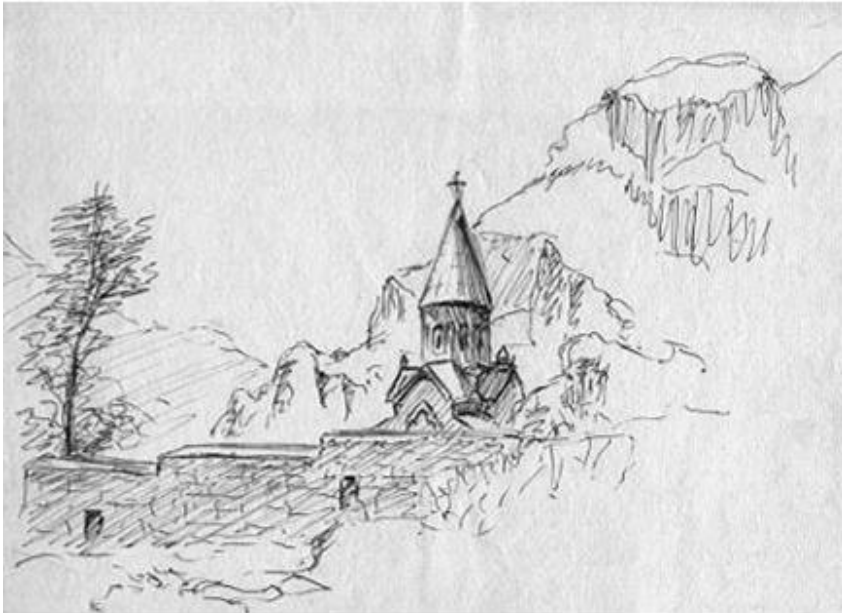
Оказывается, быть порядочным – это заслуга

У меня бы аспирант в Армении, которого звали Араик. Очень толковый парень, сделавший отличную диссертацию. Познакомились мы с ним на конференции по теории массового обслуживания, проходившей в Цахкадзоре на территории Олимпийской базы.

Перед началом конференции, когда никто ни с кем еще и знаком не был, сговорились пойти в крытый зал поиграть в футбол. Я как очкарик, играю обычно не в самых ответственных местах: головой бить не могу, когда толкают тоже плохо – очки трясутся на носу. В команде, за которую я выступал, играл и очень подвижный с хорошей техникой молодой армянский юноша. Но он не только хорошо играл сам, он еще успевал и других поругивать. Особенно доставалось мне, хотя я и старался всюю. Это и был Араик. Играючи в одной команде, мы, конечно, стали на «ты».

Это ж только, наверное, в московском «Динамо» в команде к Яшину обращались на «вы» и звали по имени отчеству. Но сознайтесь, на футбольном поле звучит как-то глуповато: «Лев Иванович! Лев Иванович! Пасните, пожалуйста мяч мне!» Но там был диапазон от 18 до сорока лет, можно их и понять.

На следующее утро оказалось, что Араик выступает на секции профессора Ушакова. Мы встретились и перед началом поболтали немного о вчерашнем матче. Он похлопал меня по плечу, утешая, что не так уж плохо я играл.

Монастырь Гегард в горах
(рисунок автора)

Когда я начал вести секцию, у Араика вытянулось лицо, в перерыве он подошел извиняться, но я сказал, что все нормально. Кончилось тем, что после конференции он попросил меня быть его научным руководителем.

Как я уже упоминал, работа у него получилась отличная. Редкий случай: сразу после его защиты на Ученом совете мне пришлось улететь в Москву вечерним самолетом из-за каких-то важных приемо-сдаточных испытаний. Было не до банкета!

Араик прямо-таки достал меня телефонными звонками, умоляя прилететь в любую субботу и как можно скорее: из-за меня он все время переносит послезащитный банкет. Пришлось мне найти повод и организовать поездку на пятницу к нашим соисполнителям – в Ереванский НИИ математических машин, а потом задержаться там на выходные...

На банкете было много гостей, которые, видимо, совсем изголодались, ожидая меня больше двух недель. Я даже выговорил Араику, что можно было бы обойтись и без меня.

И тут он сказал: «Игорь! В Армении только за одно согласие быть научным руководителем берут до 5 тысяч. А ты ничего не взял да еще помогал и с работой и с публикациями. Мои родители сказали, что без тебя банкет невозможен...»

Я подумал: Да, действительно, огромная заслуга – быть всего-навсего порядочным человеком! Как говорится, дожили...

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Умей и жить, и умереть достойно...

Я стал «выездным»! Меня уже второй раз отпускают в заграникомандировку и не куда-нибудь, а в самое логово империализма – Со-е-ди-нен-ные Шта-ты А-ме-ри-ки-и-и!

Выезжать надо было в конце мая, а в начале мая, где-то в окрестности «Дня Радио» проходила конференция НТО имени Попова, того самого, который придумал радио, уже изобретенное к тому времени Маркони. Ну, да Бог с ними и с их радиоволнами!

Когда я пришел на регистрацию, то увидел, что в списках участников много американцев, а один из них даже оказался из Бостона, куда я должен был лететь через пару недель. У меня проснулось, что-то авантюрное: мне захотелось поглазеть на живых американцев, хотя и давал подписку не входить с ними в контакт. Словом, когда «мой» американец из Бостона кончил свой доклад, вокруг него собралась кучка «вопросантов», которых что-то интересовало в докладе. Когда все любопытные отчалили, я представился Герберту Шерману – так звали американца – и сообщил ему, что мне все было очень интересно, и что «кстати» я собираюсь в Бостон.

Герберт достал свою визитку, дал ее мне, потом попросил вернуть на секундочку и записал на ней свой домашний телефон: «Обязательно позвоните!» и он дружески, чисто по-американски, как я потом узнал, запанибратски похлопал меня по плечу.

Я до сих пор не понимаю, зачем я это сделал, и как это КГБ меня не засекало. А впрочем, может, я был уже на крючке? Может, меня проверяли, чтобы потом «ловить на живца»? Вряд ли, я сделал то, что делать было нельзя: самое простое было меня «пресечь». Однако так или иначе, но все обошлось и через две недели я уже летел в самолете Москва – Нью-Йорк – Бостон ...

Делегация наша была всего три человека, которые вели себя как сиамские близнецы – куда один, туда и другой. Поэтому, когда Герберт отыскал меня после моего звонка, то он, видя «сплоченность советского народа» вокруг руководителя делегации, позвал нас в гости всех троих.

Потом они с женой были в Москве туристами, где я их «пас» на вполне легальных основаниях, получив добро от КГБ. Они были у меня в гостях, я ходил с ними в Большой... Потом в Москве побывал и его брат Джон с женой. Я подружился и с ним. У меня и с тем и с другим была весьма оживленная по тем временам переписка – три-четыре письма в год.

Потом я побывал в Бостоне еще раз, где мы встретились уже даже не как друзья, а почти как близкие родственники.

Потом переписка загасла до уровня рождественских открыток...

Когда мы с Таней прилетели в Вашингтон, первым делом я начал обзванивать мои американских друзей, «заработанных» на многих зарубежных конференциях. Был среди них, конечно, и Герберт Шерман. Но телефон, видимо, переменили, так как никакого соединения не было. Тогда я позвонил Джону Шерману и тот сказал, что Герберт умер, а его жена живет в доме престарелых...

Чтобы у вас не создалось впечатления, что эгоистичные дети запрятали свою мать в какой-то дурдом, мне хочется дать небольшое разъяснение.

В Америке часто самые что ни на есть любящие дети отдают своих родителей в «старческие дома». У каждого обитателя такого дома есть своя отдельная двухкомнатная, по нашим понятиям, квартирка: гостиная, спальня и малюсенькая кухонька типа той, что у нас в «хрущобах». В каждой комнате (а также в совмещенной ванной-туалете) понатыкано кнопочек, нажав на которую можно моментально вызвать медсестру, которая примчится со всеми нужными лекарствами наготове. В доме есть клуб – большой зал, в котором расставлены столики для игры в лото и бридж, где и общаются старички между собой. Тут же разгораются порой бешеные страсти, сцены ревности и все то, что полагается между нормальными людьми. Ну, а те, кто страдает каким-нибудь Альцгеймером, те сидят и живут потихоньку в своих конурках.

Кстати, многие наши советские «беженцы» живут вот в таких домах, называя их любовно «детскими садиками».

Вот в таком «детском садике», правда, все же с Альцгеймером, и оказалась жена Герберта.

Продолжая телефонный разговор, Джон сказал:

- А почему бы вам с женой не навестить нас? Живем мы в славном городишке Пукипси, на берегу реки Гудзон. Мы встретим вас не хуже, чем вы встретили нас в свое время в вашей прекрасной Москве.

Недолго думая, мы с женой сели впервые на американский поезд и поехали на Север, в штат Нью-Йорк... (Сознаться, это была первая и, видимо, последняя наша поездка по США в поезде.)

Утром на железнодорожном вокзале в Олбани, столице штата Нью-Йорк, нас встретили Джон и его жена Джоан, мы сели к ним в машину и помчались в Пукипси. Не помню, сколько уж мы ехали, вспоминая в пути поездку Джона с женой в Москву, но совершенно не касаясь Герберта Шермана и его жены. Похоже было, что этот разговор должен быть особым, в другой, более психологически комфортной обстановке.

Приехали мы в дом, более всего снаружи напоминавший затемненный аквариум. Когда мы в него вошли, то оказалось, что стены у него прозрачные на улицу и мы сидим «будто голенькие» (помните, песню Галича?). А посреди огромнейше-

го холла растут три обыкновенные русские березки! Я тут же попытался подойти к ним и дотронуться до них, но Джон с улыбкой сказал, что они за стеклом... Ну не дом, а какой-то колдовской кристалл! Ну, а как же...

Тут Джон, словно прочитав мои мысли, сказал: все в этом доме разделено прозрачным стеклом – холл, гостиная, кухня, кабинет. Только спальни и ванны имеют непрозрачные стены.

После долгого обеда, мы перешли на самую обычную террасу, уселись в удобные кресла, и Джон начал свой рассказ, который иногда дополняла Джоан.

История была такова. У Герберта обнаружили запущенный рак. Американская медицина сделала все возможное – и операция, и терапия, и домашний уход под профессиональным уходом... Герберт лежал под капельницей. Ему гарантировали два, а то и три года такой жизни.

Он сам был известный специалист в области космической медицины. Изобрел немало удивительных устройств. Его коллеги постарались во всю, чтобы вытащить его «оттуда».

Прервав свой рассказ на этом месте, Джон сходил к себе в кабинет и принес конверт, из которого достал письмо. «Прочитайте сами, мне трудно читать это письмо еще раз...»

Письмо было примерно такого содержания.

«Дорогой мой братец!

Ты хорошо знаешь все обстоятельства. Мое существование наши славные медики умудрились продлить года на три. Я пишу «существование», а не жизнь, и ты знаешь, почему. У меня есть определенное понимание «стандарта жизни». Нынешнее «существование» человека, прикованного к кровати, – не для меня.

Кроме того, каждый «прожитый» мною день съедает столько денег, что даже я, человек далеко не бедный, долго не продержусь.

Я не хочу оставить Эстер разоренной до последнего цента. К тому же и эти три года моих предсмертных мучений смогут и ее свести в могилу...

Мне такая жизнь не нужна... Завтра ты узнаешь, что меня не стало. Ночью, когда сиделка уйдет в свою комнатку, я лягу на пол, оборву, к чертовой матери, все эти кислородные трубки, провода к поддерживающей системе и трубочки от капельницы... Это будет похоже на то, что я просто упал с кровати.

Ты понимаешь, почему я это делаю: в случае моего самоубийства Эстер не получит ничего по моей страховке. А так я умру «от несчастного случая».

Попытайтесь успокоить Эстер. Может, ей даже стоит пожить у вас пару недель после моих похорон.

Прощай, брат!

Спасибо тебе за все

Герберт»

Мы долго молчали после того, как я прочитал это прощальное письмо. Джон подошел, молча взял его из моих рук и положил обратно в конверт.

Потом он сказал:

- Ну а теперь, по-моему, лучше всего пройтись в этот закатный час: у нас тут прелестные места!

Так мы и сделали.

Пукипси городок небольшой, но очень аккуратненький и уютный, как, впрочем, и большинство других американских городов. Джон показал нам с Таней два презабавных заведения, организованных когда-то местным хохмачом-миллионером, который был, видимо, к тому же еще и гурманом. Одно называлось FBI (Food & Beverage Institute), что в переводе звучит как ФБР, а расшифровывается, как Институт Еды и Напитков, а второе – CIA (Culinary Institute of America), что означает ЦРУ, а переводится, как Кулинарный Институт Америки. Не в нем ли учился один из эстрадных героев Геннадия Хазанова?

Конечно, мне на ум приходят названия научно-исследовательских институтов так называемого «Калужского сануэла» (по имени станции метро, около которой они располагались стенка в стенку): НИИ АА и НИИ ССУ... Конечно, оба эти названия меркнут по сравнению с НИИ Химических Удобрений и Ядохимикатов. На написание аббревиатуры я не осмеливаюсь... А чего стоит НИИ БИ Пирузяна в Купавне? (Лев Арамович Пирузян был директором НИИ Биологических Исследований, а размещался институт в подмосковный городке Купавна.)

Так что братцы Стругацкие со своим НИИ ЧАВО (НИИ **Ч**Ародейства и **В**Олшебства), ох как поотстали от реальной жизни!

Я ударил американского ребенка...

Во время своей первой поездки в Соединенные Штаты я познакомился с интересным человеком, которого звали Чак Мэк. Звучит как-то по-корейски, не правда ли? Но был он чис-

топородный американец – Чарльз Мэк, а Чак – это было его уменьшительное имя.

Он был физиком, работал в Массачусетском Технологическом Институте, но его хобби, поглощавшее все его свободное время, была история вообще и история России, в частности. Среди своих друзей он слыл даже экспертом по Советскому Союзу, а иногда его привлекали для подготовки отдельных аналитических обзоров даже на правительственном уровне.

Можно сказать, что он симпатизировал Советскому Союзу. Во всяком случае, будучи патриотом Америки, он считал, что и США и Советский Союз – и то, и другое – одинаковое говно в политическом отношении.

Мы с Чаком сдружились, оказавшись интересными друг другу. Он потом приезжал с женой в Москву, где я их «пас» (да-да, опять же со всемилюбовейшего разрешения КГБ), водил по музеям и театрам. Помню, как во время нашего посещения Третьяковки он долго и внимательно осматривал экспозицию художников-передвижников, а потом с грустью произнес: «Gloomy Russia...», что означает что-то среднее между «мрачная» и «унылая» Россия. С ним трудно было не согласиться: ведь вся история России – это история о трудной судьбе русского народа во все времена.

Однажды я был у Чака в гостях в Бостоне, где ко мне «прибился» его голубоглазый сынишка, Дэвид, которому, вить, очень любопытен был необычный человек, говоривший на каком-то странном английском языке.

Перед обедом Чак пригласил меня прогуляться по окрестностям. Жили Мэки в пригороде Бостона, Лексингтоне – историческом месте, с которым у американцев связано многое: здесь произошли первые бои во время войны за независимость.

Мы шли по тихому приятному парку относительно узкой (по американским понятиям) тропкой. Дэвид, конечно же, увязался за нами и с энергией молодого щенка носился вокруг нас, то отставая, то вдруг забегаю далеко вперед. Мы же с Чаком шли и наслаждались какими-то умствованиями.

Было видно, что относительно далеко впереди наша тропинка пересекает какую-то небольшую асфальтовую дорогу. (Собственно других дорог типа наших проселочных, я пока в Америке не встречал!) Было тихо и спокойно. Дэвид стрелой помчался вперед...

Вдруг я боковым зрением заметил сквозь деревья и кустарник промелькнувший автомобиль. Почти инстинктивно, не раздумывая, я метнулся за Дэвидом. Мне удалось схватить его за рубашку, я потерял равновесие и упал, держа в руках свою драгоценную добычу. До дороги оставалась пара метров (или даже ярдов). В тот же миг перед нашим носом промчалась машина...

Мы поднялись. Я отряхнулся, потом по-русски отвесил со всего размаху добрый увесистый шлепок по тощей мальчишеской заднице. Дэвид даже не вскрикнул. В это время нас уже достиг слегка запыхавшийся Чак. Он был бледен, «как льняное полотно» (воспользуюсь Высоцким).

Он обнял меня за плечи и сказал:

- Я не смог бы сделать ни первого, ни второго...

Суть сказанного в полной мере я понял много позже: американца могут засудить даже за то, что тот отшлепал собственного ребенка. А уж чужого!..

Но самое интересное, что с этого момента Дэвид стал прямо-таки моим пажем: он шел, держа меня за руку, и с увлечением рассказывал мне о том, как маленький отряд американских ополченцев наголову разгромил под Лексингтоном полк королевской армии Великобритании. Он буквально сыпал датами и именами... Видимо, ему передалась увлеченность отца историей.

С Чаком у меня была достаточно оживленная переписка: мы отвечали друг другу без особой задержки, если не считать, что добросовестная цензура с обеих сторон задерживала письма в лучшем случае на месяц.

* * *

Лет через пятнадцать Дэвид приехал с молодой женой на свой медовый месяц в Москву. Мы много ходили по городу, я водил их в театры и музеи: Дэвиду, как и его отцу, Россия бы-

ла интересна. Однажды он рассказал своей жене о моем «рукоприкладстве». Мы все вместе весело посмеялись.

* * *

Примерно через десять лет мы с Таней летели в Америку, куда меня пригласили для чтения лекции в Университет Джорджа Вашингтона в Вашингтоне. Летели мы через Сан-Франциско, где в то время жил Дэвид с женой. Конечно, мы провели два дня с ними, но это уже другая история.

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Самый незабываемый день

Я очень любил ездить в командировки со своими детьми – Таней и Славой, хотя никогда не брал их вместе. Я побывал с ними в Ереване и Каунасе, на Байкале и в Болгарии, в Ленинграде и Ташкенте, в Киеве и Риге...

Однажды, поехав в достаточно «прогулочную» командировку в Ереван, я захватил с собой Славу, которому исполнилось тогда лет 10. Лето в тот год отличалось умопомрачительной жарой. Делать Славе особо было нечего, а таскаться со мной по разным заведениям (ВЦ, Университет и т.п.) совсем не интересно тоска смертная. Вел он себя стоически, хотя и подвывал, что ему скучно. Правда в свободное время мы ходили по музеям, посетили дом-музей Мартироса Сарьяна, побывали в мастерской его ученика, фамилию которого я забыл, сходили в Матенадаран. Особенно интересно было Славе в Детской картинной галерее, где мы побывали раза три. Возможно, впечатление от этой галереи и подтолкнуло его на нелегкий путь художника.

В один из таких дней мы собрались вечером навестить моего старинного аспиранта и друга – Ашота Геворкяна. Еще с утра я пообещал Славе, что этот день он запомнит на всю жизнь. Как пообещал, так и забыл...

Вечер для меня прошел очень интересно: пришло много моих бывших аспирантов и просто друзей, мы и пели, и пили и в нарды играли...

Потом мои друзья пошли все большой гурьбой, человек десять, провожать нас со Славой в гостиницу. Был уже двенадцатый час.

Слава нагибает меня к себе и говорит:

- Ты обещал, что этот день я запомню на всю жизнь... А даже вчера было интереснее...

Проходили мы в это время мимо Ереванского Университета, перед которым под шатром темного южного неба чернело огромное зеркало застывшего на ночь фонтана размером с половину хорошего футбольного поля. Решение возникло моментально:

- Ребята, а почему бы нам сейчас не искупаться?!

- ...???

- Да у нас плавков нет... – Раздается какой-то робкий голос

- Зачем плавки?

И я начал стягивать с себя все, что на мне было. Славка понял меня тут же. Вскоре все мы белыми приведениями плясали по пояс в воде фонтана. На шум вышел сторож, стал грозиться милицией. Кто-то из моих армянских друзей сказал:

- Мы не хулиганим. Это просто приехал из Москвы наш учитель, профессор Университета, и он объясняет нам закон Архимеда.

Обошлось без милиции – хороший был сторож, да и авторитет Архимеда, возможно, сработал: ведь в бывшем Советском Союзе и сторож мог слышать где-то имя великого грека.

Теперь, если кто-то спрашивает Славу: «А какой у тебя был самый запоминающийся день в жизни?» – этот вопрос не вызывает у него затруднений с ответом...

ПРО СЕБЯ

Чернобыль

Славе пришлось время идти в армию: в ВУЗ не попал, брони никакой... А всюду полыхала война в «Гавнистане»... Я посоветовался со своим другом, Левой Горским – что делать? Лев был дока во всех житейских делах, он тут же нашелся: нужно Славу устроить в ракетные войска! Хуже не будет – коли дело дойдет до ракет, то и нам спасения не будет, а не дойдет – наша цель достигнута! Он же нашел и какое-то «верхнее» воен-

ное начальство, которое оформило вызов Славе в ракетные войска.

Повестка из Военкомата пришла за день до Славиного дня рождения в самом начале декабря, это был последний осенний призыв. В принципе это было незаконно, ему еще не было 18 лет – не хватало дня, но я боялся упустить возможность, отложив дело до весеннего призыва: кто знает, останется ли «благодетель» на своей должности через полгода?

Слава, конечно, ничего не знал. Да я и боялся ему что-либо говорить: тогда бы он ничего правильно не понял. Рассказал я ему обо всем только уже тогда, когда он приехал работать в Калифорнию, спустя лет 12. Стояли мы как-то на балконе, и он пожалел, что потерял в армии три года. Тут я ему сказал, что это я способствовал тому, что его «забрили» даже раньше срока, объяснил свои мотивы. Он обнял меня и сказал: «Что ж ты раньше молчал? А ведь все говорили, что, мол, счастливчик, попал не в пехоту, а в ракетные войска!» Но это было потом.

А тогда, в первый же год его армейской службы, получаю я от Славы известие, что он со сломанной ногой лежит в военном госпитале. Отбывал он свою воинскую повинность (слово-то какое правильное – «повинность»!) в Гомеле. Я быстренько собрался и поехал на субботу и воскресенье, чтобы не брать дней за свой счет.

Приезжаю рано утром в субботу, схожу с поезда и спрашиваю, как добраться до военного госпиталя. Мне говорят, что можно на автобусе, но в принципе и пешком всего минут 30, а автобус, не приведи господь, можно и час прождать! Я и пошел. Моросил теплый летний грибной дождичек, хотя было всего 26 апреля. Даже не дождик, а какая-то водяная пыльца. Было душно. Я закатал рукава своей ковбойки, раскрыл ворот аж до пупа и не спеша пошел. Когда пришел к госпиталю, дождь уже кончился, но я был весь как из парной: рубашка липла к телу, брючины джинсов обхватили своими мокрыми объятьями икры.

Зашел в проходную, мне вызвали Славу. Он пришел, и мы пошли с ним гулять в близлежащий парк. Там он рассказал мне свою трагикомическую историю...

На учениях они возили на специальных «катафалках» пэвэошные ракеты, которые оказались теми самыми «изделиями 400», в разработке которых я принимал участие, работая в ОКБ Лавочкина! «Катафалк» с ракетой везли шесть человек: два спереди, два в середине и два сзади.

Так вот, какие-то придурки из «дедов» подпилили одну из передних ручек. Везли ракету по кочкам с напряжением, вдруг в какой-то момент у шедшего впереди «салаги» ручка сломалась, он поскользнулся, упал, а на него стала падать пятитонная ракета... Остальные прикладывали все силы, чтобы удерживать ракету, но смогли лишь слегка задержать ее соскальзывание с тележки. Правда, это помогло упавшему буквально на четвереньках выкарабкаться из-под ракеты и остаться целым. А вот Славе эта глыбища упала на ногу...

Но бывает-таки удача в жизни: ракета упала своим стабилизатором на рант сапога, и в результате Славе только зажал кирзовый сапог и сломало мизинец! Он шутил, что все получилось даже очень здорово: он имеет возможность отдохнуть в госпитале.

Мы хорошо провели с ним время в субботу и в воскресенье. Вечером я поехал домой в Москву.

В купе какая-то баба все тархтела, что где-то взорвалась атомная станция и вся Белоруссия отравлена радиоактивными осадками. Я тогда еще подумал: «Вот молотят же эти бабы вечно какую-то чушь!» и был глубоко не прав.

Приехав в Москву, только через несколько дней, по-моему, уже в мае я услышал про Чернобыль. Но уже в самом конце апреля я начал кашлять. Кашель усиливался, накашливалась страшная головная боль. Я не мог спать, поскольку задыхался от кашля. Приходилось спать, сидя за кухонным столом, положив на него подушку. Так продолжалось до середины сентября.

В это время в Ташкенте проходила конференция по теории вероятностей. Я решил поехать туда и на всякий случай попрощаться с друзьями. Я очень боялся умереть от удущья – для меня это страшнее всего на свете. Как я писал в одном недописанном стихотворении: «Страшна не смерть, а умирание...».

В Ташкент я приехал, а там жарыща под 35, сухо, безветренно. Прогрелся я, продышался и ... вернулся нормальным человеком! Я ворвался в дом, прилетев из Ташкента, с криками: «Таня! Таня! Я выздоровел!»

Но радость была преждевременна... Примерно через три-четыре дня у меня по коже пошли язвы... По благу устроили меня в кожный диспансер, где знакомый врач сказал мне, что у меня все симптомы лучевой болезни, но им, врачам, запрещено после Чернобыля ставить такой диагноз. Тогда я рассказал ему про мою поездку в Гомель и про прогулку под Чернобыльским радиоактивным облаком.

Нам обоим все стало понятно...

Болячки ничем не лечились: все время текла сукровица. На икрах и на руках были открытые кровавые пятна величиной с ладонь. Я ходил весь обклеенный бактерицидным пластырем, который менял по несколько раз на день. Продолжалось это почти три года...

В августе 1989 я прилетел в Вашингтон по приглашению Университета Джорджа Вашингтона на позицию Почетного приглашенного профессора. Пока мы искали подходящее жилье, нас приютила семья заведующего кафедрой «Исследование операций».

Что-то произошло магическое: то ли овощи без пестицидов, то ли вода без хлорки, то ли чистый капиталистический воздух, но у меня все мои раны затянулись дней за десять! Мы с радостью выбросили почти полный чемодан пластырей (запас на год), которые привезли из Москвы.

Но и это еще не полная картина. С тех пор у меня появилась весьма странная для русского человека болезнь – аллергия на холод. Достаточно мне таблетки запить холодной водой, поесть мороженого (хотя бы предварительно и разогретого в микроволновке!), подышать холодным воздухом – я начинаю кашлять сухим собачьим лаем. Более того, я обнаружил даже, что мой организм реагирует не только на холод, как на таковой – он реагирует на календарное зимнее время! Даже в Сан-Диего, где «Крещенские морозы» достигают днем наинизшей температуры +12С⁰ – я начинаю покашливать.

Вот такие последствия от «Чернобыля», бля!

О том, как убивают в неотложке

После двух операций на сердце я привык шутить: «Умру я не от этого!», имея в виду, что сердце у меня – «железное», а коронарные сосуды – прямиком доставлены из моей правой ноги.

Но, как известно, самонадеянность почти всегда вещь наказуемая...

После этих двух операций я «подсел» на кумадин – антикоагулянт (то-бишь, «разжижитель» крови), который, кстати, делается на основе... крысиного яда! Да-да, крысы к любым ядам привыкают и даже начинают его просто употреблять «к столу» как деликатес, а кумадин – безвкусен, никакой реакции в организме не вызывает, кроме гемофилии: стоит крысике или крысу даже слегка пораниться – она или он истекают кровью или становятся пищей своих беспринципных собратьев-каннибалов...

Я попал под пристальное наблюдение врача-кардиолога. Анализ крови на сворачиваемость приходилось делать каждые семь-десять дней: еще бы – «переешь» лекарства – кровью истечешь, а «недоешь» – где-нибудь тромб образуется (да не дай Бог, в черепушке!). К тому же, сворачиваемость крови – весьма капризный процесс: выпил текилы вместо полстакана стакан – кровь стала жиже, поел зелени в салате – кровь стала гуще.

Мой в общем-то неплохой, но уж как-то чересчур ученый кардиолог, однажды выписал мне необычную дозу: два дня по восемь миллиграммов кумадина вместо обычных четырех, поскольку очередной анализ показал низкое его содержание в крови. Как человек, приученный к порядку по отношению «к власти» (не зря больше полсотни лет прожил в стране непрерывно развивавшегося социализма), я послушно начал исполнять предписания врача...

И вот... Сидя на работе, я слегка потер кулаком кончик носа, из коего хлынула кровинка. Я забил ноздри «пробочками» из бумажных салфеток, но они быстро насыщались кровью. К тому же и общее состояние было омерзительное – бросало то в жар, то в холод сердце колотилось бешено, виски гу-

дели... (Может, от какого-то животного страха? Умом-то я этого страха не чувствовал, так как немножко разучился бояться.)

Я позвонил Тане. Она приехала и без долгих разговоров повезла меня в неотложку. Минут через 10-15 мы уже были в госпитале. Меня сразу же уложили на больничную каталку и измерили давление: 200 на 140! Такого у меня не было давненько!

Померив мое давление и увидев, что оно зашкаливает, а к тому же кровь из носа продолжала литься, врачи вкололи мне изрядную дозу чего-то и ушли в свою комнатку. Через какое-то время они вышли на меня посмотреть: кровь по-прежнему активно продолжала истекать из моего носа. По их комментариям я понял, что их что-то смущает и попытался на своем английском (весьма далеком от совершенства) объяснить им, что скорее всего не в давлении дело, а в том, что я принял слишком большую дозу декоагулянта.

Ну, что вечно эти больные лезут со своими советами? Мне вкололи очередную дозу для снижения давления, и опять врач с ассистентом скрылись в своем офисе.

Таня сидела рядом со мной, и мы вели с ней разговоры на какие-то отвлеченные темы: действительно, в подобных ситуациях главное – отвлечься и не заикливаться на болезни.

Я лежал на каталке, в моих ногах стояла какая-то хреновина для измерения давления, но я ничего не видел, поскольку очки с меня зачем-то сняли. Спустя какое-то время, я почувствовал, что в комнате стало немного прохладно. Таня натянула на меня простынку, которой были укрыты только мои ноги, закрыв меня по плечи. Однако, через пару минут у меня от холода стали стучать зубы. Таня стала уговаривать меня расслабиться – ничего, мол, страшного, просто потеря крови: хоть и по капельке течет, но уже почти полдня...

Я расслабился, слегка приоткрыв рот... Стук зубов прекратился, хотя челюсть продолжала дрожать. Вдруг я почувствовал какие-то конвульсии и тело мое стало подпрыгивать, делая какие-то непристойные сексуальные движения...

Последнее, что я помню – это сквозь густой и вязкий темно-серый туман крик жены: «Доктор! Доктор! Скорее! Он умирает!..»

* * *

Когда я очнулся, я увидел себя в палате, под капельницей, опутанный множеством проводов, с кислородными трубочками в носу...

Жена моя сидела у моего изголовья и гладила кончики моих пальцев (остальное все было истыкано какими-то иголками, через которые в меня что-то вгоняли).

У этой такой женственной, но такой в нужные моменты жизни мужественной женщины, глаза были затуманены слезой. Она мне улыбнулась какой-то скованной улыбкой, какой улыбаются люди готовые вот-вот расплакаться: «Все будет хорошо... Все будет хорошо...»

Когда я совсем пришел в себя, она рассказала мне, что произошло. Когда конвульсии мои стихли, она глянула на измеритель давления и увидела... шестьдесят на сорок! Имея второе образование медсестры, она поняла, что промедление — смерти подобно. Вот тогда-то, видимо, я услышал, как она звала врача...

* * *

Сколь серьезно все было, показывает такой факт: меня продержали в реанимации неделю. Все время капельница, непрерывный мониторинг... И это несмотря на то, что чувствовал-то я себя субъективно вполне прилично.

Жена приходила ко мне каждый день после работы — благо здесь нет никаких дурацких запретов на посещения больных даже в реанимации. Когда я стал выглядеть «прилично», она приводила и дочку навестить меня.

А вскоре мы все втроем уже ехали домой. Правда, не так уж и «вскоре»: после операции на сердце меня в реанимации держали только день, а тут я пробыл целных пять дён! Страшно им было, что помру, а с госпиталя сдерут сотни тысяч долларов за халатность...

Так я еще раз вернулся «оттуда».

Видимо, не зря говорят: «Бог троицу любит»...

ТЕТРАДКА №5

ПРО ДЕТСТВО

Почем она – кровь...

Детство мое было голодноватым... Нет, не голодным – с голоду никто не умирал, но жрать хотелось всегда. Поэтому, например, дни своих болезней детских я вспоминаю по тем вкусняющим вещам, которыми меня баловали: морковное варенье на сахарине, картофельные оладьи из очисток. А однажды помню – видно, болел чем-то всерьез – сварили для меня чайную чашечку куриного бульона, в котором даже плавало настоящее куриное крылышко.

Очень хорошо помню, как все «женское население» нашей семьи – бабушка, мама и ее сестра – ходили сдавать кровь «за обед»: доноров сразу после сдачи крови кормили. А они каждый раз брали с собой меня и подкармливали. Я до сих пор помню это чувство внутренней борьбы: с одной стороны, страшно хотелось есть, а с другой, понимал, что я не имею права съесть и части той скудной еды. А еда была, действительно, очень скудная: суп-лапша, цветом похожий на жидкий кофе с двумя-тремя толстыми с палец черными ржаными лапшинами; сладковатое пюре из подмороженной картошки, иногда с котлетой, состоявшей на 90% из хлеба; кисель на сахарине; плюс ко всему ломоть черного хлеба.

Кровь ходили сдавать, наверное, раз в неделю, так что три дня в неделю мне доставалась некая толика донорского обеда...

Но это было только в первый год войны. Потом стало намного легче. Как-то у нас был настоящий праздник: мой отец, возвращаясь из командировки, во время стоянки поезда, купил «с рук и по дешевке» буханку ржаного хлеба и бутылку «русского» масла, как у нас в семье по-самарски величали топленое масло. Но радость была преждевременна: «буханка хлеба» представляла собой «куклу» из опилок, покрытую сверху тонким слоем запеченного хлебного теста, а в бутылке оказалась вода, а только стенки ее были покрыты маслом, да еще сверху была «пробочка» из того же масла. Предела нашему горю буквально не было...

Отец мой преподавал в Академии им. Жуковского, которая была эвакуирована в Свердловск. Он воевал на Халхин-Голе, в «японскую кампанию», т.е. еще до «настоящей» войны с фашистами. После этого его направили учить призывников-офицеров. Так его и застала война.

В Монголии отец заслужил медаль «За отвагу», которая по тем временам (еще до военной «девальвации» наград) была на уровне военных орденов. Но главное, это то, что медаль эта была «солдатская», ее давали за личное мужество в бою.

Однажды я спросил его, за что ему дали медаль. Он ответил: «За трусость». Конечно, так шутить с детьми нельзя – вдруг поверят? Но он мне рассказал, как было дело, и я понял, что у него просто своеобразное чувство юмора.

А дело было так. Был он командиром орудийного расчета, в подчинении которого были двое: наводящий и подносящий. Палили они из своей пушки по япошкам перед началом наступления наших, да так «достали» противника, что озверевшие враги сами бросились в упреждающую атаку.

Убило сначала подносящего, пришлось отцу помогать наводчику и загружать довольно тяжелые снаряды в ствол орудия.

Благо, команды командира были не нужны: стрелять приходилось уже даже без прицеливания – враг был повсюду. Потом убило и наводчика. Отец посмотрел вокруг, его артиллерийские друзья-соседи уже «сделали ноги», он остался один. Японская пехота замыкала кольцо, а отец лихорадочно загружал очередную снаряд и бил без наводки по врагу.

«Бежать было страшно. Кругом пули свищут, а здесь, у орудия хоть с одной стороны броня защищала... Появился даже какой-то азарт...»

**Мой Папа –
Алексей Андреевич**

Вдруг сзади на плечо легла тяжелая рука. Отец схватился за пистолет, но тут же услышал голос: «Ну, спасибо, браток, не подкачал!» Оказалось, что наши пошли в контратаку, смяли японцев и добрались, наконец, до одинокого орудия, отстреливавшегося практически в тылу врага...

Когда началась Отечественная война, он попросился на фронт, но ему отказали: «Вы здесь нужнее».

* * * * *

И последнее воспоминание о голодных послевоенных годах. На всю жизнь я запомнил изумительное блюдо – оладьи из картофельной шелухи, жареные на каком-то непонятном масле (в народе называли его «машинным»). Вкуснотища была неопишуемая! До сих пор слюнки текут, когда вспоминаю! И сейчас люблю «деруны», оказывается, исконное белорусское блюдо, называемое там сексуально-неаппетитным именем «драчёнь».

Но вот однажды, году уже в 85-м решил я попробовать деруны, сделанные по тому старому, «свердловскому» рецепту. Чистя картошку для обычной готовки, я предварительно тщательно ее помыл чуть ли не с мылом, нарочно срезал кожуру потолка. К сожалению, масла машинного не было, пришлось, как всегда, печь деруны на подсолнечном...

Истекая слюной от предвкушения, обжигаясь, начал есть... Сознаюсь, большего дерьма есть в жизни не приходилось! Нет вру, один раз ел в Америке ирландский молочный суп с устрицами, но то было откровенное рвотное средство!

Вот так расстаются с детскими иллюзиями... Не надо, не вступайте второй раз в ту же реку: и вода не та, и ноги не те, да и вообще подумайте, стоит ли ноги мочить?

* * * * *

Сразу после войны все, конечно, «рассупонилось»... В микроскопическом масштабе это напоминало нынешнюю «новую Россию»: всего полно, а денег нет. Тогда этого «всего» было, конечно, намного меньше, но зато и денег просто чудовищно не хватало. Колбаса «собачья радость» считалась деликатесом. Сыр больше нюхали, чем ели. Сахар появился, но пили мы чай почти вприглядку: мелко наколотый кусковой сахар выдавался членам семьи по пять-шесть горошинок...

А ведь наша семья была из «зажиточных»: отец – военнослужащий, майор, правда, при пяти «нахлебниках».

Но зато полки полупустых магазинов были завалены «снаткой», которая, оказывается, была всего-навсего «чаткой», т.е. «Chatka», написанная заглавными буквами! Но и с крабьими консервами, как говорится, близок локоть... Тогда мы и сами жили, как крабы: стояли раком и ползли боком...

ПРО ШКОЛУ

Запоздалое извинение...

Читая мои рассказы про школу, вы можете подумать, что мы не учились, а только шкодили. Нет, это не так, но какое же детство без шкоды? Я не оговорился: именно, без шкоды! Ну, а школа – само собой.

Коротенькие эпизодики, без связей, без дат.

* * * * *

В четвертом классе была у нас учительница русского языка, которую звали Клеопатра, отчество не помню. Помню только, что фамилия ее была совершенно не подходящая к имени, типа Клеопатра Козодоева или Клеопатра Чернопятова. Звали мы ее, конечно, просто «тётя Клёпа». На всех уроках после наших ответов она не только ставила оценку в классный журнал, но и что-то записывала в большую «амбарную тетрадь», которую мы между собой называли «кондуит».

Кондуит тот не давал нам всем покоя: почему-то думалось, что пишет она на нас какой-то «компромат», выражаясь сегодняшним языком. Созрел план: кондуит выкрасть, а потом сжечь! После очередного урока весь класс сгрудился вокруг учительского стола, а мне было поручено незаметненько стибрить кондуит. Я успешно провел операцию. Это был мой первый «гражданский подвиг» в жизни!

Урок был последний, поэтому мы дружно, как стая воробьев от резкого звука, разлетелись от стола и побежали в раздевалку. Год был 1946, учились мы аж в четыре смены, так что последние две смены учились, когда зимой дневное светило уступало свое место сумеркам, а то и вовсе луне.

В тот день после уроков было совершенно темно. Мы, одевшись, всей гурьбой бросились на пустырь перед школой,

быстренько соорудили костерок и лист за листом сожгли злополучный кондуит... Откуда огонь взяли? Да у нас уж тогда несколько человек в классе курили... А куда денешься – кой-кому было уже лет по 13...

Теперь я понимаю, что «тетя Клёпа» просто была хороший педагог и, неверное, вела для себя какую-то исследовательскую работу... Сейчас об этом и вспоминать как-то не очень удобно, а тогда я несколько дней чувствовал себя настоящим героем.

* * * * *

Был у нас учитель математики Пётр Данилыч, фамилию забыл. Конечно звали его и в глаза, и за глаза «Пердильч», хотя в глаза приходилось произносить очень быстро и что-то типа «Пер-Днылч». Как я сейчас понимаю, учитель он был неплохой, но часто срывался – сказывались фронтовые контузии.

Он имел обыкновение хватать нашкодившего ученика за шиворот, почти поднимать его в воздух и швырять в классную доску, а потом отлетевшего от доски ученика он хватал опять за шиворот и бросал в дверь. Дверь распахивалась от удара, бедолага вылетал в коридор, а дверь сама с шумом закрывалась...

Учился у нас Володя Степанов – переросток, инвалид, у которого вместо правой ноги была культя выше колена. Он рассказывал мне, что ногу ему буквально отрезало номером автомобиля, который дал почему-то задний ход и прижал «Стёпу», как мы его называли, к забору.

Здоров Стёпа был необычайно. Помню во время проверок нашего физического здоровья нам в школе предлагали сжать динамометр (у нас он назывался «силомер»). Стёпа, ходивший на костыле и с палочкой в другой руке, имел сильноющие руки – он так сжимал силомер, что тот деформировался, как подкова в руках силача. Вот с таким гигантом я сидел за одной партией! Был он года на два, если не на три старше остальных.

Так вот однажды Стёпа сделал что-то такое, что Пердильч подскочил к нему, как ястреб, и хотел уже было произвести очередную экзекуцию, по-моему, даже забыв, что Степа од-

ноногий. Степа его опередил, поднялся, сел на спинку парты и, поднявши клюку, как боевое копьё, сказал: «Только подойди! Убью!» А дело было зимой, и в клюке торчал на конце металлический шип...

Я этот эпизод привел только для того, чтобы показать, какая атмосфера царил в послевоенной школе. Нет, не буду обобщать: царил в нашей московской мужской школе № 150...

* * * * *

Мало того, что учились мы в три, а иногда и в четыре смены, расписание в школе было скользящее: только первая смена начинала в одно и то же время. Помню, что иногда мы кончали даже около 10 вечера, и это в пятом-то классе! Жизненные трудности всегда делают людей сообразительными и активными, иначе люди просто вымирают.

Нам хотелось выживать, т.е. пораньше уйти из школы домой (но на законных основаниях!). Частенько по вечерам бывали перебои с электричеством, тогда урок прерывался, и нас отпускали домой. Это навело на мысль!

На перемене перед последним уроком кто-нибудь бежал в туалет, там смачивал – сами понимаете, чем – промокашку и возвращался в класс, где его уже все с нетерпением ждали. Потом, поставив учительский стул на парту, он доставал до лампочки, отворачивал ее, вкладывал в патрон сырую промокашку и заворачивал лампочку обратно. Конечно, вся процедура совершалась с необходимой страховкой: стул держали за ножки четыре человека, свет на время операции выключали.

То, что моча соленая, мы знали все – кто этого не знает? Но вот какой гениальный четырехклассник уже тогда знал, что соленая мокрая промокашка является хорошим проводником? Памятник ему надо было поставить! Где-нибудь перед Большим Театром, где впоследствии почему-то поставили памятник Марксу, на голове которого непрерывно какали голуби.

Дальше все шло по понятному сценарию. Мальчики с благообразненькими личиками вставали, приветствуя учителя. Начинался урок и ... несколько минут спустя, обе лампочки в классе начинали постепенно меркнуть, а потом резко погасали!.. Учитель прекращал урок под восторженные крики ребят.

Да, может шустрых Эдисонов и быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать!

* * * * *

Учителю черчения Алексею Василевичу Блинову крупно повезло – в то время еще не было модного теперь ругательства «блин». Он был высокомерен, но терпелив. Нас он величал не иначе, как «осламы»: «Ну, что, осламы, поняли?» или «Какой осел сегодня дежурит? Почему доска не подготовлена?»

Конечно, «бумеранг» не замедлил сработать: мы его тоже называли «Осел Васильевич», хотя, когда обращались к нему, то произносили что-то скомканное вроде «Асель-Силич». Он делал вид, что этого не замечает, но у каждого из нас при таком обращении к нему в кровь впрыскивалась изрядная порция адреналина.

Было почти традицией на его уроке за доской прятать «бомбу замедленного действия» – свернутую целлулоидную фотопленку, внутрь которой закладывалась обильно смоченная глицерином ватка с завернутой внутри марганцовкой. Когда глицерин проникал до марганцовки, происходило возгорание фотопленки, а она, будучи зажатай между доской и стеной, начинала не гореть, а безумно дымить.

Обычно «дымовая пашка» срабатывала несколько минут спустя после начала урока, когда Блинов что-нибудь чертил на доске.

Он поворачивался лицом к классу, молча смотрел на нас с глубочайшим презрением, потом открывал окно и продолжал что-то чертить на доске.

Так мы и жили с ним в состоянии «холодной войны». А спрашивается, зачем?

* * * * *

В параллельном классе кто-то однажды залез в вентиляционную трубу и во время урока исполнял партию некоего духа, говоря загробным голосом. Представляете, ниоткуда раздается глухой голос...

Этот эпизод описан Генрихом (партийная кличка – «Гарик») Книжником в его прекрасной книжке «Петька», которая, кстати, только что переиздана. Почитайте!

Гарик, окончив Институт Стали и Цветных Металлов (в народе называли «Институт Стали и Лени», пародируя постоянное сочетание «Ленин-Сталин»), стал по совместительству детским писателем.

Кого только не дала наша школа поколению «шестидесятников»!

* * * * *

Учителем математики у нас была Клавдия Филипповна Милованова. Теперь я понимаю, что она была хорошим учителем, но в школе к ней приклеилось прозвище «Клава-дура».

Даже игра была такая: кто на уроке скажет громче «Клава-дура». Да, да! Это был плагиат: все нормальные дети играют в «жопу», т.е. кто скажет это слово громче всех в классе, а мы играли в «Клаву-дуру».

Однажды, играли в эту игру сидевшие на первой парте Илья Гольберг и Гелий Грумондз по прозвищу «Аленький цветочек» из-за постоянно торчавших на его носу почти бордового цвета «хотенчиков». Начали они с полусшепота, потом громче, громче... Клавдия Филипповна в это время что-то писала на доске. Наконец, жаждавший победы над противником Гелий почти крикнул: «Клава-дура!» Та обернулась, вспыхнув, как маков цвет: «Это что за безобразие, Грумондз?!» Гелий встал и, наивно похлопав глазами, смущенно пробормотал: «Извините, Клавдия Филипповна, я больше не буду...»

Клава была отходчивая тетка. Простила. Дело даже не дошло до завуча.

Но однажды и у нее не выдержали нервы. Кто-то с задних рядов стал бросать к доске, на которой Клава что-то в это время писала, бумажные комочки, в которых была завернута уже знакомая вам наглицериненная промокашка с марганцовой внутри. Проходили считанные секунды и, по-змейному попишев, бумажный комочек начинал дымиться, а иногда и вспыхивал.

После двух-трех таких «бомб», от каждой из которых Клава шарахалась, как от живой мыши, она не выдержала и выбежала из класса. Вскоре она вернулась, но не одна, а с нашей директрисой – Гусыней. Та стала нам что-то гневно выговаривать, а в это время к ее ногам кто-то бросил бумажный шарик

без «взрывчатки». Она покосилась на него, но сохранила самообладание. Потом подкатился второй такой же «холостой снаряд».

Когда подкатился третий, то она нагнулась, подняла его и со словами: «Смотрите, Клавдия Филипповна, там ничего нет!» - стала разворачивать бумагу. Но на этот раз бомба была настоящая и зашипела в руках у Гусыни. Та с криками выскочила из класса...

* * * * *

Дорогие наши учителя! Примите запоздалое, а возможно и посмертное извинение от всех нас. На самом деле, каждый из нас любил вас любовью сына, «а может быть, еще сильнее»...

Просто возраст был такой: голова еще дурная, а руки уже чешутся...

ПРО ИНСТИТУТ

Как меня, исключая из комсомола, вдруг захотели принять в партию

В МАИ, где я учился, была система кураторов – активных комсомальчиков и комсодевичек второго курса назначали как бы «поводырями» над группами первокурсников. Я не очень понимаю, куда слепой поводырь может привести толпу слепых, но таков уж был новаторский почин. А как помните, почину у нас – ох! – как любили!

Был и я таким «дядькой» у младшего курса. В группе этой были и два друга, про которых я уже писал – Лёньчик Зайдман и Фелька Фишбейн. Однажды на очередном собрании группы мне рассказывают историю, которой был возмущен весь первый курс.

Учился на курсе Пегов, сын Заместителя Председателя Верховного Совета СССР Николая Михайловича Пегова. Иначе говоря, старший Пегов был, как тогда шутили, «самый главный после Ворошилова».

Так вот, сын Пегова получил на первой же сессии три двойки на четырех экзаменах. По существовавшему положению, двух двоек было достаточно для отчисления за неуспеваемость. Однако сыну Пегова деканат разрешил передачу всех

трех предметов, и за два дня он их пересдал, причем на четверки, а один – даже на пятерку! Добро пожаловать, товарищ Пегов-младший! Welcome to the club, как говорят американцы.

Одновременно с ним такие же три двойки получил сын уборщицы нашего Радиотехнического корпуса МАИ. Того отчислили, не моргнув глазом.

Меня это тоже возмутило, как и моих младших друзей, и в очередном номере курсовой стенгазеты я поместил «Открытое письмо Заместителю Председателя Верховного Совета СССР тов. Пегову Николаю Михайловичу». Как я, по-моему, уже писал, газета выходила каждую неделю (учиться мне было некогда).

В газету я приклеил машинописную копию, а первый экземпляр письма у меня хватило ума послать по адресу: «Москва, Кремль, тов. Пегову Н.М. (лично)». В письме, воздав, естественно, в начале должное «одному из выдающихся деятелей нашего государства», я, взяв быка за рога, дальше написал, что деканат и партбюро радиофакультета МАИ подрывают его, товарища Пегова, незапятнанную репутацию. Потом я описал вкратце ситуацию и закончил словами, что справедливость требует, чтобы сын уборщицы и сын Зампреда Верховного Совета имели равные права: либо оба должны были быть исключены, либо сыну уборщицы нужно разрешить пересдачу двоек, как это разрешили его сыну. Иначе, мол, в невыгодном свете ставят вас, уважаемый Николай Михайлович.

Повесил я газету утром, а уже к середине дня у нее побывали толпы студентов, включая и тех, которые учились на других факультетах в других корпусах. Не знаю, как институт, но уж наш факультет загудел. Кончилось тем, что около девяти вечера того же дня ко мне домой ввалились девчонки из моей группы. (А жил я рядом с институтом, минут 10 ходьбы.) Сказали, что меня срочно вызывают в партбюро факультета. Сознаюсь, что на душе стало мерзко, как у того лихача, который сорвался с горной дороги со словами: «Ну вот... Доездишься, му@#\$\$-к!» Но, виду я не подал – что лучше бравады в такой ситуации? Я сказал им, что пошли бы они куда подальше со своим партбюро, а я уже разделся и собираюсь спать.

Наутро вместо лекций я попал на экстренное заседание партбюро, где меня клеймили за неуважительное отношение к

«выдающемуся деятелю партии и советского государства». Было объявлено, что в пятницу на открытом комсомольском собрании будет рассматриваться вопрос об исключении меня из рядов славного Ленинского отряда той самой молодежи, которая говорит «Есть!», когда партия говорит «Надо!». На душе было погано... Ну, скажите по чести, кому она нужна, эта справедливость? Из комсомола исключают, из института автоматом отчисляют. Жизнь сломана...

Через день на факультете появляется объявление: «Завтра, такого-то числа состоится открытое партийное собрание. На собрании будет присутствовать тов. Пегов Н.М.» (Партсобрания тогда проходили по четвергам, который одновременно был и «рыбным днем» – новшество, которое Хрущев ввел, поскольку мяса на пять рабочих дней в стране не хватало.)

Это известие о партсобрании с присутствием «самого» Пегова повергло меня в еще большее уныние, хотя я и старался не подавать вида. Но сами понимаете, смертнику трудно показывать веселость за день до казни. Мне все, молча, сочувствовали...

Наступил день собрания... Наступил час собрания... Началось собрание... Бурными, долго несмолкающими аплодисментами, стоя, весь зал в едином порыве приветствовал «выдающегося деятеля партии и советского государства». Только что не кричали с перехваченным от энтузиазма голосом что-нибудь типа: «Да здравствует наша родная коммунистическая партия!» или «За Родину! За Сталина!».

Предоставили сразу же слово Н.М. Пегову. Вышел интеллигентный, усталый человек и начал сразу, взяв быка за рога, а меня, извините, за яйца: «Присутствует здесь товарищ Ушаков?» Все замерли. Я с трудом поднялся, не чувствуя под собой ватных ног...

«Огромное вам от меня спасибо, товарищ Ушаков!» Все с облегчением выдохнули разом. После небольшой паузы, видно было, что и Пегов волнуется, он рассказал, что жена у него умерла во время войны, оставив его с двумя мальыми пацанами. Он воевал, детей в конце войны определили в Нахимовское училище в Ленинграде.

- Я много упустил в воспитании своих детей. – Говорил Пегов, явно волнуясь. – К сожалению, многие, стараясь мне по-

мочь, оказывали медвежьёю услугу: покровительствовали моим сыновьям, портя их и ставя меня в неудобное положение.

Товарищ Ушаков совершенно прав: отношение к студентам не должно зависеть от того, кто у них родители. Если мой сын заслуживает исключения, его нужно исключать, как и сына уборщицы. Если же моему сыну дали возможность пересдать экзамены, такая же возможность должна быть и у сына уборщицы. Но то, что было сделано – было сделано неправильно.

Я хотел бы пожелать вам, чтобы все вы были такими же честными и принципиальными, как ваш товарищ. – Он посмотрел в мою сторону. – Спасибо вам еще раз, товарищ Ушаков.

Вот уж тут зал воистину взорвался шквалом оваций... А я думал про себя: «Уважаемый Николай Михайлович! Нет, дорогой Николай Михайлович! Как же вовремя вы отреагировали на мое письмо, зная наши советские порядки экстренного отсечения враждебных голов! Ведь завтра пятница, завтра уже свершился бы общественный суд надо мною. Спасибо вам, спасибо!» Но все это я произносил про себя. На кого я был в это время похож – не знаю.

Естественно, руководство факультета вняло словам Пегова: сыну уборщицы дали пересдать все экзамены, которые он все и пересдал. Правда, исторической правды ради, надо сказать, что он потом все равно нахватал груду двоек и был отчислен...

Сразу после этого собрания меня окружили члены партбюро:

- Игорь, пиши заявление в партию! Ты честный, принципиальный человек! Такие нам в партии нужны!

- Подождите, завтра же меня исключают из комсомола...

- Ерунда! Какое исключение? Кого? Тебя? Ха-ха! Пиши заявление.

- Я не чувствую себя готовым к такому шагу...

Замечу, что партия вела себя, как обиженная девушка, которая уже легла, а ею не воспользовались: больше она, слава богу (или – слава КПСС?) в институте мне не предлагалась.

* * * * *

Кстати, Пегов-сын после первого курса был переведен в какой-то другой ВУЗ. Как потом рассказывали, его вечно спасали в критических ситуациях именно таким образом. В Нахимовском училище, где он учился, начальство назначило его знаменосцем на параде Дня Победы на Красной Площади. Обычно эта честь доставалась всегда лучшему курсанту училища из выпускников. Но Пегов-сын таковым не был, поэтому остальные курсанты взбунтовались, но были, естественно, проигнорированы. Тогда в ночь с восьмого на девятое мая Пеговусыну устроили «темную», да такую, что бедолага едва мог передвигать ноги, а морда уж больше кирпича не просила. Его бенефис в качестве знаменосца не состоялся...

После этого инцидента идти учиться дальше в Военно-морскую академию Пеговусыну расхотелось. Пошел в МАИ. А там, как видите, опять казус...

ПРО РАБОТУ

Мой друг из КГБ, или Париж стоит бедни

Это было в НИИ Автоматической Аппаратуры, когда, по-моему, толком даже не понимали разницы между словами «автоматический» и «автоматизированный». Проектировали мы секретную-пресекретную систему автоматизированного управления нашими миролюбивыми МКБР. (Для непросвещенных: МКБР – это межконтинентальная баллистическая ракета.)

Кто из инженеров военно-промышленного комплекса, работая над проектом, думает о его каннибальской сущности? Кто из военачальников, передвигая цветные фишки по карте стратегических действий, думает о реальных смертях? Никто! Так уж устроена жизнь...

Проект был, действительно, с технической точки зрения очень интересным: сложнейшая система с массой инженерных находок. Только что закончились испытания: в большом зале на демонстрационном табло, представлявшем собой огромный экран, составленный из маленьких люминесцентных панелек, сменялись карты различных районов США, на которых электронным путем высвечивались различные военные цели – объекты будущих ответных или превентивных ударов

славных советских ракетных войск. На отдельном табло светились номера подземных пусковых установок с номерами целей, на которые они были нацелены...

Кстати, у каждой ракеты было по три возможных направления удара: одно, естественно, на логово мирового империализма, второе – на англичан, немцев и разных прочих шведов, а третье ... Угадайте с трех раз? Нет, нет и нет! Конечно же на наших бывших лучших друзей – коммунистический Китай!

Вечером намечалось ужасно секретно совещание с представителями Генштаба, на которое был приглашен и я – надежность рассматривалась очень важным фактором.

Подхожу к кабинету директора, где собирается совещание. У двери – начальник Первого отдела со списком: отмечает входящих и забирает для регистрации справки допуска к секретной работе. Я встал в небольшую очередь. И как раз почти в тот момент, когда я собирался протянуть свой допуск для регистрации, подходит ко мне наш институтский кагебешный куратор и обращается ко мне:

- Извините, вы – товарищ Ушаков?

- Да...

- Можно вас на минуточку?

- Конечно. – Сказал я, выражая почти искреннее недоумение.

Дело в том, что это у нас этим куратором была такая игра. Поскольку я был выездной, я был на поводке у КГБ: каждый раз перед очередной поездкой, в отличие от простых смертных, которых вызывали только в Выездной отдел ЦК, со мной встречались также и «представители» КГБ. (А может, и всех таскали туда же?)

Первая встреча произошла так: ко мне в институте подошел симпатичный паренек лет 24-25, представился достаточно внятно, но с некоторыми недоговорками, и сказал, что со мной «хотят побеседовать» в связи с моей поездкой в Канаду (дело было в 1964 году). Мне назвали номер в гостинице «Метрополь», куда я должен был прийти к определенному времени.

(Господи, а не разглашаю ли я военных тайн? Я же подписку давал, что сам факт моей работы в секретной органи-

зации является секретом! Господи, образумь, просвети и защити меня, грешного!)

В номере, кроме Валеры (так условно назовем куратора нашего Института), были еще двое. Имена у всех, с кем я встречался, были безликие, впрочем, как и их лица: Николай Николаевич, Петр Иванович, Алексей Петрович... Ну, ни одного Тимофея Архиповича или, не дай бог, Бенциона Соломоновича!

Беседы были ужасно содержательные и все похожие одна на другую, как близнецы, пожалуй, даже больше – как яйца одного помета. «Вы понимаете ту степень доверия, которую мы вам оказали...» «Вы не должны забывать, что вы – носитель важных государственных тайн...» «Помните, что наши глаза всегда следят за вами...» Иначе говоря, не говорили только, что по утрам полезно чистить зубы.

Так вот, при этом мне было также сказано, что о наших встречах никто не должен знать. (Читатель, ты – первый, кто об этом узнал, кроме моей жены, моих детей и некоторых очень-очень близких друзей). Более того, было объяснено, что факт моего знакомства с Валерием – это тоже тайна, о которой не должны знать даже работники Первого отдела Института.

После этого длинного, хотя и необходимого отступления, вернусь к разговору с Валерой.

- Давайте отойдем, чтобы не мешать регистрации. – Сказал мне Валера.

Мы отошли в конец коридора, и Валера мне сказал:

- Игорь, ты что, очумел? Тебе завтра лететь в Америку, а ты идешь на это совещание! Да тебя после него не выпустят даже за пределы Садового Кольца! Скажись больным: мигрень, сердце, понос – что угодно! Уезжай домой!

Я послушался и по сию пору глубоко благодарен Валере за совет, да и вообще за нашу добрую дружбу. Последнее, видимо, вызовет вопрос: как же это так – дружба с кагэбистом? А вот так! Жизнь есть жизнь. Она раскидывает нас не всегда по тем местам, где бы мы хотели оказаться. Просто в любом месте, в любой должности можно оставаться порядочным человеком.

А разве вам не приходилось видеть сволочей и подонков в «нормальной среде»?

Перед своей третьей поездкой, кажется, во Францию (а ездил я только по «валютным» странам: а чему можно было научиться у наших меньших братьев-демократов?), во время очередной встречи с Валерой, я ему сказал: «Ты разрешаешь мои загранпоездки, ты наверное, переживаешь из-за этого: Кто я? Что я? Не подведу ли тебя? Приходи ко мне в гости, познакомься с моей семьей, узнай меня получше. Тебе будет проще».

Мы встретились у нас дома. Посидели, выпили. Потом и мы с женой побывали у Валеры дома, познакомились с его женой и маленькой дочкой. Такие контакты продолжались, хотя и не бурно. Дважды я ездил с Валерой на охоту в подмосковные леса. Дичь не попадалась, но мы по вечерам хорошо шли, а утром он палил по деревенским воронам, которые крали у хозяев цыплят. Но вы, наверное, знаете, что вороны хитрые бестии, и подстрелить их практически невозможно – они четко чувствуют безопасное расстояние.

Из-за границы я привозил мелкие подарочки Валериной дочке, но это были не взятки, а обычные знаки внимания друзьям: я и другим детям моих друзей привозил всякую необычную чепуху – солдатиков, куколок, брелки.

Однажды вечером Валера позвонил:

- Игорь, не можешь приехать в гостиницу «Россия»?

Я приехал. Оказывается, Валера давно рвался на оперативную работу, и ему устроили тест: послали приманить какого-то иностранца «на живца». Валера играл роль геолога-сибиряка, ходил в унтах и меховой безрукавке. Сказал мне, что второй день ждет, но никто на него, как ожидалось, не выходит. Скучно, вот он и позвал меня. Сходили с ним в ресторан – ему это было нужно для «роли». Поели-попили на халяву.

А спустя какое-то время с Валерой произошла крупная неприятность. Из второго курируемого Валерой ящика сбегал на авиасалоне в Ля Бурже Главный Конструктор, доктор наук, профессор, Лауреат Госпремии по фамилии, кажется, Федосеев. Когда его оформляли, Валера – как он мне рассказывал впоследствии – написал свое отрицательное мнение относи-

тельно этого командирования, а сам ушел в отпуск. Федосееву очень хотелось поехать, у него были высокие связи с «волосатыми руками»: аж сам Министр Электронной промышленности Александр Иванович Шокин дал в ЦК личное поручительство за него.

Федосеев, будучи во Франции, сбежал, а потом через несколько дней объявился в Англии. Он разгласил немеряно, как сейчас стало модно говорить, наших военно-промышленных секретов. Само плохое – он знал рабочие частоты магнетронов, установленных на наших локаторах боевых систем ПВО. Магнетроны, как известно, не перестраиваются, их надо целиком заменять на новые. Это обошлось стране хороших денег... Хотя, впрочем, эти военные все равно бы их куда-нибудь прособачили!

Валера, молодой парень, распереживавшись, свалился с дичайшей гипертонией. Его комиссовали. Директор нашего Института Владимир Сергеевич Семенихин проявил редкое по тем временам великодушие и взял опального капитана КГБ в Отдел технической информации. Я, чтобы отвлечь его от тяжелой ситуации, подбил его начать писать диссертацию. Парень диссертацию не написал, но цель был достигнута: он постепенно вышел из шока.

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Создатель «Черной смерти»

Рассказывая о Семене Алексеевиче Лавочкине, я должен сразу сказать, что хорошо я его не знал. Но, тем не менее, даже несколько штрихов, замеченных мною, могут быть интересны.

Входя на территорию ОКБ, Лавочкин проходил перед самым моим окном по асфальтированной дороге, проложенной от ворот вглубь территории. Шел он всегда, не спеша, наклонив голову вперед, будто рассматривая что-то под ногами. По пути здоровался со всеми проходящими, а вот около дворника, чистившего зимой дорогу, почти всегда останавливался, и они о чем-то беседовали, минуточку-две.

Я вспоминаю об этом, потому что демократичность была одной из главных черт Семена Алексеевича.

Я был несколько раз на совещаниях у Лавочкина. Представляете, салажонок, первый год после института – и на совещании у Генерального Конструктора! А дело было в том, что Лавочкин на совещание звал всегда пару: начальника и с ним того подчиненного, который непосредственно «владел вопросом».

Начальники садились по правую руку от Семена Алексеевича, а мы, непосредственные исполнители, – по левую, каждый напротив своего начальника. Семен Алексеевич сидел в торце стола, подперев подбородок правой рукой и повернувшись вполоборота к нам. Он задавал вопрос, тот, к кому это относилось, отвечал. Иногда между исполнителями возникали легкие трения, Лавочкин внимательно слушал обе стороны. Но, не дай бог, вступал кто-то из начальников! Помню однажды он сказал Исааку Михайловичу Малеву, моему начальнику: «Исачок! Желтая карточка! Перестань вмешиваться, а то удаю с поля! Ты здесь сидишь “для штампа”. Вот если твой подопечный ошибется, то ты можешь поправить, а комментировать здесь нечего».

Семен Алексеевич объяснял такую форму проведения совещаний тем, что мы, молодые, далеки от политики, а поэтому от нас скорее получишь представление о правде.

* * * * *

Кстати, академик Лавочкин, не имевший формального высшего образования, был образованнейшим человеком и отличным ученым-механиком, который в уме умел решать системы дифференциальных уравнений. (Конечно, определенного типа, но – в уме!)

Георгий Николаевич Бабакин, с которым мне повезло тесно общаться во время испытаний на полигоне в Сары-Шагане, рассказал, как Лавочкин буквально заставил его закончить заочно Бауманское Высшее Техническое Училище: «Обязательно получи диплом. Я все же отношусь к другому поколению, мне бумажки формальные не нужны. А не будет меня, что станет с тобой? Съедят!».

Хотя Бабакину, на самом-то деле, тоже никакой диплом был не нужен – это был эрудит, блестящий инженер, тоже умевший «щёлкать» интегралы в уме.

Несколько слов о Георгии Николаевиче. Это был очень простой и удивительно приятный человек для общения. В обеденный перерыв любил поиграть в пинг-понг с сотрудниками и, замечу, что хоть и был он лет на двадцать старше нас, выиграть у него было далеко не просто.

Он блестяще закончил МВТУ и, после внезапной смерти Лавочкина на полигоне во время испытаний, возглавил ОКБ, которым руководил до самой своей смерти. Он был создателем лунохода и «венерополза», за которые получил Ленинскую премию и был избран членкором Академии Наук. Я не знаю, как Семен Алексеевич добрался до академических высот — во всяком случае, он был настоящий академик, а не то, что в наше время называлось «профсоюзный академик». Его репутация конструктора и ученого была такова, что даже в мрачные годы сталинской охоты за ведьмами, его «пятый пункт» не сломал ему судьбы.

Рассказывают, что были случаи, когда он, идя по огромному залу, где работали инженеры-самолетчики, подходил к чьему-нибудь кульману и подправлял профиль крыла: «Какой-то некрасивый у вашего крыла профиль. Такое крыло не полетит». Он делал поправку «на глазок», и оказывалось, что при прогонке в аэродинамической трубе, действительно, вариант Лавочкина обладал лучшими характеристиками.

Правда, сознаюсь, подобную же историю рассказывали и про Андрея Николаевича Туполева. Ну, да великие люди всегда обрастают легендами, а иногда одна и та же легенда прилипает к нескольким титанам сразу...

**Георгий Николаевич
Бабакин**

* * * * *

Однажды на том же балхашском полигоне мы как-то шли с Исааком Михайловичем Малевым и встретились с Лавочкиным. Тот сказал: «Исаак, мне надо с вами поговорить» – и пригласил нас обоих в свой «генеральский» домик. Меня он помнил по пяти – шести совещаниям, на которых я присутствовал.

У себя в «люксе» Семен Алексеевич во время беседы угостил нас коньяком из необычных для меня тогда коньячных рюмок. (Кроме водки да красного вина тогда я ничего не пил.) О чем шла беседа, я не помню, но хорошо запомнил, как я впервые пил с академиком.

Яков Михайлович Сорин

Моя вторая работа была у Якова Михайловича Сорина, в его первом отделе надежности в тогдашнем Советском Союзе.

У Сорина была исключительная интуиция: понимая проблему надежности «нутром», он практически не понимал никакой математики, но это не помешало ему безошибочно найти лучшего из возможных в области теории надежности специалистов – Бориса Владимировича Гнеденко. Именно этот организационно-научный альянс Сорин-Гнеденко привел к созданию первоклассной школы надежности в бывшем Советском Союзе и «его окрестностях».

Сначала был образован семинар по теории надежности в МГУ, которым руководил Гнеденко. Затем Сорин основал Кабинет надежности и качества при Московском Политехническом музее, который просуществовал до самой «второй русской революции». (Как известно, революции в России сметают все хорошее и выбрасывают на поверхность всякое дерьмо. Сколько потом

**Яков Михайлович
Сорин**

требуется времени, чтобы порядочные люди опять начали пробиваться наверх!)

В издательстве «Советское радио» была создана «Библиотека инженера по надежности», при которой был создан авторитетнейший Редакционный совет.

Наиболее интересным и полезным для инженеров-практиков был Кабинет надежности. Сорин «выбил» отличное помещение в Московском Политехническом музее, в самом центре Москвы, которая, как известно, является центром России, которая, как известно, является ... и т.д.

В этом Кабинете ежедневно ведущие московские специалисты – Гнеденко, Шор, Соловьев, Беляев и другие (всего не меньше 25-30 докторов и кандидатов наук) проводили консультации. Любой инженер мог придти со своим вопросом и получить квалифицированный ответ.

Раз в неделю, по вторникам, был лекционный день: три двухчасовых лекции по заранее объявленным курсам. Слушателям выдавались брошюры с текстом лекций, подготовленные заранее лекторами.

Ехали к нам на лекции и консультации чёрти-откуда. Поскольку всех участников регистрировали, то я, как зам руководителя Кабинета надежности, готовил иногда отчеты о посещаемости семинаров и лекций. Вот краткий перечень городов и весей, откуда приезжали к нам жаждущие и страждущие: Ленинград, Минск, Киев, Горький, Рига, Таллинн, Вильнюс и Каунас, Днепропетровск, Свердловск, Баку, Тбилиси, Ереван, Ташкент, Алма-Ата, Новосибирск, Иркутск и даже Владивосток!

Понимаете, что отпустить кого-либо, приехавшего издалека, без полного решения его проблемы, было морально невозможно. Иногда консультации продолжались вне стен Кабинета надежности. С иногородними я частенько проводил вечера в их гостиницах или же у себя дома «за рюмкой чая».

* * * * *

Со мной, например, произошел такой случай. На мою консультацию приехал Главный инженер Майкопского нефтяного промысла. Ему надо было «рассчитать надежность АСУ

ТП». Я ответил, что мне нужна для начала функциональная схема. Он удивился: «Зачем?» Я объяснил ему, что расчет надежности дело неформальное...

Кончилось тем, что этот Главный инженер позвонил в мой НИИ и попросил моего директора командировать меня в Майкоп на два дня за их счет. По приезду, я провел плотные полтора дня, знакомясь со структурой системы, принципом ее функционирования и требованиями к системе. АСУ было нужно для того, чтобы оптимальным образом при добыче нефти подкачивать в скважины воду для выталкивания нефти. Процесс этот – довольно деликатный: если нарушить оптимальный процесс откачки нефти, то она может смешаться с водой, а к тому же могут образовываться изолированные «пузыри» нефти, фактически разрушающие структуру месторождения.

И вдруг я узнаю, что, как и положено, в социалистическом плановом хозяйстве, в конце каждого месяца АСУ преднамеренно отключается почти на неделю по команде из обкома партии, чтобы можно было бесконтрольно качать нефть для выполнения и перевыполнения плана. То же происходит и в конце квартала, и в конце года, только длительности отключения растут...

Я спросил, какие требования к надежности АСУ. Мне ответили:

- 99,9% !

- Но в ваших условиях эксплуатации это бессмысленно!

- Почему?

- Потому, что ваша АСУ умышленно отключается почти на 25% всего полезного времени! Никакая высокая надежность АСУ вам вовсе не нужна.

- Что ж нам делать?!

- Отключать прямой телефон в обком партии в конце каждого месяца, квартала и года...

По подобным же поводам Яков Михайлович имел столкновения и в ЦК, и в Госстандарте, когда надежность гробилась из-за бюрократических препон.

У Сорина был большой и к тому же печальный опыт общения с бюрократами всех мастей и уровней. В конце вой-

ны, уже в Чехословакии, он был контужен и послан в тыл. Он рассказывал (без деталей), что его вызвали лично к Сталину, который по чьей-то рекомендации поручил ему создать первый в стране НИИ радиолокационной техники. Тогда для нас это была почти новинка, а американцы были намного впереди нас.

Сталин спросил его, какую помощь он хотел бы от ЦК.

Ответ Сорина был прост: «Мне нужна только “вертушка”!» Так называли внутреннюю кремлевскую телефонную сеть, по которой говорили только работники высшего уровня в ЦК и Совмине, секретари обкомов да очень уж крупные работники промышленности.

Сорину дали под институт огромный шести или семиэтажный дом на Кутузовском проспекте, прошитый сверху донизу неразорвавшейся немецкой фугаской. Создание НИИ поэтому началось с ремонта здания. Достать в то время какие-либо стройматериалы было предельно трудно – послевоенная разруха. Яков Михайлович, смеясь, рассказывал, как ему помогла «кремлёвская вертушка».

Звонит Сорин, например, министру стройматериалов:

- Здравствуйте, с вами говорит Сорин...

- Какой такой Сорин?!

- Яков Михайлович...

- Не знаю такого! Мне некогда!

Бац! – Короткие гудки. Раз на пятый ответ уже мягче:

- А-а... Яков Михалыч, здарсьте, здарсьте. Ну, что вам от меня надо?

Сорин излагал свою просьбу, упоминая все имя товарища Сталина. Попробуй, откажи!

Не всегда все удавалось сразу. Но Сорин быстренько перешел на бартерные сделки. Бывало прямо, как в анекдоте: «У вас есть туалетная бумага?» – «Нет, есть только наждачная». После многочисленных звонков в разные места, а Сорин знал конъюнктуру рынка, он обменивал один дефицит на другой, постепенно решая свои проблемы. Оказалось, что такая «скатерть-самобранка», как «кремлевка», гораздо выгоднее любой запрошенной у Сталина одноразовой помощи!

НИИ быстро заработало, появились первые практические результаты. Во время визита замминистра обороны, был устроен банкет – а как же без одного принимать Городничего? Но при этом были (естественно!) затронуты месткомовские средства. Об этом поступил донос «куда надо». К этому были присовокуплены какие-то нелестные высказывания Якова Михайловича в адрес кого-то или чего-то, одним словом, была ему «пришита» 58-я статья, по которой он загремел в ГУЛАГ... Можете себе представить: инвалида войны, орденосца послали на лесоповал!

Это был 1949 год – год великого юбилея: вождю всех времен и народов стукнуло семьдесят... В народе этот год запомнился, как год сталинской «охоты на ведьм» (в основном еврейской национальности; представляете себе ведьму да еще еврейку?). Сорин пробыл в лагерях до амнистии, т.е. до 1956 года...

И вот после всего этого он, как многие другие, оставался убежденным членом партии. Что это за феномен? Попытка сохранить жизненные идеалы, свалив все грехи не на систему, породившую Сталина, а на одного Сталина?

Впрочем, что еще можно было делать? Без веры нельзя, а верить не во что...

Марк Лазаревич Галлай

Через Якова Михайловича Сорина мне посчастливилось познакомиться с Марком Галлаем – известнейшим летчиком-испытателем, Героем Советского Союза. Видел я его всего раза три-четыре. Встречи эти происходили в достаточно узком кругу: однажды на семидесятилетнем юбилее Аксея Ивановича Берга, где и было-то всего человек пятнадцать-двадцать, я даже сидел рядом с ним. Еще дважды или трижды мы сталкивались у Якова Михайловича в спокойной «чаепитной» обстановке, когда он приходил к нам в отдел с неожиданным визитом.

Человек это был удивительный: при всех его заслугах предельно скромный, но очень заводной и общительный. Он был отличный рассказчик, писал книги о своей нелегкой про-

фессии и о своих друзьях. У меня была даже его книга «Испытано в небе» с его дарственной надписью. А дело было так: он как-то пришел с новой своей книгой и, сделав дарственную надпись, подарил ее Сорину. Потом, посмотрев на меня, открыл портфель, достал еще один экземпляр и написал нечто безличное типа «На добрую память. М. Галлай», поскольку имени моего, по-моему, он, видимо, и не знал... К сожалению, эта дорогая мне реликвия пропала: кто-то «зачитал»...

Однажды он при мне рассказал случай (по-моему, это было описано и в одной из его книг) про своего друга, который при испытаниях реактивного истребителя совершил ава-

**Марк Лазаревич
Галлай**

рийную посадку, но так сильно ударился головой об защитное стекло, что у него один глаз вылетел из глазницы. Через все летное поле он нес в ладони этот глаз, державшийся кое-как на мышцах и сосудах. Он понимал, что глаз нужно сохранить во что бы то ни стало.

Но пока он бежал через летное поле в жаркий июльский день, сосуды пересохли, глаз спасти не удалось (тем более в условиях полевого госпиталя). Летчика-испытателя списали, но он не мог жить вне аэродрома, поэтому упросил

его оставить технарем при самолетах. Потом однажды его друг взял его с собой в полет на кресле дублера, а в воздухе «дал порулить». Об это стало известно. (А может, друзья специально об этом поведали.) Оба получили нагоняй, но в конце концов тому летчику-испытателю разрешили работать, тренируя молодежь...

Я однажды спросил:

- Марк Лазаревич, а вы уже привыкли за все эти годы к опасности? Вам теперь, наверное, летать не страшно?

- Нет, Игорь, страшно. И в некотором смысле все страшнее и страшнее. Конечно, уверенности больше, чем

раньше, но страшно каждый раз. Правда, когда летишь на новом самолете, всегда есть одна мысль – ни при каких обстоятельствах не дрогнуть, не поддаться панике, не катапультироваться раньше времени. Самое главное – посадить самолет. Это помогает.

Так я понял, что смелость не в бесшабашности и браваре, а в преодолении страха.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

Солженицын

Нет, нет, с Александром Исаевичем я никогда не встречался, никогда даже издали его не видел и уже не увижу. Но эпизод этот непосредственно связан с его именем.

Впервые Солженицын «звучал» в «Новом мире» со своим «Одним днем Ивана Денисовича» и двумя рассказами «Матренин двор» и «Случай на станции Шепетовка». Это был первый прорыв суровой гулаговской правды на литературном фронте. Все это прошло «на ура», поскольку вписывалось в хрущевское разоблачение культа личности.

Но потом были изданы – уже за границей – «Раковый корпус» и «В круге первом». Издание чего-либо за границей – уже смертный грех. А потом, сколько же можно критиковать прошлое? Ведь так можно докатиться и до того, что дело вовсе не в Сталине, а в Режиме, его породившем!

Солженицына стали официально поливать, что не прибавило, а лишь прибавило его популярности у народа. Ведь на Руси испокон велось, что венец мученика за идею – это то, перед чем все преклоняются. И в общем-то это правильно: нужны люди-идеалы. Я думаю, что те, кто сейчас Солженицына чуть ли не осуждают (за что?) делают это либо из зависти, либо из подлости, либо – в лучшем случае – по глупости.

На предприятиях тогда собирались митинги, на которых клеймили зарвавшегося антисоветчика, писались коллективные письма от рабочих N-ского завода, солдат N-ской части и домохозяйек N-ского жилого дома...

У нас в НИИ происходило несколько иначе, без многочисленных митингов. Приехала к нам некая мадам от райкома партии и устроила «социологический опрос»: взяла интервью у

Главного инженера, у начальника отдела, у рядового инженера, у рабочего, у матерого ученого, у молодого ученого и т.д.

Я попал в категорию молодых ученых.

- Скажите, пожалуйста, вы читали Солженицына?

- Да.

- А какие его вещи?

- «Один день...», «Матренин двор»...

- И что вы скажете о них?

- Очень хорошие произведения. Мне они понравились.

- Ну, а что вы можете сказать о его последних паскви-
лях?

- Каких?

- Ну, например, «Раковый корпус» или «В круге пер-
вом»?

- А ничего не скажу...

- Это почему?

- А я о них ничего не знаю, не читал.

- Но ведь вы же читаете газеты, читаете о гневном осуж-
дении этих, извините за выражение, произведений?

- Газеты читаю, конечно.

- Так вы что, не верите тому, что там пишут?

- Верю, конечно. Но вы же спрашиваете мое мнение о
том, с чем я абсолютно незнаком. Дайте мне почитать эти кни-
ги Солженицына, тогда я совершенно искренне скажу вам свое
о них мнение.

Ушла от меня мадам, несолоно хлебамши. А ведь читал
я и «Раковый корпус», и «В круге первом»! Читал и удивлялся,
что в них не так? Чем они хуже «Одного дня»?

А «Раковый корпус» даже чуть-чуть соцреалистичен,
так и зовет в даль светлую: наступила весна, пришло здоровье
(читай, кончилась сталинщина, началась хрущёвщина). Чем не
гимн?

Переменчива жизнь, динамична: вчера это было прав-
дой, сегодня то же самое стало ложью, вчера тебя хвалили за
то, за что сегодня бьют...

И вообще, кто-то очень метко сказал: Россия – это страна с непредсказуемым прошлым...

Михаил Сергеич... Ушаков

Когда мы с Таней поженились, и она переехала в Москву, я уверял ее, что с детским садиком для ее дочки Кристины трудностей не будет – я все легко улажу. Но... В жизни очень часто казавшиеся пустяковыми проблемы оказываются почти неразрешимыми. И в этом я лишний раз убедился, пытаясь устроить Кристину в детсад.

Ходя по окрестным садам, я обнаружил, что один из них принадлежит почтовому ящику, в котором я какое-то время был консультантом на полставки и где у меня даже было три защитившихся аспиранта. Бывший мой аспирант, Слава Пеннин, работавший в том НИИ начальником отдела, организовал письмо-поддержку от руководства предприятия. С этим письмом в детском садике меня приняли благосклонно и дело было сделано. У нас Таней завязались очень хорошие отношения с воспитательницей, которой, к тому же, Кристина нравилась своим спокойным нравом.

Потом мы переехали совсем в другую часть Москвы, Кристина стала ходить в другой садик, но в этом садике не было летней дачи. Оставлять ребенка на лето в душной и пыльной Москве нам не хотелось.

Я позвонил той самой знакомой воспитательнице из прежнего сада, и та посоветовала придти и попросить лично директрису об одолжении, сославшись на то, что Кристина раньше ходила в тот садик. Я спросил, что директриса любит из цветов. Оказалось, красные розы.

Было начало горбачевской эры: перестройка и, как ее там? Ну, да – гласность... Михаил Сергеич без предупреждения и без свиты появлялся в самых неожиданных местах, завоевывая себе славу эдакого партийного Робин Гуда. (Эти детали очень важны для дальнейшего повествования.)

Здесь уместно сделать небольшое отступление. Советская пропаганда раскрутилась: по телевидению очередной вождь «всёя Руси и ея окрестностей» пошел крупным планом и на полную катушку, в газетах замелькали портреты... (Кстати, в

газетах фотоснимки ретушировали, убирая «дьявольское клеймо» – известное всему миру родимое пятно на челе Горбачева.) Однажды вечером, когда мы смотрели последние известия по телику, подошла Кристина и сказала Тане:

- Мама, давай сделаем наши снимки тоже...

- Зачем?

- А тогда нас, как папу, будут тоже по телевизору показывать!

Мне и раньше говорили, что я чем-то смахиваю на Горбачева (внешне, конечно). Но теперь уже «устаами младенца глаголила истина!» Конечно, это нас с женой развеселило, но мы и не подумали, чем такое сходство может для нас обернуться.

Вернемся к истории с детсадом.

Я попросил своего аспиранта, Толю Смирнова, помочь мне в проведении операции «Захват детского сада». Сами понимаете, профессор был безлошадный, а у аспиранта хоть и скромненький «москвичонок», но был!

Детский сад тот был в районе метро «Аэропорт». Приехали сначала на Ленинградский рынок за цветами, но прежде, чем их покупать, я решил проверить на месте ли детсадовская директриса, а то купишь цветы, а ее нет! (С деньгами-то всегда был напярэг – что их зазря-то изводить?) Я позвонил из автомата.

- Валентина Васильевна?» (Допустим, так завали ту даму.)

- Да-а, слушаю вас...

- Здравствуйте, я звоню узнать, пробудете ли вы на своем рабочем месте еще минут 30?

- Да-а... Конечно... Я весь день на работе.

- Спасибо! – И я повесил трубку.

Купил я пяток шикарных красных роз на толстых стеблях, не меньше, чем по тройку за штуку. Сели мы в машину и помчали к детскому саду, который был минутах в пяти езды. Толю я попросил встать за углом, чтобы не маячить на глазах со своим замызганным драндулетом, а сам такой важной походкой направился к двери детсада. Одет я был официально – пиджак, галстук. Ни дать, ни взять – отвработник, а не заптатный профессоршка.

Вхожу, спрашиваю, где кабинет директора, мне показывают, я интеллигентно стучусь в дверь, вхожу. Навстречу поднимается дородная женщина, смахивающая на Татьяну Доронинову. Поздоровались по-коммунистически, за руку (она первая сама протянула руку).

Протягиваю цветы:

- А это вам!

- Ой, что вы, что вы!..

И тут меня почему-то понесло, то ли от страха, что все сорвется, то ли от смущения, что пытаюсь так дешево купить совслужащую за такую большую с ее стороны протекцию.

- Ну что вы, не беспокойтесь! У нас даже партия и правительство не считают цветы за взятки!

- Ах, какие прекрасные цветы! Где вы такие нашли? Наверное, в вашей специальной оранжерее?

- Нет, нет! Цветы с Ленинградского рынка. – Сказал я.

Она так хорошо, по-русски засмеялась низким грудным голосом – вот ведь, какой шутник – с рынка цветы!

- У меня к вам одна небольшая просьба...

- Конечно, конечно! О чем может быть разговор? Для ВАС мы все сделаем! – Сказала она, акцентируя на слове «вас».

- Моя дочка ходила в ваш сад в прошлом году...

- А как ее фамилия? – с лукавой улыбкой спросила директриса.

- У нее не моя фамилия. У неё фамилия – Малевская.

- Ах, ну как же, как же! Я помню девочку! – Соврала директриса.

- Я хотел бы попросить вас на это лето взять ее на вашу дачу. Уж очень было там дочке хорошо!

- Нет вопросов! Для ВАС... Вы можете пойти в группу и воспитательница даст вам список необходимых вещей...

Я зашел в группу, поблагодарил знакомую воспитательницу за «цветочный совет», взял список вещей и пошел на выход. Около выхода на улице стояла шеренга грудастых баб, выпятивших свои и без того выпяченные бюсты, как жерла орудий... Все в белых халатах, аккуратно застегнуты. Директриса на полшага впереди с красным зна... пардон, букетом.

Я вежливо прощаюсь, недоумевая, а они вдруг почти в один голос:

- Спасибо за визит! Приезжайте еще!

Тут до меня дошло! Я вспомнил реплику Кристины. Так вон в чем дело!

Стараясь не упасть от смеха, я с трудом дошел до угла, завернул за него и буквально упал на капот Толиной машины. Толя, ничего не понимая, помог мне, скрючившемуся от истерического смеха, сесть в машину. Мы выехали на Ленинградское шоссе, а у меня еще смеховая истерика не кончилась. Когда я рассказал, наконец, что произошло, Толя упал на руль, съехал к обочине, затормозил и хохотал до слез...

* * * * *

Конечно, на этом приключения с моим сходством с Горби не кончились. Опишу еще несколько эпизодиков без особых деталей.

Однажды сел я в такси. Шофер косится на меня, а потом спрашивает:

- Извините, а вы знаете, на кого вы похожи?

- Знаю, знаю... Не бойтесь, я – это не он.

* * * * *

Зашел я однажды в овощной магазин около дома, посмотреть, как говорится, «чего там нет». Как всегда, полки – шаром покати. Ну, картошка, свекла да кое-какая гниль. Подошла моя очередь, я говорю продавщице – такой разбитной среднерусской бабенке: «Ну, что ж у вас совсем никакой зелени-то нет? Вы бы хоть на улице одуванчиков нарвали!»

А видимо и в тембре голоса у меня есть что-то этакое генерально-секретарское. Она как-то засуетилась и зачатила:

- Вам бы утречком надо было придти... У нас помидорчики были...

- Да утром-то я на работе.

- Ну, я для себя тут несколько штучек оставила, давайте поделюсь.

И тут она – бац! – из-под прилавка три здоровенных спелых-преспелых помидорища на весы, я и охнуть не успел.

В очереди зароптали:

- А нам, а нам!..

- Я из своих дала! Это наш заслуженный и постоянный покупатель!

Я вышел из магазина и подошел к Тане, которая с Кристиной ждала меня, пока я отоваривался в магазине. В это время из дверей магазина вышла та самая продавщица с двумя мужиками-подсобниками. Она что-то шептала им, показывая своим подбородком в мою сторону. Я опять чуть не упал со смеху!

А хорошо, все же, быть похожим на кого-нибудь из живых великих - никогда без помидоров не останешься в неурожайную пору!

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Докторская

Вперед и выше!.. Выше и вперед!.. Что за дурацкая манера не останавливаться на достигнутом? Я ведь лез по трещинам гранита науки вверх не за славой, не ради самоутверждения и даже не за деньгами. Это было что-то напоминающее восхождение альпиниста: а что за этим навесом? а что за тем поворотом?

Какое там самоутверждение, что ли? Или просто спортивный азарт?

Честно говоря, только защитив докторскую диссертацию, я почувствовал себя наконец-то кандидатом! А лишь получив диплом профессора, почти через пять лет, без особых угрызений подписывал бумаги «Доктор технических наук...» Видимо, дело даже не в комплексе неполноценности, которым я страдал с детства, а в том, что я все это время был в команде, которая была на голову выше меня профессионально. Я был да и чувствовал себя все время учеником.

Но вот решил я, следуя чьим-то советам, защищать докторскую по совокупности работ: благо настроил к тому времени и пару книжек, и статей сотни две. В нашем институте появился тогда новый энергичный директор – кандидат технических наук Владимир Сергеевич Семенихин. Он меня поддержал – как я уже писал, редкий случай, когда директор выпускает на защиту подчиненного раньше себя!

Я, прочитав инструкции ВАКа, попросил Семенихина:

- По инструкции, мне можно просить трехмесячный творческий отпуск для написания докторской, я прошу только два...

- Хорошо, Игорь, даю тебе один. Тебе и этого много!

Владимир Сергеевич оказался прав: сляпал я доклад для защиты по совокупности страниц на 100 недели за две. Настало время получать разрешение в ВАКе на защиту по совокупности. Пришел я к соответствующему начальнику какого-то отдела. Тот полистал мои бумаги, посмотрел список трудов и спросил:

- Сколько вам лет?

- Тридцать три...

- Так, значит, возраст Христа... Пора, пора уже и на крест... А кто вы по должности?

- Начальник лаборатории...

- А все эти статьи и книги вы сами написали?

- Конечно!..

- Так вот, молодой человек, у нас защищают по совокупности только большие начальники, которые не могут диссертацию написать. Да и защищают они по совокупности чужих трудов – хи-хи, – а не своих! Забирайте-ка свои документы и пишите диссертацию.

Ушло еще месяца два, написал я диссертацию. Действительно, это было несложно: известный метод «ре-кле» (резать-клеить) с использованием оттисков статей при уже готовой структуре подготовленного доклада по совокупности сработал удачно. Осталось получить согласие ВАКа на расширение Ученого совета нашего Института до докторского, поскольку у нас был только кандидатский совет.

Я старался вовсю. Обзвонил всех знакомых докторов, подходящих по профилю. Были здесь многие «киты» и среди них даже членкоры и республиканские академики (пишу в алфавитном порядке): Н.П. Бусленко, Е.С. Вентцель, Б.В. Гнеденко, И.Н. Коваленко, Б.Р. Левин, А.М. Половко, В.С. Пугачев... Такой букет!

Гордый поехал я в ВАК на утверждение расширенного совета. Но ВАК – заведение весьма специфическое. Сначала сами же посоветовали расширить совет, а когда я принес спи-

сок на утверждение, сказали: «А зачем же расширять совет? По вашей специальности уже есть совет в Академии Дзержинского!»

Нужно сказать, что Семенихин и здесь помог мне: Академия была в числе тех, с кем мы работали (мы делали аппаратуру, а они готовили кадры для работы с ней). Он позвонил куда надо – и дело было в шляпе!

В Академии была обязательная процедура для соискателей: нужно было обойти всех членов совета со своей диссертацией, ответить на их вопросы (которые, как правило, не возникали), получить автограф на опросном листке. Когда все подписи были собраны, Ученый совет назначал дату заседания.

Сложности у меня возникли только в связи с марксистско-ленинским учением. Заведующие трех кафедр: Основ марксизма-ленинизма, Истории партии и Политэкономии потрошили меня втроем. Просмотр диссертации начался по арабско-иудейскому принципу – с последней страницы.

- А где у вас ссылки на какие-либо работы по марксистской философии?

Я радостно показал им свою статью, которую напечатали аж в «Вопросах философии» – совершенно партийном журнале! Но не тут-то было!

- Где у вас ссылки на классиков марксизма-ленинизма?!

- Но ни Маркс, ни Ленин не занимались вопросами надежности аппаратуры...

- Марксизм-ленинизм – это всеобъемлющее учение!!! Учтите, что мы все трое будем голосовать против вас на Ученном совете!

Замечу, что так оно было: счет был то ли 26, то ли 27 «за» и 3 «против».

В целом же народ в Академии Дзержинского был весьма доброжелательный. Я провел там около недели, в большой комнате, набитой до отказа – там сидело человек десять, но мне выдали отдельный стол, за которым я мог что-то готовить к очередному «собеседованию». Вот оттуда я сделал звонок Начальнику Академии маршалу Одинцову, от которого (конечно, от звонка, а не от маршала) надорвали животики все сидевшие

в комнате офицеры, а потом рассказы об этом ходили по всей Академии.

Звоню я Начальнику Академии по «прямому проводу» от начальника кафедры: «Алё... Алё... Это товарищ маршал? Здравствуйте, с вами говорит Ушаков Игорь Алексеевич...»

Всем это напомнило анекдот о том, как Министр обороны принимал парад на Красной Площади. «Здравствуйте, товарищи!» - «Здра... Жла... Тва... Аршл!» и так насколько раз от различных родов войск. Наконец, дошло дело до КГБ. «Здравствуйте, товарищи!» – «Здрасьте, здрасьте, товарищ маршал...»

Одинцов оказался очень приятным стариканом, даже о чем-то не относящемся к делу меня расспрашивал. Словом, слуга секретарю, отец солдатам.

Пришло время заседания Ученого совета. Полный сбор, кроме марксистов-ленинистов. Маршал Одинцов, который, естественно, был председателем Ученого совета Академии, спросил меня, сколько мне понадобится времени (можно было просить до 40 минут). Понимая, что в военной организации нужно быть предельно точным, я попросил 28 минут, вызвав улыбку своей точностью даже у маршала.

Защита прошла с блеском. Я начал барабанить как дьячок на паперти, щелкая один за другим слайды на проекторе. В записки свои заглядывал только для того, чтобы не сбиться с генеральной линии. Маршал заснул при первых же моих словах и мирно, но довольно громко, посапывал. Я вел контроль времени. Диссертация получилась пухлая, 12 глав. Я не укладывался... Но что может быть дороже принципов? На исходе 26-й минуты, даже не закончив обзор 10-й главы, я объявил: «Перехожу к заключению». Тут я взял в руки текст и зачитал заключение (так полагалось в Академии), после чего по-солдатски браво завершил: «Доклад закончен, товарищ маршал!»

Одинцов встрепенулся, открыл глаза и посмотрел на часы – засек-таки время, а может и не спал вовсе, а играл роль? «Молодцом! Уложился точно, как обещал – 28 минут!» Вот тут-то я понял, что все завершилось для меня благополучно!

Потом пошли выступления оппонентов. Команда у меня была «Четыре КО»: ГнеденКО, ПоловКО и КоваленКО –

оппоненты и БусленКО – головная организация. Не было на “КО” только КОгана, но его заменял Борис Рувимович Левин.

После официальных выступлений в коротких прениях выступили Левин и Шор, а также кто-то из местных (необходимо для протокола).

Несколько слов о Левине. Мне везло на хороших людей. С Борисом Рувимовичем я познакомился на той самой конференции по надежности в декабре 1959 года, где я выступал впервые в моей жизни. Был он старше меня лет на 12-15, но это не помешало нам подружиться. Вернее, он выступал моим старшим товарищем и в некотором смысле опекуном. Пару раз мы ездили вместе на какие-то иногородние конференции, он приглашал меня в гости, когда мы с ним писали обзор работ по надежности – пожалуй, первый подобный обзор то время.

После защиты, как и положено, был банкет в гостинице «Москва». Тамадой, естественно, был Анатолий Михайлович Половко. Внешне и по манере говорить он был копия Тарапунько (тот, который со Штепселем), артистичный, с большим чувством юмора. Говорить он умел! Жаль, что он ушел с банкета раньше, чтобы успеть на «Красную стрелу» в Ленинград.

Где-то через час появился Семенихин, чем меня поразило: не думал, что такой занятой человек придет. К тому времени почти всё уже выпили, я бросился заказывать еще, но он остановил меня, сам себе налил из разных бутылок в фужер какой-то коктейль из водки, вина и коньяка и произнес какой-то очень теплый тост. Он сидел рядом с моей мамой и говорил ей какие-то комплименты.

Народу было человек 60, было много моих друзей из НИИ АА. «Киты» ушли довольно быстро, но тем не менее, почти все были. Ведь после заседания Ученого Совета в Академии Дзержинского можно было пешком прогуляться до места банкета за каких-то 15-20 минут.

Вэра... Надежда... Лубоф...

Я уже писал про конференцию в Цахкадзоре, где я познакомился с одним из своих аспирантов. Там же познакомился я, причем на том же футбольном матче, с другим своим аспирантом – Ашотом.

После футбола пошли мы окунуться в бассейн. Молодой мальчик фасонно нырнул, а когда вынырнул... оказался без трусов! Он был сильно близорук, а вода к тому же была не слишком прозрачна и забита осенними листьями. Все стали нырять в поисках Ашотовых трусов. Мне повезло – я их нашел. Конечно, пошли обмыть (но весьма умеренно – завтра начало конференции).

Утром выяснилось, что Ашот выступает на моей секции. Кончилось тем, что он попросился ко мне в аспирантуру. И как всегда, я не отказал.

Я уже говорил, что никогда не отказывал, может, поэтому у меня и защитилось так много аспирантов, хотя работал я в обычном почтовом ящике, а не преподавал в ВУЗе. Сейчас я и сам удивляюсь, скольких удалось «вырастить» – более полусотни. В основном – москвичи, но были аспиранты из Киева, Ташкента, Кишинева, Еревана, Тбилиси, Днепропетровска, Баку, Фрунзе, Алма-Аты... И даже трое из Болгарии. Десять человек (а может, уже и больше?) стали докторами наук.

Ашот был одним из трех моих армянских аспирантов.

Однажды приезжает он в Москву, звонит мне и, спустя какое-то время, является с двумя бутылками коньяка и с огромной корзиной фруктов. Собирается оставить все это и уйти. Я ни в какую – забери обратно! Он тоже ни в какую – обидишь смертельно! (Были мы с ним после ловли трусов в бассейне «на ты».)

Я сказал ему: «Ашот, ты мой аспирант. Ты не должен этого делать. Вот защитишься, станем взаимно независимыми, можешь тогда придти, принести мне ключи от машины и сказать, что, мол, Игорь, машина твоя стоит у подъезда. И я даже не откажусь – это будет подарок, а не взятка. А сейчас – нет».

Он так расстроился, что пришлось искать компромисс:

- Ладно, садись, будем пить вместе. И фрукты будем есть.

- А твоим детям?

- Ну, хорошо, детям отложим заранее, чтобы все не съест.

По части выпивки я был покрепче, поэтому вскоре уложил Ашота на диване до утра. С тех пор он приезжал только с тем, что мы вдвоем могли осилить без осложнений за вечер.

* * * * *

Эчмиадзин. После крещения дочки Ашота (автор с ней в центре)

У Ашота дома в Ереване после защиты, его отец сказал: «Теперь ты мне за старшего сына. Твое место будет здесь!» – и усадил меня по правую руку от себя, а Ашота пересадил по левую руку.

Этим мои почести в этом доме не кончились. Когда у Ашота родилась дочка, то он попросил меня быть ее крестным отцом. Я согласился, но как-то в рабочей запарке все не получалось приехать в Ереван. У Ашота родилась вторая дочка! И опять звонки и письма: «Приезжай! Некрещенные армяне – это те же турки. Нужно крестить. Отец настаивает, что только

ты можешь быть их крестным».

Приехал я в Ереван, когда младшей девочке было около года, а старшей не было и трех. Торжественно всем семейством поехали в Эчмиадзин.

Почему-то в святая святых пустили только меня, вооруженного парой золотых нательных крестиков, с двумя моими крестницами – Анной и Марианной. Одну я нес на руке, а другую держал за руку. Вел нас молодой благообразный попик с жидень-

кой бородашкой, в черной сутане. К несчастью, старшенькая споткнулась, упала, расшибла коленочку о натесанные плиты каменного пола, горько и громко зарыдала. Ей из солидарности, наверное, стала вторить и младшая. С трудом успокоил их обеих. И вот мы около большой вазы, наполненной каким-то растительным маслом. Попик обмакнул свой указательный перст в масло и начертил девочкам по четыре креста: на лбу, на щеках и на груди под подбородком. Потом он обратился ко мне со словами: «Вэра...»

Я был я в полном смятении. Что ответить? Что я – атеист? Что я – еще хуже – член партии?

Может, соврать, что я православный? Я же ведь в принципе религию уважаю, вот просто не верю, не сподобился... Тут опять раздается голос попика: «Вэра!..» Я уже готов был во всем покаяться, но тут снизошло Божье благоволение:

- Пафтаряй за мной – вэра...
- Вэра...
- Надэжда...
- Надежда...
- Лубоф...
- Любовь...

Господи милостивый! И это все, что требовалось? Я готов был пасть на колени, да вот малютка на руках мешала мне это сделать.

Вот так я получил еще двух дочек, крестных, но вполне законных...

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Как я уехал в Штаты всего на полгода...

Однажды в 1987 году получаю я персональное приглашение приехать в Нью-Орлеан на конференцию Американского общества по исследованию операций с обзором моих собственных работ по теории надежности. Я аж возгордился: обзор собственных работ! Вот это да! Это не хухры-мухры...

Все расходы берет на себя приглашающая сторона. Конференция в мае, приглашение получаю в марте. Совсем америкашки сбрендили со своей свободой и демократией! Мне

и полугодом мало, чтобы оформиться. Я отвечаю, что мол, ребята, давайте приглашайте меня на следующий год, но приглашение присылайте прямо сейчас.

Прислали приглашение на ВЦ Академии наук, где я тогда работал. Иду в отдел этих двусмысленных «внешних сношений» (до отдела «внутренних сношений» никто, по-видимому, не догадался). А мне там отвечают:

- Не можем вас послать – вы носитель отечественных секретов, поскольку работали в почтовом ящике.

- Да это ж было больше 10 лет тому назад!

- Ничего не знаем.

- Но я оттуда ездил и в Канаду, и в США, и в Японию, и во Францию, и в Италию, и в Англию!..

- Ничего не знаем. У них были их секреты, они вас и посылали. А у нас это *их* секреты, и мы вас не пошлем.

Пришлось идти в Президиум. Благо там работал заместителем академика-секретаря Отделения механики и процессов управления мой хороший знакомый – Гена Савин. Объяснил я ему все. Пошли в какие-то «инстанции». А там говорят: «Деньги-то у нас есть на вас, но послать вас одного все же мы не можем – ведь все же Америка. Страшно за вас! А вот на второго командировочного – вам в пару – денег просто нет». Тут мы с Геной покумекали и решили: те деньги, что в Академии есть на меня, пусть пойдут на Гену, а я поеду на американские деньги: и все вопросы решены – и денег хватает, и еду я не один!

Так и сделали: поехали вместе. Выступил я на конференции. Подошел ко мне некто (оказавшийся заведующим кафедрой «Исследования операций» Университета Джорджа Вашингтона) и предложил мне приехать на полгодика почитать лекции у них. Я согласился, хотя как-то и не поверил, что это реально. Тут меня Гена подбодрил, мол, давай-давай, помогу!

После конференции мы с Геной слетали по приглашению в Питтсбург на пару дней к Тому Саати, где в Университете выступили перед студентами, за что нам даже что-то заплатили. Потом уже один я слетал в Таллахасси во Флориду к Фрэнку Прошану, а потом в Калифорнию – к Ричарду Барлоу в Беркли и к Тэду Андерсену – в Стэнфорд. Все эти поездки мне оплатили приглашавшие университеты. Тогда русские бы-

ли в диковинку, а американцы еще были безгранично богаты – всё же «холодная война» дешевле двух горячих!

Прошел почти год. В начале мая я получаю письмо из Университета Джорджа Вашингтона: дайте ваше письменное согласие на чтение лекций, мы пришлем вам форму, вы ее заполните, а мы пришлем вам официальное приглашение. Прибыть в Вашингтон надо было в середине августа. Конечно, я никак не успевал. И тут опять помог Гена Савин.

Он помог оформить мне командировку якобы за счет приглашающей стороны, т.е. мне были только билеты куплены за наши родные деревянные рубли, никакой валюты тратить было не нужно. Уже в конце мая я «спускался с трапа самолета» в Вашингтоне, а по-современному, шел по кишке, соединявшей самолет со зданием аэропорта. Встречал меня Роберт Макол, мой старинный американский друг, с которым мы были на многих конференциях ИФОРСа и которого однажды с его женой я «пас» в Москве.

Остановился я у Боба Макола. В его квартире была изолированная «гостевая», даже с отдельным входом. Жил я на полном пансионе, да по-другому было бы и нельзя: денег у меня не было совершенно, вот уж действительно, ни копейки. Взять займы я постеснялся, хотя это бы не вызвало никаких затруднений. Как идиот, в июньскую вашингтонскую влажную жару ходил в Университет пешком около 40 минут, иногда по два раза в день. Приходил с огромным потным пятном на светлом пиджаке, поэтому стал носить его на пальце, забросив за спину, чтобы закрыть мокрое пятно на рубашке...

Но зато удалось все процедурные вопросы вместо затяжной переписки решить за два дня! Приглашали меня на семестр, обещали хорошие деньги – около 25 тысяч долларов без налогов! Я спросил:

- А нельзя ли меня пригласить на год?
- Нет, для приглашения вас на год у нас нет денег.
- Да дело не в деньгах. Пусть формально приглашение будет на год, а деньги те же. Через полгода я уеду.
- А какой же в этом смысл?
- Тогда я смог бы приехать с женой...
- А вы приезжайте и так с женой, кто вам мешает?

- Дело в том, что если загранкомандировка меньше, чем на девять месяцев, то с женой у нас не пускают...

- А при чем здесь девять месяцев?

- Видите ли, женский организм...

И я прочел им кратенькую вводную лекцию по акушерству и гинекологии.

Восторженному удивлению американцев не было предела. Но приглашение мне оформили так, как я просил – на год.

Вернувшись в Москву, я сразу же начал оформляться в Америку с Таней. На Родине мы оставляли заложников – всех наших четверых детей.

Летели мы престраннейшим образом, как у нас раньше говорилось, «через “Ж” на Пензу»: Москва – Шеннон (Ирландия) – Гавана (Куба) – Мехико Сити – Сан-Франциско – Нью-Йорк – Вашингтон. Эва как! А вышло это очень просто. Я решил на советские тутрики купить билет Москва – Вашингтон – Сан-Франциско, чтобы навестить друзей в Сан-Франциско. Но, конечно, билетов Москва – Вашингтон не оказалось... Тогда я сел у дамы, которая была главная билетчица, и сказал шутя:

- Мне у вас нравится. Я от вас не уйду, пока не дождусь нужных мне билетов. Мне лететь позарез нужно!

Иногда у меня шутки бывают настолько дурацкие, что люди их не понимают. Эта дамочка тоже перепугалась, что я пришел навеки поселиться, и тут же нашла выход:

- А вам обязательно нужно сначала в Вашингтон, а потом в Сан-Франциско?

- А что?

- Я могу вам сделать билет в Вашингтон через Сан-Франциско. Но только в Вашингтон из Сан-Франциско придется лететь через Нью-Йорк.

Воистину на Руси аппендицит вырезают через жопу!

Я согласился (не на операцию аппендицита, а на билет, конечно).

Через полгода мне американцы продлили контракт еще на полгода с полной оплатой. К концу первого года продол-

жили контракт еще на год (предельный срок для визитинг-профессора). Тогда Таня съездила в Москву и забрала Кристину. Уже и это стало возможно! (Дай вам Бог здоровья, дорогой Михаил Сергеевич!)

Потом у меня была операция на сердце и необходимость пробыть под наблюдением врачей в течение года. Потом первая работа в Америке. Потом... Ну, а уж после «второй русской революции» как-то и мысли о возвращении пропали: на «новых русских» не тянем, а старые русские – никому не нужны, своих стариков хватает на Руси!

Я уж даже и не знаю, как я благодарен Гене Савину (ныне академику РАН) за то, что он так помог мне в свое время и советом, и делом!

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Слава обретает себя

В школе Слава как-то себя не нашел. Математика была для него китайской грамотой, русская грамота была ближе, но не настолько, как хотелось бы. Про химию и физику я молчу. И вдруг оказалось, что он очень здорово рисует!

Сначала отдали его в художественную спецшколу (класс в пятом, кажется). Конечно, по блату: там преподавала рисование жена Юры Конёнкова. Но оттуда Слава ушел: все его одноклассники, которые учились в этой школе с первого класса, смеялись над его ошибками и неумением делать некоторые простые вещи.

Я не сдавался. Устроил его в художественный кружок при ЖЭКе прямо через дорогу от дома. Там он прижился, стал быстро продвигаться вперед.

Увидев его успехи, я через работавшую во ВГИКе жену Михаил Михайлыча Лопухина, о котором я тоже уже писал, нашел Славе профессионального художника-учителя – Игоря Тихонова. Это был художник классической школы, Слава ездил заниматься к нему раза два или три в неделю, и многому от него научился.

Получив домашнее задание на лето рисовать, Слава вдруг вдохновился. Заметив его рвение, я решил вывезти его «на пленэр». Мы собрались и поехали в Ниду, где нам подыс-

кали квартирку уже известные вам Христаускасы. Заехали сначала в Каунас, прошли все тамошние замечательные художественные музеи. Музей современного искусства по коллекции французских импрессионистов там был, пожалуй, третьим в Союзе после Эрмитажа и Пушкинского. На меня там произвел большое впечатление французский фовист Жорж Руо, одну картину которого, изображавшую какой-то крестный ход с хоругвями, помню отчетливо до сих пор.

Свозили нас гостеприимные хозяева в Тракай, потом отвезли в Нида. Там, чтобы поддержать Славу, я начал с ним рисовать. Я никогда не писал маслом, Слава показал мне, как смешивать краски, как их правильно класть на холст. Рисовали

**Тракайский замок
(холст, масло)**

мы вместе, увлеченно, весь день напролет, прямо тебе, Гоген и Ван Гог!

Мне казалось, что его живопись страдает чрезмерной скрупулезностью, сверхреализмом. Мне казалось, что если он будет рисовать быстрее, то у него будет лучше получаться. Пред-

ложил ему рисовать наперегонки. На детали не оставалось времени, но композиция и мазок – улучшились (или мне так казалось, потому, что именно этого я и хотел от него).

Память той поездки – несколько наших картинок, которые висят сейчас на стенке в нашей сан-диеговской квартире... Среди них Славин моментальный этюд «Стог сена» сделанный им буквально за считанные минуты, когда мы ехали в поезде из Каунаса. Стог сена за окном поезда буквально промелькнул, но Слава успел схватить что-то неуловимое: в том рисунке и экспрессия, и смелость мазка, и импрессионистичность красок... Это был, по-моему, первый его отход от «шишкинизма».

Из моих картинок сохранился Тракайский замок, рисованный в Ниде по памяти, вернее, по скороспелым карандашным наброскам. Его я нарисовал в стиле Руо на спор со Славой за 20 минут, потому о качестве не говорю. Тем не менее, и этот этюд оказался на стенке в нашей домашней галерее.

ПРО СЕБЯ

Отступать некуда – позади морква...

Одной из особенностей советской науки были непрерывные посылки «доцентов с кандидатами» на сельхозработы на поля нашей бескрайней и беспредельной Родины... Правда, Владимир Высоцкий не сказал всей правды (размер стиха не позволял): посылали не только доцентов с кандидатами, но и докторов с профессорами, а порой не брезговали и членкорамми.

И вот в один прекрасный день сотрудников столь же прекрасного Вычислительного центра не менее прекрасной Академии наук послали в какой-то совсем распрекрасный совхоз собирать морковку, к которой, правда, упомянутый неоднократно эпитет уже не подходит. Привезли нас на место, обрядились мы в резиновые сапоги, которыми были несомненным проявлением заботы партии и правительства об ученых «энтузиастах».

Как убирают морковку? Наклоняются – дергают, наклоняются – дергают, наклоняются – дергают... И так до полного потемнения в глазах или до естественных сумерек. А уж тащить корзину с морковью к машине – считай подарок судьбы, хоть, спина отдыхает!

Дома вечером выпили мы с зятем по доброму стопарику водки и пошли смотреть футбол по телевизору. Только что-то у меня на поле все время два мяча... Думаю: и выпил всего-ничего, а повело! Да и какая-то усталость обрушилась... Извинившись перед домашними, я пошел спать и заснул моментально мертвецким сном...

И вот на следующий день на работе почувствовал я себя как-то неважнецки, да и с глазами было что-то «не того». Во второй половине дня я решил все же поехать домой – очень уж было не по себе. Вышел на улицу, «голосую» – мне до дома на

леваке ровнехонько «рубль плюс спасибо». Останавливается «москвичонок», открывается дверь... Нет, не дверь, а две двери! Не понимая ситуации, я пытаюсь определить, какая из них настоящая, но в результате стучаюсь в дверь животом. Водитель, видимо, решив, что я пьян настолько, что даже и влезть в машину не могу, срывается с места и уезжает.

Все же до дома я доехал – наплась добрая душа – и, пройдя мимо озадаченной Тани, быстренько разделся и плюхнулся на кровать. Проснулся я только утром, стал звать Таню, она вошла в спальню и как-то странно смотрела на меня, когда я ее о чем-то просил. Как она мне потом сказала, у меня было перекошено лицо и говорил я очень невнятно. Она у меня человек с мгновенной реакцией на критические ситуации: тут же звонок в академическую поликлинику моему лечащему врачу, через полчаса врач уже у нас. Для осмотра и диагноза не понадобилось и пяти минут – микроинсульт. Она тут же звонит в «скорую», через каких-нибудь час-полтора «скорая» приезжает. За это время происходит примерно такой разговор:

- У вас нет возможности устроить мужа в хорошую реанимацию?

- В реанимацию?!

- Только в реанимации окажут быструю и эффективную помощь. У нас в академической клинике реанимация отвратительная...

Жена вспоминает, что муж моей сотрудницы Наташи Новиковой работает в Первом мединституте. Она звонит Наташе, та дает телефон мужа, и уже через пару минут Миша, муж Наташи, на проводе и – вопрос решен. О благословенный советский блат! Сколько раз он выручал в совершенно «глухих» ситуациях! Вот уж во истину «не имей сто рублей!»

А вот уже появились и два медбрата с носилками. Я пытаюсь невнятно промычать, что я, мол, сам дойду, на что получаю строгую отповедь врача, меня кладут на носилки и запикивают в машину. Тане разрешают поехать со мной, так как она одна знает, как найти Мишу, который знает, как найти реанимацию и, более того, знает того, кто меня должен «оприходовать».

И вот я уже в приемном покое (кажется, это так называется? или это уже в морге?). Там меня, как и положено, раздели догола, сняв даже обручальное кольцо (наверное, чтобы не помешало при кремации), сделали какой-то укольчик и, как мне показалось, про меня забыли вообще...

А за отделявшей меня от остального мира занавеской тяжело вздыхала какая-то женщина... Укол стал на меня действовать... Голова поплыла... Навалилась какая-то тяжесть, под грузом которой я провалился в небытие...

Утром (значит, проспал я чуть ли не сутки!), когда я проснулся, было тихо. Вскоре пришел медбрат, которого я спросил, как дела у моей соседки.

- Она уже в морге. – Ответил тот совершенно без юмора, делая мне какой-то очередной укол. – Вас скоро переведут отсюда...

Мне ничего не оставалось, как только спросить:

- Туда же? – На что тот хмыкнул и ушел.

Лежать было тоскливо и холодно. Я решил посочинять стихи. О чем думается в такие минуты? Естественно, о Боге. Поскольку под рукой не было ни бумаги, ни карандаша, я решил писать поэму, в которой рифмовались бы не строчки, а буквально слова – так легче было запоминать наизусть с моей совершенно неприспособленной для заучивания стихов памятью.

Так была начата поэма «Житие Сына Человеческого»...

Церковь Иисуса Христа Святых последних дней.

Переехав в Сан-Диего на работу в QUALCOMM, я сначала снимал комнатку в каком-то весьма занюханном райончике (правда, «занюханность» надо понимать в американском смысле, по российским меркам это был чистенькая – если не чересчур чистенькая – окраина города). Жил я один, поскольку Таня с Кристиной оставалась в Вашингтоне до конца Кристиного учебного года. Я к их приезду должен был подыскать приличное жилье. Нашел я неплохое вроде бы местечко – рядом два торговых центра, не очень далеко школа, да и до работы на машине – минут двадцать.

Дом стоял на пересечении двух улиц, название которым придумал, видимо какой-то хохмач: одна – Нобел, а вторая Ле-

бон. Этакие названия перевертыши. Ну, Нобеля все знают, а некоторые даже имеют премию его имени, а вот Лебон... Был, правда, французский психолог с такой фамилией, но не думаю, что о нем хоть кто-нибудь слышал в Америке.

Снимали мы квартиру как раз на перекрестке, почтовый адрес у нас был по улице Нобел. Когда же мы созрели до покупки собственного жилья, то купили себе небольшую уютенькую квартирку, как раз напротив того дома, где снимали, но уже по улице Лебон.

Так, переехав перекресток, мы оказались на улице Лебон. Все бы ничего да вот иногда приходят из Европы письма с адресом Ле Бон – с таким миленьким французским прононсом, а из России – с адресом Л'Ебон, что, видимо, ближе нашим родственным российским душам...

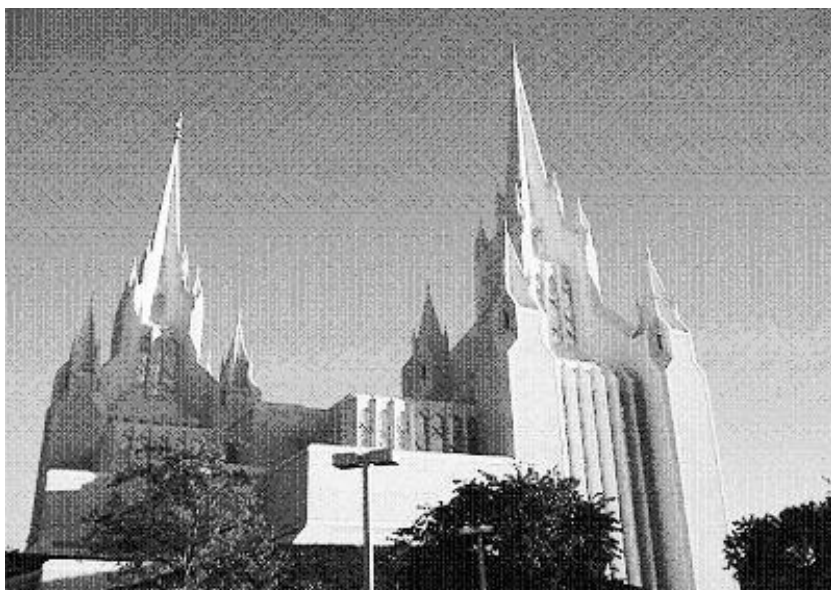
Но дело, конечно, не в этом: одна эта хохма – еще не повод для написания рассказика.

А дело было вот в чем: около нашего дома, буквально в сотне метров возвышался величественный мормонский храм, похожий больше всего на дворец какого-нибудь Гудвина Ужасного из безвкусовой голливудской «страшилки» – два белых остроконечных шпиля втыкались будто два шприца в невинно-голубую задницу неба. На более высоком шпиле стояла еще позолоченная фигурка, более всего напоминавшая Павлика Морозова с пионерской трубой...

Буквально в один из первых же дней после переезда мы с Таней решили пойти посмотреть храм Божий. Я так страсть как люблю во всяком новом месте побывать в местной церкви: мне без разницы – православной, баптистской, католической или же в синагоге. Честно говоря, вот только в мечетях, меня как-то угнетала атмосфера и мрачный интерьер...

Казалось, что осмотреть мормонский храм изнутри – вещь просто-напросто несбыточная – туда не только простых смертных не пускают, но и самих мормонов... Вот уж воистину «храм Божий»!

Но в хорошо ухоженном дворе перед храмом – аккуратненькие газончики, кусты роз, затейливые клумбочки – к нам подошли два, как две капли воды похожих, молодых человека при полном параде: пиджаки, белые сорочки, галстуки. Завязалась беседа, в процессе которой они пытались непременно всучить мне «Книгу Мормона». Я вежливо отказывался, ссылаясь на слабость моего английского языка. Тогда мне предложили достать экземпляр на русском. Сраженный таким сервисом, я надломился и согласился. У меня попросили адрес, и я дал. А почему бы не получить «Книгу мормонов» на русском языке?

Библия у меня есть, Коран тоже...

В один прекрасный день раздался звонок в дверь, и на пороге показались те самые мормонские сиамские близнецы. Они приветливо улыбались, я ответил им тем же и пригласил войти. Жена моя была то ли рассержена, то ли встревожена: она очень не любит мои дискуссии с кем бы то ни было на религиозные темы. Ну, а тут приперлись непосредственные слушатели культа.

Книгу на русском я с благодарностью принял. Я предложил гостям по русскому обычаю выпить по рюмочке, но они сделали квадратные глаза и отказались. Сошлись только на чае,

который они пили так осторожно, будто это была взрывчатая смесь.

Потом они стали меня обрабатывать. Но я не Козлевич – ксендзам охмурить меня не так уж и просто!

Когда в их разговоре промелькнуло, что Иисус из колена Давидова, то я сразу же встрепенулся.

- Откуда вы это взяли?

- Иосиф-плотник был из колена Давидова...

- Ну, положим, Иосиф-плотник был отчимом Иисуса, а не отцом, не правда ли? Так что...

Крыть было нечем. Я попросил мормонов-пропагандистов проконсультироваться у старших и в следующий раз дать мне разъяснение – может, я чего недопонимаю?

Долго ждать не пришлось: явились голубчики, не запылились. Я понял, что «ловцы человеков» (помянем всуе слова Христовы) они отменные, а «план по мясу» у них, видимо, большой. Я вот недавно прочитал, что их в мире около 15 миллионов. И конечно же, они, как и прочие их «двоюродные братья по вере» считают, что только они истинные последователи Господа-Бога нашего Иисуса Христа.

- Нам наши старшие братья объяснили, что мать Иисуса, дева Мария, была из колена Давидова...

- Нет друзья мои! Про это в Библии нет ни единого словечка! Вот есть – и то единственное! – упоминание, что у Елисаветы, родственницы Марии Богородицы, муж был из колена Давидова. Да и вообще в те времена все кланы и колена прослеживались по мужской линии, а не по женской. Вспомните Евангелие от Матфея...

Я достал английское издание Библии (есть у меня и такое!) и начал зачитывать им «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова»:

Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида царя...

Тут я перевел дух – читать оставалось столько, да еще полстолька, да еще четверть столька...

- Вот видите, выходит, что только мужики и упоминаются в родословной Царя Давида! Да и дальше все идет в том же духе.

- Но ведь сейчас в Израиле определяют национальность по матери...

- И это правильно! И заметьте, определяют фактически на-ци-о-наль-ность, но не вероисповедание. От того, что я сделаю обрезание, я могу следовать иудейской вере, но я так и останусь русским, я не превращусь в еврея! – Заметил я. – Но вы правы, род лучше прослеживать по матери. Мать – всегда мать своему ребенку. А кто отец? У нас, у русских, есть такая поговорка: «ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца».

Мои гости сдержанно улыбнулись. А тут я им рассказал старый анекдот о том, как женщина взмолилась: «Боже, избавь меня от мук родов! Пусть корчится от боли отец ребенка, когда я страдаю!» Бог согласился и сделал так. В следующий раз, когда женщина рожала, из дом напротив раздавался нечеловеческий крик от боли, которую испытывал сосед. Тогда женщина опять взмолилась: «Боже! Пусть все будет, как прежде!»

Этот анекдот мои религиозные гости встретили дружным хохотом. Видимо, все же ничто человеческое им не чуждо.

А мне, конечно, всего этого было мало – я вошел в раж. Не зря я Библию читал-перечитывал не один раз – ведь все искусство пронизано библейскими мифами (выдаваемыми за чистую правду, естественно), восприятие почти всей классической живописи будет страшно обеднено, если этих мифов не знать.

- А кстати, еще вопросик: а откуда взялись «дочери человеческие»? Ведь Бог их не создавал, а Ева, как известно, родила только Авеля да Каина! Откуда же Каин нашел себе жену?

Поговорили и о первородном грехе, где мои новые мормонские друзья и вовсе, как говорится, «поплыли».

- А в чем же грех? Не было бы этого греха, так и в Бога верить было бы некому! А потом, зачем Господь сотворил мужчину и женщину? Разве не для этого самого греха? И вообще вся эта история с «первородным грехом» и последующим его

искуплением Иисусом Христом – история загадочная. Больше всего напоминает жертвоприношения варваров своим злоевшим богам.

Да и со Змеем-искусителем Господь намудрил: Вездесущий что же, прозевал Змеев козни или же сам его науськал? Ведь Господь – ох, как любил поискушать человекoв!

Замолчали мои мормонские агитаторы-главари, пригрюнились. Я, сознаюсь, в душе праздновал победу. (Как говорится, связался черт с младенцами!)

Положение спасла Таня. Благо, что мои мормонята не знали русского! Она мне сказала: «Ну что ты привязался к бедным мальчишкам? Скажи им, что ты в их партию не вступишь».

- Ребята, если вы не боитесь, что я вас обращу в свое неверие, приходите еще – милости просим. Но сделать меня мормоном – это дохлый номер.

Таким был последний день, когда Церковь Иисуса Христа Святых последних дней пыталась обратить меня в свою веру.

А книжку мормонов я прочитал. Конечно, с Библией не сравнить – очень слабо. К тому же и поверить в мормонские сказочки еще труднее, чем в «богодуховенную» Библию – уж очень все недавно было: основатель этого нового религиозного течения Джозеф Смит родился-то всего пару сотен лет назад ... Все еще свежо в памяти! У новых мистификаторов есть очень и очень серьезные трудности...

Кстати, из-за моего знания Библии и любви порассуждать на «богодуховенные» темы, меня самого часто спрашивают: А не веришь ли ты сам? А если веришь, то во что?

Ну, конечно, верю! А как можно без веры жить?! Во что же я верю? В добро, которое есть в человеке.

ТЕТРАДКА №6

ПРО ДЕТСТВО

Клад с павлиньими перьями

Было это еще до школы, когда мы жили в эвакуации в Свердловске. И опять началось все с Рыжика, того самого, с которым мы убегали вместе, играя в «казаки-разбойники». Был он очень неординарным парнем, все время в голове его бродили разные несусветные проекты. Думаю, что из него впоследствии вышел неплохой ученый или вообще какой-нибудь популярный исследователь.

Так вот, Рыжик по секрету сообщил мне, что в зоопарке (а зоопарк, действительно, был очень близко от Студгородка, где мы жили) есть специальное место, куда складывают павлиньи перья. То, что павлиньи перья – это драгоценность, мы все знали. Так вот к этому складу перьев, точнее к кладу, ведет подземный тоннель.

Мы с Толяном (да-да, тем самым из той же команды «разбойников») пошли за Рыжиком, и он привел нас к какой-то круглой крышке (догадываетесь, что канализационной?). Мы с трудом сдвинули крышку, и перед нашими глазами открылась черная дыра, ведущая под землю – тайный ход, как объяснил нам Рыжик. Но без подходящей экипировки идти в подземный тоннель было опасно. Мы сбегали домой. У каждого было свое задание: один притащил свечку (а тогда часто сидели по вечерам без света, поэтому свечки были в каждом доме), другой притащил бечевку (идти-то во тьме можно только в связке!). У Рыжика был с собой еще компас – крайне необходимая вещь при путешествии по тоннелю!

Нужно было торопиться – скоро должны были вернуться с работы родители. А кто знает, какая им шлея под хвост попадет?

При торжественном спуске в канализационную систему присутствовало несколько сопляков-пятiletок, смотревших на нас с завистью и восторгом.

И вот мы в темном таинственном тоннеле... Тени, прыгающие по стенкам от неверного пламени трепещущей свечки, заставляли колотиться сердце. Пахло сыростью и еще чем-то

непонятным. Тут, видимо, и у Рыжика нервы сдали, он почему-то резко дернулся и ... свечка погасла. Попытки ее зажечь оказались тщетными: спички ломались, руки тряслись... Но надо было идти вперед. Не назад же?

Впереди замаячили тусклые огоньки, похожие, конечно, на глазницы и пасть черепа. Не помню, кто подал эту идею, но всем стало страшно. Продвигаться мы стали очень медленно.

Вдруг что-то загромыхало и яркий свет ослепил нас. Буквально в нескольких метрах перед нами из разверзшейся дыры в потолке свесились две ноги, а потом и остальные части тела. Перед нами оказался наш дворник – дядя Вася, спустившийся по каким-то невидимым для нас ступенькам. Он произнес что-то неблагозвучное и стал нас по одному буквально выбрасывать через дыру на улицу.

Дворник увидел сдвинутую канализационную крышку и допросил тех самых сопляков-пятилеток! И это было очень кстати: оказывается, на нашем пути впереди должна была оказаться большущая выгребная яма, куда стекала дождевая вода, просачивавшаяся в канализационный тоннель, а также аккумуляровалось дерьмо в случае прорыва труб. (Вот откуда и шел странный запах!) Упали мы в темноте в эту яму, не дай бог, любого из нас ожидала бы нелегкая и почти позорная смерть: утонуть в говне...

Дворник, во избежание рецидивов с нашей стороны, изложил все нашим родителям. Опять были экзекуции, но мне повезло – получил только воспитательную затрещину по затылку, да и то, я думаю, потому что мама не хотела оставаться в глазах дворника антисоциальным элементом.

Вот смотрю я на себя прошлого нынешними глазами и лишний раз убеждаюсь: столько дури в мальчишечьих головах, что ее все же надо выколачивать...

ПРО ШКОЛУ

Уроки психологии

Не знаю, есть ли такой обязательный предмет в нынешней русской школе, как психология. Сознаться, вообще не знаю, есть ли теперь в русской школе обязательные предметы?

Предмет был новый, учебник хре-новый, на учителя – венец тер-новый... Необходимость этого курса была настолько неочевидна, что по нему не было даже экзамена. (А вот предмет «Конституция СССР» шел даже в аттестат зрелости)

Учителем психологии был у нас Константин Викторович Федорович, интереснейший интеллигент старой, еще царской закваски, кончавший не прогрессивный советский ликбез, а обычную дореволюционную гимназию. Предмет он вел увлеченно, интересно, учебник, как я теперь понимаю, ему мешал больше, чем помогал. Но не в предмете дело, а в человеке, в личности.

Как вы уже поняли, он был старенький, как нам тогда казалось: было ему лет под шестьдесят. Но мы неоднократно наблюдали в школьное окно, выходящее на Ленинградское шоссе, как он, увидев подходящий к остановке трамвай, бежал размашистым молодым шагом и иногда даже вспрыгивал на подножку уже на хорошем ходу трамвая.

Был он поджарый, спортивный, носил совершенно седую тимирязевскую бородку, ходил без очков, хотя, когда читал, надевал их – ну, это обычное, стариковское.

Собирал он пословицы и поговорки – это было то ли хобби, то ли научная работа в духе Владимира Даля – не знаю. Мы изощрались, приносили ему шуточные переделки типа: «Не плюй в колодез, коли рожа крива», «Ум хорошо, а два сапога – пара», «Баба с возу – и волки сыты», «Как волка ни корми, а у слона все равно толще»... Иногда придумывали сами. Он смеялся иногда до слез и даже в своей рукописи завел отдел таких «перевернутых» пословиц. Он просил нас писать ему наши пословицы заранее и давать ему перед уроком, чтобы не тратить учебное время.

Помню, кто-то принес ему однажды чисто народную (не изобретенную) пословицу с «ненормативным словом». Константин Викторович попросил принесшего пословицу прочесть и мы услышали: «Как “кхы” – так медведь, а как работать – так больной». Константин Викторович погоготал – а голос у него был поставлен, поскольку он певал в церковном хоре, – и спросил, а что такое “кхы”? Несмотря на то, что народ мы были хулиганистый, слова типа “кхы” или “кхы-кхы” или тем более “кхы-кхы-кхы-кхы”, у нас так уж запросто не вылета-

ли изо ртов, а слово “блин”, еще не было употребляемо в не кулинарном смысле.

В результате, Константин Викторович рассказал нам историю из своей гимназической жизни. В какой-то компании, где собрались юноши и девушки, точнее, уже достаточно взрослые мальчики и девочки, в чисто мужской группке была сказана поговорка, от которой все буквально легли. Девочки, естественно, проявили дикий интерес, над чем это там мальчики смеются?

Пословица была такая: «Монах хоть не @#\$\$-ся, а @#\$\$ в штанах несется». Но произнести “кхы-кхы-кхы” и “кхы” в их подлинном звучании никто, естественно, при девочках не мог. Те стали умолять и просить: «А там, где неприлично, вы промывайте!» Тогда один из мальчиков осмелел и сказал: «Монах хоть не “кхы-кхы”, а @#\$\$ в штанах кхы-кхы”. (Само-то «запретное слово» он произнес вслух!) Наступила сцена из «Ревизора» (прошу прощения за штамп), кто из девочек прыснул, кто покраснел, а уж герой не знал куда себя девать...

Потом лет через пять, когда мы с моим институтским приятелем, лежа на песке около холодного еще по весне Щукинского водохранилища, готовились к какому-то уже институтскому экзамену, мы заметили вдалеке, метрах в трехстах от берега, чью-то голову и ритмично работающие руки. Мы еще стали обсуждать, какой же это чудик решился купаться в такую холодрыгу – мы-то окунулись один раз, да и то больше из принципа: ведь приехали же сюда!

Спустя минут пять, а то и все десять, из воды вышел некто с почти юношеской фигурой... Когда он подошел к нам, то мы вскочили и бросились ему навстречу – это был Константин Викторович! Он вместе с нами подошел к кучке своего белья, взял полотенце и начал энергично растираться, рассказывая нам, что он несколько раз на неделе приезжает сюда плавать. А ведь тогда он был уже моего нынешнего возраста! Да и широченное Щукинское водохранилище – это не 50-метровый бассейн с подогревом.

Жизнь меня баловала интересными встречами. Мне повезло встретиться и провести немало времени с Константином Викторовичем спустя еще несколько лет. Мы тогда с моей первой женой и только что родившейся Таней жили около

Маяковки и за кое-какими продуктами я ходил на Тишинский рынок. Вот там-то я и встретил Константина Викторовича опять!

Я пригласил его к нам домой, попили чайку, обменялись телефонами. Потом он стал бывать у нас регулярно и довольно часто. Однажды он пришел с гитарой и устроил концерт русских романсов и гимназических песен. Именно с тех пор «Я вспомнил вас...» стал моим любимым романсом. Я и теперь слышу, будто въявь, хорошо поставленный баритональный бас Константина Викторовича, хотя и начавший слегка по-старчески дребезжать...

У нас он бывать любил. Он обладал удивительной деликатностью и чувством времени, что ли. Он всегда уходил так, что тебе хотелось попросить его остаться еще. Его бесчисленные романсы и всевозможные рассказы из личной жизни, и пересказы чего-то нами нечитанного можно было слушать бесконечно.

Я много гулял с ним по старой Москве в пределах Садового Кольца. Думаю, что он мог бы написать книгу о старой Москве не хуже Гиляровского. Он знал историю многих старых домов. Помню, мы ходили однажды по улице Герцена и он, останавливаясь буквально около каждого дома, рассказывал мне историю этого дома, обращал мое внимание на особенности архитектуры. Потом он мне сказал: «Если хочешь знать свой город получше, забудь, что ты москвич. Иди по улице и гляди с восторгом на дома, на бульвары, на небо над головой, будто ты здесь впервые и приехал в этот город, возможно, в последний раз и всего на несколько часов... И ты должен увести в своем сердце на всю свою жизнь как можно больше его тепла и необычности».

Он же мне рассказал и про Врубелевскую мозаику над гостиницей «Метрополь» (цела ли она?), и про знаменитую Филипповскую булочную, и про Елисеевский магазин...

Ходили мы с ним по Москве часто, чуть ли не каждый выходной, но почему-то именно этот разговор на улице Герцена врезался мне в память.

ПРО ИНСТИТУТ

Советские луддиты

На четвертом курсе нас послали на курсовую практику на какой-то московский телевизионный завод. Мы с приятелем попали на участок, где настраивались высокочастотные контуры. Это были такие катушки с намотанным проводом, внутрь которых помещались сердечники. Нужной частоты настройки добивались тем, что завинчивали сердечник на определенную глубину. Работа была занудная и долгая: подвинтил сердечник, замерил амплитуды частот в нужном диапазоне, потом подкрутил или наоборот открутил, в зависимости от результата измерения. Продолжалось это подолгу: улучшишь характеристики в одном диапазоне – ухудшишь в другом... Словом, «мартышкина работа». На каждый контур уходило по 20-30 минут.

Мы вспомнили, что в институте на лабораторках мы использовали специальный осциллограф, на котором сразу была видна картинка: вся так называемая спектральная характеристика. Мы сходили на склад, нашли два стареньких осциллографа (они назывались «свиш-генераторами») и принесли их в цех. Потом мы с хорошо настроенного эталонного контура вывели на экран картинку, скопировали ее на кальку, а кальку с нарисованной характеристикой приклеили на экран осциллографа.

Что было потом, вы хорошо представляете: мы подключали настраиваемый контур к осциллографу, подвинчивали сердечники, наблюдая всю кривую сразу, без многочисленных замеров. Подогнать характеристику контура под требуемый эталон ничего не стоило. Настройка каждого контура занимала у нас максимум 2-3 минуты...

За день работы каждый из нас выполнил дневную норму больше, чем на 1000%! Нашему восторгу и недоумению настройщиков не было предела!

Когда мы радостные и готовые к дальнейшим трудовым подвигам пришли на следующий день на работу, то... Мы увидели, как наши два осциллографа стоят на монтажном столе с зияющими рваными дырами вместо экранов,

Луддиты вернулись! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Нужно заметить, что зарплату мы получили в конце недели наравне со всеми, не больше. И действительно, – нечего выпендриваться!

* * * * *

С этим же заводом была связана и еще одна трагикомическая история. Мы почти все увлекались сборкой телевизоров дома. Естественно, что работая на телевизионном заводе, был бы грех не воспользоваться кое-какими детальками – ведь «всё вокруг народное, всё вокруг – моё!»

Силовые трансформаторы собирались из Ш-образных плоских пластин толщиной с полмиллиметра. Сама эта «буква Ш» была размером с ладонь, с края были острые, как ножи! «Несунь»-умельцы выносили почти все детали, одевая плавки – по «принципу кенгуру». И действительно: лето, ты идешь в брюках и одной рубашечке, руки у тебя пустые, а груз прижат плавками к твоему телу.

Соблазнился на «легкую добычу» и я. Поместил под плавками несколько пластинок, причем, не подумав хорошенько, «Ш» я перевернул вверх тормашками. Иду этаким молодцем через проходную. И тут, возможно, выдохнул чересчур, но чувствую, перевернутые «Ш» начинают сползать вниз...

Едва пройдя вахтеров, я зашел за угол и предотвратил эту неритуальную процедуру обрезания... Боюсь, что это была бы даже просто ампутация!

С тех пор я никогда более не пытался ничего вынести с рабочего места, кроме себя самого ☺.

ПРО РАБОТУ

«Нашла коза на камень»

К нам в НИИ АА пришел на зама по науке генерал, а впоследствии даже членкор, Павел Артемьевич Агаджанов. Про него рассказывали весьма занимательную байку.

Служил полковник Агаджанов на Байконуре. Случился какой-то очередной удачный пуск, на который приехал сам Хрущев. Конечно, как положено, банкет в честь вождя. Минут через десять после тоста Хрущева, пока еще все не надрались, к столику генералитета бравым офицерским шагом подходит полковник Агаджанов со словами:

- Разрешите обратиться, товарищ Первый секретарь!

- Валяйте!

- Разрешите покинуть банкет!

- Что-о-о?

- Очень много работы по подготовке следующего удачного пуска, товарищ Первый секретарь!

- Как вас зовут?..

- Полковник Агаджанов, товарищ Первый Секретарь!

- Хорошо, идите работать, генерал Агаджанов!

А уж как его, Агаджанова, любил Сергей Палыч Королев! Рассказы об этом занимали минут десять на ежедневной производственной пятиминутке!

Однажды я с утра поехал к директору НИИ «Электроника» Юре Митюшину: нужно было помочь ему подготовить какую-то бумагу для Семенихина. Мы все сделали в срок и уже к обеду примчались вместе с ним в НИИ АА, а посему сразу же пошли обедать в «генеральскую» столовую.

Когда мы с Митюшиным вышли из столовой, меня ждал прямо у двери мой зам, Валера, чем-то сильно взволнованный. Он рассказал мне следующую историю. Оказывается, с утра Агаджанов собрал очередную «пятиминутку» минут на сорок.

Агаджанов, окинув собравшихся своим пронзительным кавказским оком, спрашивает:

- А где Ушаков?

- Он у директора НИИ «Электроника», ему можно позвонить, если хотите. – Отвечает ему Валера.

- А вы знаете его телефон?

- Нет, но номер телефона знает секретарь директора.

- Ставлю ящик армянского коньяка против бутылки боржоми, что Ушакова там нет!

- Я не люблю спорить, когда я твердо знаю, что я прав. – Ответим мой зам, а он умел быть «крутым», как сейчас говорят.

Я успокоил Валеру – ну, что за ерунда! Но при этом сам, пока ехал на лифте на свой шестой этаж, стал заводиться. Меня вдруг разобрало: это ведь он сказал при полном сборе

начальников отделов и лабораторий, а это – человек тридцать! Войдя в свой кабинет, я, уже достаточно возбужденный, тут же написал коротенькое заявление на имя директора нашего НИИ. Короче некуда: «Прошу уволить меня по собственному желанию».

Чтобы уж не кривить душой, скажу, что пребывание в НИ АА мне уже остоведемело. Проекты интересные прошли, появился этот новый придурочный начальник, а как говаривал мой отец: «Не бывает хорошей работы, бывает хороший начальник».

Итак, спустился я на второй этаж. У директора – совещание. Но у меня было особое положение, к которому свою секретаршу еще Семенихин приучил: мне было можно войти всегда, ибо я без неотложных дел его никогда не тревожил.

Вошел в кабинет, там все начальство, включая Агаджанова. Директор института спрашивает:

- Игорь, что-нибудь срочное?

- Да. – Говорю я и подаю ему свое заявление.

- Ты что? Что случилось?

Я кратко рассказываю при всех, что произошло. Агаджанов с лисьей улыбочкой говорит:

- Ну, Игорь Алексеевич, это же была шутка!

- Шутка весьма неудачная. Вы меня публично оскорбили недоверием, а посему должны публично, собрав тех же людей, передо мной извиниться.

Агаджанов молчит, а директор говорит:

- Я твое заявление сам рассмотреть не могу – иди к Семенихину, пусть он решает.

Семенихин был тогда у нас Генеральным конструктором и одновременно Заместителем Министра в Минрадиопроме. Сидел он дня два в неделю в институте, а три дня – в Министерстве.

Прихожу я к Семенихину, рассказываю, в чем дело:

- Владимир Сергеевич, Агаджанов публично извиняться отказался. Вместе нам работать нельзя. Он зам директора. Чтобы исчерпать конфликт и не ставить вас в дурацкое положение, мне остается только уволиться.

Семенихин начинает меня успокаивать: Агаджанов, мол, самодур, что нечего на него внимание обращать. Предлагает даже вывести мой отдел из подчинения Агаджанова и подчинить его себе.

Но в меня как будто бес вселился, уперся рогом – и все тут... Сознаюсь, что был у меня отходной вариант, как я по наивности полагал: Никита Николаевич Моисеев приглашал меня переходить к нему в ВЦ АН. Это и сделало меня непреклонным. Честно говоря, за идею я на костер не полезу – я не Джордано Бруно.

Покачав укоризненно головой, Семенихин подписал мое заявление.

На следующий день пришел я к Никите Николаевичу Моисееву, а он аж рот раскрыл: «А у меня ставок сейчас нет...»

Вот те, бабушка, и Юрьев день!

Так стал я уникальным общественным явлением – советским безработным...

Дела издательские

Как я уже писал, мой первый начальник, Исаак Михайлович Малев, приучил меня все мысли излагать на бумаге, ибо глупость или здравость оных виднее становится. Может, из-за этого или же из-за природной писучести я накатал за время своей, как говорится, трудовой деятельности более трехсот статей, с десятков книг, да отредактировал еще с пару дюжин.

Эта моя писательская активность привела к тому, что я состоял в различных редакционных советах нескольких московских издательств, а также в пяти-шести редакциях отечественных и международных журналов. А посему приходилось много редактировать, писать рецензии и писать самому.

Были и весьма курьезные случаи. Кабинет надежности, о котором речь уже шла, дважды в месяц устраивал лекционный день для инженеров в главном лекционном зале Московского Политехнического музея. Привлекал я к лекциям и своих сотрудников, которые, хотя и не были «маститыми учеными» (во всяком случае, никто из них маститом не болел), но понимали толк в надежности.

Одним из них был Феликс Фишбейн, с которым мы проработали бок о бок с десяток лет. После прочтения лекций, каждый лектор публиковал брошюру с текстом, отражавшим содержание лекций. Потом эти брошюры рассылались слушателям. Подготовил такую брошюру и Феликс. Но...

А дело было так. Заведующим редакционно-издательского отдела издательства «Знание» был Яков Давидович Барский. Он был почти бессменным секретарем парторганизации и очень послушным работником, а инструкция из «дома напротив²⁰» была проста: ограничить публикации авторов с еврейскими фамилиями. Так что Барский отказал Фишбейну, как еврей еврею, по-свойски и по-советски.

Я был замом Сорина (заведующего Кабинетом) и одновременно замом Гнеденко (научного руководителя Кабинета), а посему обладал достаточными полномочиями для издательства «Знание». Прихожу я к Барскому, с которым мы были хорошо знакомы: я его уважал, как уважал и уважаю всех участников войны. Прошу объяснить мне, что произошло.

Барский объясняет мне ситуацию открытым текстом и даже добавляет, что если он пропустит Фишбейна, то ему, мол, навесят чуть ли не сионистский заговор. Я с подобными ситуациями уже сталкивался, причем в связи с тем же Феликсом: когда я просил, в свое время, начальника лаборатории надежности Ефима Григорьевича Финкельштейна (сменившего фамилию на фамилию жены – Марисенко) пойти со мной к заму директора по кадрам и настоять на приеме Феликса к нам на работу, тот ответил: «Я не могу. Я еврей. Меня потом заклюют». К слову сказать, он тоже был в партийных верхах, был бессменным членом парткома НИИ АА.

Барский нашел выход из положения: предложил мне стать соавтором у Фишбейна. Я согласился, и вот тут-то мы с Феликсом всех обманули! Сборник сделали из двух частей – одна Феликса, а другая – моя, но на титуле стояло одно название и две фамилии! Так и издательский волк оказался цел, и

²⁰ Имеется в виду здание ЦК КПСС на Старой площади, как раз напротив Политехнического музея.

авторы-овцы оказались «сыты» — даже кое-какие копейки получили.

* * * * *

Еще одна интересная история произошла у меня с Анатолием Райкиным, кстати, племянником знаменитого советского артиста эстрады Аркадия Райкина. С Толей мы были очень хорошими друзьями. Он был автором одной из первых добротных книг по теории надежности, опубликованной еще в 1967.

Дело было и сложнее и проще, чем в предыдущем случае. В 1982 году мне позвонил Толя Райкин и попросил встретиться, чтобы показать мне свою рукопись. Я посмотрел рукопись, которая была очень сильно улучшенной версией предыдущей его книги.

Вдруг неожиданно Толя, спросив предварительно, понравилась ли мне рукопись, предлагает мне стать соавтором этой книги. Я, конечно, вежливо отказался — книга-то уже готова! И тут он рассказал мне свою печальную историю.

Работал он тогда в какой-то нефтегазовой «шарашке». По тогдашним порядкам, в каждом учреждении был так называемый Экспертный совет, который выдавал разрешение на публикацию. Председателем такого совета всегда был директор того учреждения, где вы работали. Требования к рукописи были строгие: не должно быть секретных сведений, не должно быть новых идей, не должен открываться научный или промышленный опыт данной организации. Как тогда смеялись, выдавалась справка о том, что рукопись абсолютно никакой ценности и интереса не представляет, а потому может быть опубликована.

Директор организации, в которой работал Райкин, не ставил своей утверждающей подписи на Акте экспертизы, вымогая у Толи свое соавторство в той книге. Это, конечно, претило Толиным принципам, и он отказался. Он решил предложить мне быть соавтором, кое-чего дописать и оформить Акт экспертизы на себя.

Подумав немного, я предложил ему другой вариант, который минимально ущемлял бы его авторские права и одновременно не ставил бы меня в дурацкое положение: я стану ти-

тутульным редактором книги и попробую получить Акт экспертизы у себя на фирме, хотя это в принципе и незаконно.

Я легко провел рукопись через нашу Экспертную комиссию. В Акте экспертизы было написано, что автор книги А.Л. Райкин, а я титульный редактор. Членам комиссии я, как на духу, поведал историю. Все дружно подписали Акт, хотя в принципе это было против всех инструкций: документы-то для рукописи должен готовить автор, а не редактор. Следующий этап – утверждение Акта у директора института, который проходил всегда формально и без каких-либо осложнений.

Однако я решил, что будет корректно и директору все честно рассказать, чтобы он, в случае чего, был в курсе дела. Он, выслушав меня, заколебался и послал меня получить утверждающую подпись у начальника нашего Главка в Минрадиопроме. Вот уж не ожидал я такого от нашего доброго и мягкого Вась-Вася!

Но никуда не деться: взялся помогать другу – тяни лямку и дальше. Пошел я на прием к Главному инженеру нашего Главка, Виталию Платоновичу Юхновцу. Мы с ним были по-настоящему хорошими друзьями, много раз ездили на Чегет, в Бакуриани и в Цахкадзор кататься на горных лыжах. Я объяснил и Виталию всю ситуацию и рассказал про колебания директора института. Виталий со словами: «Ну, ты, Игорь, даешь!» - поставил все же утверждающую подпись. Ведь горнолыжник не должен быть трусом, правда?

ВСТРЕЧИ С ТИТАНАМИ

Семинар по надежности

В 1962 году Борис Владимирович организовал в МГУ семинар по теории надежности для инженеров. Аудитория этого семинара оказалась очень широкой: здесь были и чистые и «нечистые» математики, и инженеры-разработчики, и испытатели аппаратуры, и военные. Конечно, весь этот мир надежности, как и полагается любому настоящему миру, держался на «трех китах»: Б.В. Гнеденко, Ю.К. Беляеве и А.Д. Соловьеве. В среде «надежников» в разговорах прямо таки существовало такое одно имя «Гнеденкобеляевсоловьев».

На одном из первых семинаров Борис Владимирович предложил мне сделать обзор статей по относительно новой тематике. Я сделал доклад, после которого он предложил мне изложить его в виде статьи и показать ему. Для меня такое предложение было неожиданным: САМ Гнеденко предложил мне написать статью! Я старался, как мог. С трепетом отдаю при очередной встрече свою работу Борису Владимировичу. Буквально через пару дней он возвращает мне ее почти что переписанную: поправок было столько, что за ними моего текста и видно не было. Я был смущен и даже расстроен, а Борис Владимирович говорит: «Мне понравилось. Нужно только для печати немного доработать». Следующий вариант он мне также довольно быстро вернул, опять с большим числом редакторских поправок и некоторыми предложениями по перепланированию материала. Мне стало очень неловко, что такой ученый тратит столько времени на мою статью, и я сказал ему об этом. «Ну что Вы! Своих аспирантов я заставляю иногда перedelывать статьи по 5-7 раз». — Ответил он.

Потом, работая с Гнеденко в редакциях журналов, я видел, как он работает над чужими статьями: всегда строго и даже жестко, но предельно доброжелательно по отношению к автору.

Николай Пантелеймонович Бусленко

В нашем институте, к тому же в нашем отделе, руководимом Дмитрием Юрьевичем Пановым, появился новый начальник лаборатории — членкор Академии наук Николай Пантелеймонович Бусленко. Он был подтянутый, с орлиным взглядом, с иссиня-черной шевелюрой... Ни дать, ни взять — вольный донской казак или царский офицер! Он буквально излучал энергию, доброжелательность и интеллект.

«Принес» он с собой в НИИ АА и «базовую» Физтеховскую кафедру «Физика больших систем». Несколько институтских кандидатов наук, включая меня, были приглашены сотрудничать на кафедру. А вот внешнего преподавателя Бусленко взял, действительно, за его исключительность — это был Володя Калашников.

Отношения у нас с Николаем Пантелеймоновичем сложились прекрасные. Сближали нас и профессиональные интеле-

ресы, и чувство юмора, и, наконец, неубойный жизненный оптимизм. И надо признаться, что именно с появлением Бусленко я стал замечать в себе эти черты более явно: хороший – да еще такой магнетический пример – заражает!

Спустя какое-то время мы с ним оказались в интересной ситуации: я стал начальником отдела, а Бусленко стал моим подчиненным (как-то звучит это до сих пор для меня странно!), а на кафедре он был заведующим, а я его профессором. Всегда было смешно, когда мы подписывали друг у друга служебные бумаги!

**Николай Пантелеймонович
Бусленко**

Бусленко все мои бумаги подписывал, не читая и не спрашивая, что в них. Я однажды спросил, почему он так делает. «Я человеку изначально полностью доверяю, но если он меня хоть раз «подставит», то больше с ним не имею дел вообще». – Был его ответ.

В 1968 году меня соблазнили, и я перешел заведовать кафедрой по совместительству в Московский Энергетический институт, бросив – стыд и позор на мою лысую голову! – Физтех. Опыт работы в МЭИ был крайне полезным – по-

нюхал я, что называется, вузовского пороуху: интриги, подставки, бюрократичность... Поэтому, когда Николай Пантелеймонович позвал меня обратно и даже предложил быть заведующим его кафедрой, я, не раздумывая, бросился в «альма-матерные» объятия. Сам Бусленко пошел заведовать кафедрой в «Керосинку» – Нефтегазовый институт имени Губкина.

* * * * *

Что Бусленко особенно умел, так это рассказывать анекдоты по подходящему случаю. Я знаю много анекдотов, но из того, что рассказывал Бусленко, в основном все были мне не-

знакомые. Я даже подозревал, что он их иногда импровизировал. Например, такой случай.

Был банкет по поводу защиты второй докторской диссертации Игоря Николаевича Коваленко. Дело в том, что Игорь сначала, работая у Бусленко в военном НИИ в Бабушкино, защитил диссертацию на ученую степень доктора технических наук. Тогда ему не было еще и тридцати.

Рассказывали, что Андрей Николаевич Колмогоров как-то пошутил, имея в виду Коваленко, что первоклассный математик должен иметь ученую степень по математике. Не знаю, правда это или миф, но не прошло, по-моему и трех-четырёх лет, как Игорь защитил блестящую диссертацию на доктора физмат наук по теме буквально ортогональной его первой технической диссертации. Честно говоря, я не знаю другого такого столь неординарного случая. Но ведь не зря Борис Владимирович Гнеденко, как-то будучи в гостях у меня в Вашингтоне, сказал, что Игорь Николаевич один из самых талантливых и любимых его учеников, а ведь было у него учеников далеко за сотню!

Одним словом, был банкет в ресторане гостиницы «Украина», на котором было человек тридцать-сорок. Мы с Бусленко сидели рядом. Дошло дело до анекдотов.

Я рассказал следующий анекдот: Идут по улице Лондона Джон и Билл, видят, лежитдохлая лошадь. Джон говорит: «Билл, помоги мне отнести эту лошадь ко мне домой». Билл без вопросов помогает затащить лошадь на 12-й этаж по лестнице, поскольку в лифт лошадь не входит. В квартире Джон просит Билла помочь ему положить лошадь вверх копытами в ванную.

Садятся пить кофе. Билл, наконец, спрашивает: «А зачем все это?» - «А ты все еще не догадался?! Сейчас минут через пять с работы придет Мэри и скажет: “Мальчики, я пью кофе с вами! Вот только вымою руки!” А потом она выскочит из ванной с криками: “Ой! В ваннойдохлая лошадь!” А я ей отвечаю: “Ну, и что?”» - «Ха-ха!..»

Все весело смеются. После небольшой паузы Николай Пантелеймонович спрашивает меня:

- А вы знаете продолжение этого анекдота?

- Нет. – Отвечаю я. Бусленко продолжает:

- Приходит Мэри и на самом деле говорит: «Мальчишки, я пью кофе с вами! Вот только вымою руки!». Она вскоре возвращается и спрашивает: «Ну, где мой кофе?» Пьет кофе. Джон ерзает от нетерпения и удивления. Он спрашивает: «Мэри, а неужели ты не видела, что в ванной лежит дохлая лошадь?!» Мэри, вскинув невинные глазки, отвечает: «Ну и что?..»

Этого продолжения я никогда не слышал. А если услышу сейчас, то буду уверен, что это почти навверное рассказанное кем-то из тех, кто был тогда на банкете. Сам анекдот я знал еще со школьных времен, а ведь с тех пор прошло к тому времени лет двадцать пять, а продолжение я услышал впервые!

* * * * *

В последний год жизни Бусленко довольно много лежал в Академической больнице по поводу язвы желудка. Зная мои связи с Сибирью, он попросил достать облепихового масла, которое было страшным дефицитом. Я достал это масло более коротким путем (по московскому блату) и быстро доставил его ему. Мы – сотрудники его бывшей кафедры и лаборатории – навещали его каждый день по очереди.

Однажды мы прогуливались с ним по двору клиники. У него была интересная привычка держать спутника под руку, причем буквально в «стальном захвате». Ты шел буквально туда, куда он вел, отклониться не было никаких шансов. Я еще думал: каково это женщинам?

Он предложил мне тогда участвовать в «гаражных бегах» в Академии не по Отделению Механики и Процессов Управления, а по Отделению Математики. Он сказал:

- Вас хорошо знает Андрей Николаевич Колмогоров. Виктор Михайлович Глушков вас высоко ценит. Анатолий Алексеевич Дородницын даже выдвигал вас по Отделению механики. С Юрием Васильевичем Прохоровым, я слышал, вы катались на горных лыжах. Вас и ваши работы хорошо знают многие академики-математики в МГУ, Стекловке и на Физтехе... У вас здесь шансов намного больше, чем в Отделении Механики и процессов управления. А я бы провел дополнительную подготовительную работу.

Мне, конечно, лестно было все это слушать, но я заметил, что у меня нет математического образования, это раз, а во вторых, как я буду после этого смотреть в глаза своим фактическим учителям-математикам – Гнеденко, Беляеву и Соловьеву?

Последний раз я видел Николая Пантелеймоновича за день до его кончины. Было так непривычно его видеть лежащим. За день до того, потеряв сознание, он упал и ударился зубами о спинку кровати. Но все же улыбка с его лица не сходила, хотя было понятно, что это дается ему не просто.

На следующий день взволнованный Володя Манусевич сообщил мне дрожащим голосом, что Николая Пантелеймоновича не стало...

Сагды Хасанович Сираждинов

С Сагды Хасановичем Сираждиновым я познакомился у Гнеденко. Они были очень дружны: оба были учениками Колмогорова и давно друг друга знали. Я узнал Сираждинова, когда тот был уже Вице-президентом Узбекской Академии наук.

Каждый раз, когда я приезжал в Ташкент, я приходил к нему и его очаровательной жене в гости. Однажды он позвонил мне в Москву и пригласил в Ташкент к себе на домашний банкет по случаю его 60-летия. Я не мог пропустить такой возможности, нашел какой-то повод полететь в Ташкент и в положенный день был у Сираждиновых.

Подарок я ему приготовил весьма специфический. Сагды Хасанович коллекционировал игральные кости. В его коллекции было несколько десятков всевозможных кубиков из различных стран. Были и пять разноцветных двадцатигранных японских костей которые я привез ему еще раньше из Киото. На них были выгравированы цифры от 0 до 9, и они могли служить для генерации пятиразрядных случайных чисел.

На этот раз я вез ему одну большую кость, выточенную по моему заказу на одном из авиационных заводов. Размера она была огромного: сторона была сантиметров семь-восемь. Но главной особенностью этой кости было то, что на всех шести ее гранях было выгравировано по шесть луночек: как ни кинь, а все получишь шестерку – самое счастливое число на игровых костях.

На домашнем банкете я прочел стихотворный тост-посвящение, объясняющий смысл шести шестерок на гранях, и преподнес Сагды Хасановичу блестящий металлический кубик. Юбиляр был в восторге.

«Игорь забери, пожалуйста, этот кубик обратно. Будем считать, что ты мне его еще не подарил! Завтра будет заседание Президиума нашей Академии наук, где меня будут поздравлять. Приходи с этой игральной костью и со своими стихами. Преподнеси мне этот подарок еще раз там».

Я так и сделал. Действительно, успех был необычайный. Сагды Хасанович отлично сыграл изумление и восторг. Он подготовил остроумное алаверды. Словом, наш с ним спектакль удался на славу.

ИНТЕРЕСНЫЕ ЭПИЗОДЫ

IFAC... I fuck!

Собственно, для тех кто знает, что IFAC (читается Ай-ФАК) представляет собой сокращение названия Международной Федерации по Автоматическому Контролю, уже смешно. Но я расскажу коротенькую историю, «имевшую место быть» в действительности.

Однажды, где в середине 70-х годов теперь уже прошлого столетия, Москва проводила одну из двухгодичных международных конференций IFAC. Как и положено, все было организовано с должной помпой: лучшие гостиницы, машины для гостей, встреча всех прямо при выходе из самолета...

В Шереметьево один за другим приземляются самолеты, доставляющие в столицу нашей Родины заморских гостей и европейскую научную знать...

В центре огромного зала стоит с иголочки одетый молодой человек с небольшим плакатиком, на котором скромно написано буквами среднего размера «IFAC». Видимо, не наде-

ясь на свой плакатик, он приятным баритоном кричит: «Ай фак! Ай фак!²¹»

Прибывающие, в основном англоговорящие, смотрят на него с интересом и улыбкой. А одна дама приятной наружности и еще вполне приятных лет произносит: “What a service!” («Вот это обслуживание!»).

Вскоре вокруг молодого человека собирается-таки заметная толпа зарубежных участников конференции, что приводит остальную массу публики только в еще большее изумление и даже смятение...

СТУДЕНТЫ-АСПИРАНТЫ

Отлучение от аспирантуры

Физтехи приходили на базовую кафедру на третьем курсе, сначала на два дня в неделю, потом больше. Но уже на третьем курсе был зачет по НИР – научно-исследовательской работе. Задачки обычно давались достаточно простые, зачет по НИР был, как правило, чистой формальностью.

И вот, появляется у меня студент, фамилии не помню, да она и не важна. Даю я ему тему для НИР. Проходит полгода, он о чем-то меня спрашивает по теме работы, я отвечаю. Проходит еще полгода – пора сдавать курсовую работу, обычно страничек на 5-10. Он приходит ко мне и так мило, вроде бы стесняясь, говорит мне, что не совсем понял постановку задачи, поэтому ничего не сделал.

Жаль мне стало бедолагу, не оставляя же его без стипендии: поставил зачет. А ходила обо мне слава, что я жалостливый и при всей своей требовательности в общем-то мягкий человек.

На следующий год тому же студенту даю для НИР ту же проблему, слегка ее расширив и углубив. Опять проходит год. Опять в конце года он сообщает мне, что не до конца понял задачу, но дал мне уже какие-то свои записи, которые я за отчет

²¹ По-английски воспринимается, как «Я трахаю! Я трахаю!» Чтобы было понятнее, скажу, что известное русское междометие «... твою мать!» звучит, как “Fuck your mother!”

по НИР принять никак не мог. Я был страшно зол, ругался, а он, потупившись, сидел и ... высидел очередной зачет. Как говорится, стыд пройдет – зачет останется!

На пятом, уже преддипломном курсе история повторилась! Тут уж я совсем озверел и зачет ему не поставил. Можете себе представить: студент не получает зачет по НИР на пятом курсе! А без этого не начнешь диплом писать!

Буквально через два-три дня звонит Проректор МФТИ по учебной работе (имя-отчество позабыл напрочь) и приглашает срочно приехать к нему. Что делать – начальник, хошь не хошь, а ехать надо.

Приехал, вхожу в кабинет проректора, а тот чуть ли не с кулаками на меня:

- Это что же вы делаете, товарищ Ушаков? Вы же позорите МФТИ!

- Вы о чем?

- Приходил ко мне студент имярек и сказал, что вы не поставили ему зачет по научно-исследовательской работе!

- Но он ничего не сделал.

- Какая разница?! Это вообще первый подобный случай в истории МФТИ! Как мы теперь будем выглядеть в глазах Министрства Высшего образования?

- Действительно, это безобразие. Но я думаю, что студент имярек уже достаточно наказан.

- Вот и поставьте ему зачет, на чем инцидент исчерпаем.

- Но я не могу этого сделать, пока не получу отчета по НИР от студента имярек!

- В таком случае ваша кафедра будет наказана: ни в этом, ни в будущем году вы не получите ни одного аспирантского места!

Студент тот в результате не пострадал: ему оформили по какой-то липовой справке академический отпуск и перевели на другую базу, где он получил липовый зачет по НИР, а потом и диплом написал.

Меня, правда, тоже наказать не удалось: я пошел поплакаться в жилетку ректору Физтеха академику Олегу Михайлови-

чу Белоцерковскому, с которым мы были достаточно хорошо знакомы (я, правда, больше знал его брата, Сергея Михайловича, по работе в экспертном совете ВАКа, где председателем был замечательный мужик – профессор Академии имени Жуковского Василий Иванович Тихонов). Олег Михайлович отменил распоряжение своего зама.

Таким образом, и волки (проректор по отношению ко мне и я по отношению к студенту) и овцы (я по отношению к проректору и студент по отношению ко мне) остались живы, здоровы и накормлены до отвала.

«Выпьём за балшого матэматыка!»

Были мы с Таней в Тбилиси, где я оппонировал одному из аспирантов Ильи Сардионовича Микадзе – руководителя Тбилисской школы надежности. Руководитель был хороший, аспирант был хороший, даже работа была хорошая, а уж банкет был просто очень хороший. Цветистым тостам не было конца: за аспиранта со всем его «гинекологическим деревом» (а был он из какой-то грузинской древней знати, то ли пра-пра-правнук славной Царицы Тамары, то ли внучатый пра-племянник Шоты Руставели), потом алаверды аспиранта, за научного руководителя, потом алаверды научного руководителя... Дошла очередь и до «гостирования» первого оппонента, то бишь, до меня.

Перед этим тостом, сидевший напротив типичный пирсоманиевский грузин – с усами, с пузиком, с густыми бровями – спросил соседа:

- Кто руководытэл?

- Профессор Ушаков, известный московский математик...

- В чем матэматык?

- В теории вероятностей...

Спрашивавшему было невдомек, что я сижу напротив, на расстоянии вытянутой руки и все прекрасно слышу. Постучав ножом по бутылке с боржомом, тот человек встал и произнес:

- У мэна эст тост за крупного, я бы сказал, крупнэйшего московского матэматыка – прафэсора Ушакова.

Он оглядывал весь стол в надежде найти в чьих-то глазах ответный сигнал: «Да-да, это я Ушаков!». Но смотрел он вдаль налево и вдаль направо, а на меня и не взглянул. Он продолжал:

- Вы все хорошо знаете научные труды профессора по вероятностям... - Фамилию он второй раз произнести не рискнул, видимо уже забыл. - За славу нашей советской науки, за уважаемого профессора!

Тут мне пришлось встать, и мы встретились глазами. Он немного сконфузился, но это быстро прошло. Вот так, не будучи никогда математиком, я сразу стал «крупнейшим»!

Когда мы с Таней возвращались в гостиницу «Сакарвелло», то были уже очень хороши. Гостеприимные хозяева довели нас, конечно, до самой гостиницы, прощание было такое, будто нас провожали в космическое путешествие на Марс или Венеру...

Когда мы вошли в вестибюль гостиницы и пошли к роскошной, как в каком-нибудь дворце, лестнице, ведущей на второй этаж, раздался зычный мужской голос: «Стойте! Стойте!» Мы были настолько «под парами», что даже испугались: а вдруг нетрезвых не сажают в космический корабль, отправляющийся на Марс?

Мы замерли, как вкопанные. К нам бежал добродушный по-тараканьему усатый старикан, размахивая чем-то в правой руке, как парламентарским флагом. Он подбежал к лестнице сбоку и протянул снизу вверх большой ломоть лаваша: «Ребятки, попробуйте! Вкусный хлэб! Ишшо тёплый!» Мы по-

Улочка в старом Тбилиси
(холст, масло)

благодарили и продолжили неверной походкой путь к своему номеру.

Казалось, что после всех этих пашлыков-машлыков, пыпят табака, сациви и лобио уже ничто не может уместиться в наших утрамбованных желудках... Ан, нет! Хлеб оказался настолько душистым, вкусным, мягким и почти горячим, что мы весь его съели с риском для жизни...

... Наутро, когда мы проснулись, нас уже ждал завтрак с шампанским... А вы пробовали когда-нибудь начинать день с бутылки шампанского?

Человек, который всегда знал, чего он хотел

Ко мне в лабораторию надежности пришел Боря Панюков и сказал, что хочет со мной работать. Случай не частый, когда внутри организации из других отделов вот так приходят новые сотрудники.

Я был наслышан, что у него золотые руки и светлая голова, хотя водились за ним и некоторые странности. Он, например, вязал женские кофточки, причем скорее из азарта, нежели из-за денег. Хотя, впрочем, работал он так быстро, что деньги получал, возможно, и неплохие. Он приобрел вязальный станок, кофточку мог связать буквально за один вечер. Женщины валили с заказами к нему валом: у него был прекрасный вкус, он мог дополнительно помочь выбрать индивидуальный фасон и цветовую гамму.

Он был автолюбитель, который знал свой мотоцикл до последнего винтика. А мотоцикл у него был отменнейший – Харлей-Дэвидсон или Дэвидсон-Харлей, что-то в этом роде.

Увлекался он и радиолюбительством, собирал магнитофоны, я имею в виду – не коллекционировал, а именно собирал. Понятно, что и на этом он делал деньги. Однако деньги не были для него главным. Я бы сказал, что азарт самого процесса был для него основным.

Вообще он появился на свет, как я теперь вижу, лет на 40 раньше времени: сейчас он был бы долларовым миллионером, причем не за счет воровства, а за счет своей яркой способности преуспевать в любом бизнесе, к которому он прикладывал руку.

Да, была у него еще одна особенность: не будучи от природы Гераклом, напротив страдая с детства гастритом, он занялся культуризмом и накачал себе прекрасную рельефную фигуру. Если еще учесть, что он вечно ходил с подмазанными зеленкой веками (было у него что-то вроде хронического конъюнктивита), то выглядел он более чем импозантно.

Я буквально через месяц повысил его до старшего инженера, дал ему группу из трех девиц, только что окончивших институт. Делали мы с ним какой-то генератор случайных чисел для электронной модели надежности – тогда еще о компьютерном моделировании речь не шла. Работа шла успешно, мы накатали с ним вместе штук пять статей для нашей «торемной стенгазеты», как мы называли журнал «Вопросы радиоэлектроники», одна из серий которого выпускалась в нашем институте.

Как у физиологического бизнесмена, у Бори было насмешливо пренебрежительное отношение к тогдашним властям всех уровней. Например, когда меня, беспартийного начлаба, вызывали зачем-то в партком, он меня потом спрашивал: «Что, Игорь, опять тебя красные жучили?» Постепенно «красные» и «жучить» вошло в лексикон лаборатории наравне с выражением «вашу Машу» вместо «твою мать».

Но вот произошел производственный конфликт у Бори с его подопечными девицами. Он был очень строг, любил порядок и обязательность, но допускал достаточно грубое отношение: мог публично резко обругать, хотя и вполне цензурными словами, срезать премию за нарушение сроков или безалаберность. Одним словом, вел себя, как хороший хозяин-менеджер, работая при этом на госпредприятии. Девицы пожаловались коллективно в партком, партком «пожучил» меня, я позвал после работы на разговор Борю.

- Боря, ты заставляешь меня выбирать между тобой и коллективом, а это...

- Хорошо, Игорь, я понял. Я уйду.

Все мои попытки смягчить ситуацию к успеху не привели. Честно говоря, я бы с большим удовольствием прогнал бы этих трех девочек, тем более что ходить в партком, а не придти ко мне, – это было гнусно. Но было уже поздно: Боря принял решение...

Я об этом очень жалел, в очередной раз поняв, что руководитель я никакой...

Вдруг, спустя наверное, больше полугода, мне звонит Боря!

- Игорь, не согласишься ли ты быть моим научным руководителем. В диссертацию частично входит материал тех статей, которые мы с тобой писали...

- Конечно, Боря!

Могу сказать, что меня этот ПОСТУПОК приятно поразило. Ну, разошлись, хотя и не расплевавшись, но ведь он был мною обижен, в конце концов. Но он перешагнул через обиды – и это еще раз для меня было показателем его человеческой, мужской зрелости.

Заготовки диссертации у него были секретные, поэтому я приехал к нему на фирму в Зеленоград, где он уже стал начальником лаборатории. Он получил однокомнатную квартиру в хрущевском доме рядом с работой – Зеленоград был тогда щедрым работодателем.

Работа намечалась добротная, делал Боря ее, как все и всегда, быстро и качественно. Менее, чем через год, он уже защитился.

Мы продолжали перезваниваться. Он рассказал о своем новом хобби – он разводил аквариумных живородящих рыбок. Я в детстве тоже этим занимался, поэтому мне было интересно окунуться в атмосферу своего так любимого мною детства. В один из выходных, захватив с собой своего сына Славу, я поехал в Зеленоград.

Оказалось, что у Бори все, как всегда, поставлено на широкую ногу. Он не «рыбок разводил» – у него была настоящая биологическая лаборатория. По всем трем стенам комнаты стояли стеллажи с аквариумами, оборудованными новейшими приборами: терморегуляторы, кислородные распылители, фильтры воды... Такая же картина на одной из стен кухни. На окнах в жилой комнате и на кухне стояли огромные бесповные аквариумы, сделанные из стеклянных аккумуляторных емкостей. Там, плотно закрытые от внешних воздействий в условиях влажности и повышенной температуры произрастали диковинные тропические лилии.

Рыбы были вроде обычные: гушпи, меченосцы, моллинезии. Но одно было в них удивительное: они были чуть ли не в два раза больше обычных! Оказывается, размер аквариумных рыб зависит от кубатуры аквариума. Вот, наверное, почему советский народ помельчал – жил в таких стесненных условиях, не до роста было...

Боря и здесь поставил дело профессионально. Он занимался селекцией, выводил породистых рыб, выращивал экзотические водные растения, обзавелся книгами-пособиями по «рыбному хозяйству», причем пришлось ему чешский и польский языки из-за этого осваивать. Дело в том, что основная литература по «рыбоводству» была на этих языках. Благо, что польский он учил еще раньше, когда выписывал журнал мод «Бурду» в эру вязания кофточек.

За рыбами к нему приезжали барыги с Птичьего рынка и покупали их по оптовым ценам. За красивейшими лилиями – оранжевыми, ярко красными, фиолетовыми – приезжала артистическая интеллигенция – художники, поэты, киношники. Покупали каждый цветок за 200-300 рублей. Потом через 3-4 месяца приезжали еще – лилии у них гибли... Боря снабжал их подробными инструкциями, как ухаживать за цветами: когда включать искусственный свет для обогрева, когда закрывать аквариум крышкой, чтобы создать обстановку тропической «бани». Мне он говорил: «Все-таки красные все чудачки на букву ”м”! Платят такие деньги и губят растения...»

Потом Боря выяснил, что самое выгодное – это «клепать» аквариумы. Он скупал бой витринного стекла по всему Зеленограду, и мне кажется, что этого боя было больше, чем обычно, потому что работяги, наверное, специально били стекло, чтобы заработать на пол-литра. У местных предприятий совершенно официально скупал забракованные уголкового реечки. Нарезал стекло, сваривал рейки в аквариумный каркас и собирал аквариумы. Отработав технологию, он нанял нескольких местных алкашей, которые за одно-два пол-литра клепали по несколько аквариумов в день. А потом вечером приезжали те же барыги с Птичьего рынка и опять покупали оптом партию первосортных аквариумов: те блестили никелированными ребрами жесткости и первосортным витринным стеклом...

Селекция рыб из бизнеса превратилась в хобби. Боря здесь преуспел: это он впервые выбросил на Птичий рынок вуалехвостых гуппи, причем еще и с черными хвостами.

Наш визит со Славой завершился королевским подарком: Боря подарил Славе двух- или трехведерный аквариум и с десяток гигантских живородящих рыбин. Когда я пытался заплатить какие-то деньги, он мне сказал: «Игорь, деньги мне не нужны. Я их могу заработать столько, сколько захочу. Меня вполне устраивают две-три тысячи плюс зарплата: я не пью, ем умеренно (у него был больной желудок), машина мне не нужна, а "Харлей" уже есть».

Насколько Боря был суров и дома по отношению к разгильдяйству, показывает такой пример. Он поехал в отпуск на две недели и попросил свою жену, последить за рыбами: регулярно кормить их, включать и выключать свет и т.д. Когда он приехал ... все рыбы «отбросили хвосты». Жену он «выслал» к родителям в Минск, а потом даже и развелся, оставшись надолго, если не навсегда холостяком. Он определил жене и дочке, которая родилась уже в Минске, ежемесячные алименты в полторы тысячи рублей. Жена в претензии не была: в то время доктор наук получал 500...

Потом он пропал с моего горизонта на какое-то время. Вдруг звонок: «Игорь, приезжай ко мне в Ботанический сад!» – «Куда-а-а?». Приехал я в Ботанический сад Академии наук, он меня встретил и повел в свою тропическую оранжерею, которой стал заведовать.

Оказывается, Боре надоело быть начальником лаборатории в ящике, и он предложил свои услуги Ботаническому саду АН СССР. Предложил он наладить им отдел тропических водяных растений. Там ему не отказали, но, несмотря на то, что он был кандидатом (правда, технических наук), предложили ему для начала должность младшего научного сотрудника. Кто бы из нас на это согласился? Да это просто оскорбительно!

Но Боря был человек неординарный: он согласился на прыжок вниз с 400 рублей на 120. Вы помните, что деньги он делал в любом необходимом количестве, а посему в зарплате не нуждался. Действительно, лишних триста рублей он мог поиметь с десятка лишних аквариумов, собранных к тому же руками «негров».

Оранжерея была не просто запущена – она фактически не существовала: битые стекла, никаких растений, естественно, поскольку зимой – мороз, как на улице. Сам бассейн был просто какой-то сточной ямой, промерзавшей с наступлением морозов.

Боря с письмом от директора Ботанического сада поехал к директору Московского завода «Прожектор». Там он быстро организовал бартерную сделку: мы вам устанавливаем в соответствии со всеми правилами научной организации труда аквариумы в холлах и в кабинетах начальников для релаксации сотрудников, а вы в порядке шефской помощи помогаете нам с софитами-осветителями для нагрева помещения, а также помогаете застеклить оранжерею. Сами понимаете, что Ботанический сад здесь был не при чем: все аквариумы вместе с рыбами были поставлены лично товарищем Панюковым.

После этого Ботанический сад – хошь, не хошь – был вынужден раскошелиться на тропические растения. Часть из них по госцене была предоставлена самим Борей. Павильон тропических водных растений начал функционировать, Борю повысили до старшего научного работника и даже дали кабинет в лабораторном корпусе.

Но Боря был человек грамотный: он понимал, что в бассейне нужно организовать экосистему – нужны были тропические рыбы! Опять ученым мужам из руководства Ботанического сада ничего не оставалось, кроме как согласиться с научной аргументацией – ведь не прослыть же ретроградами! – и закупить (опять же по госцене, никакой спекуляции) тропических рыб у Бори.

Возникла новая сложность – с кормом для рыб. Боря мне говорил:

- Эти красные все же чудачки! (Опять через ту же букву, конечно.) Сказали, что это Ботанический сад, а не зоопарк, поэтому они не могут провести статью "корм для рыб"!

- Ну, и как ты обходишься?

- Кормлю на свои деньги. Ну да это гроши! Я нашел дешевый способ: рыбы хорошо едят плавленые сырки. Я развожу их в воде и этим бульоном кормлю рыбок. Рубля в день на корм хватает!

Боря был воистину счастлив:

- Я к этому стремился всю жизнь! Я занимаюсь любимым делом. Я работаю в прекрасных условиях. Я даже веду интересную научную работу...

Когда мы говорили, а дело было глубокой осенью, Боря стоял в плавочках, точно так же был одет и единственный его сотрудник – тоже какой-то фанатик тропических джунглей. Я был раздет по пояс... Ярко светило несколько искусственных солнц. В бассейне сновали громадные живородки. Над водой на высоких стрелах или же на плавающих листьях цвели изумительные лилии... Лилась тихая и хорошая джазовая музыка: Боря любил Луи Армстронга, Гленна Миллера и Джорджа Гершвина...

Он рассказал, что однажды его вызвал директор и сообщил, что на Панюкова Бориса Васильевича поступила жалоба: он на своем рабочем месте устроил бардак, ходит в неглиже, музыку слушает и ничего не делает... Боря позвал директора, посетить Павильон тропических растений, чтобы увидеть все своими глазами, а не понаслышке. Директор пришел, и Боря, встретивший его в плавочках, начал не спеша, с деталями и с демонстрациями рассказывать, какие у него растения, что для них нужно, какие у него рыбы и для чего рыбы в Ботаническом саду... Директор взмок... «А вы галстучек-то снимите, повесьте на стул». Потом на стул был повешен и пиджак, потом расстегнута до самого пупа рубашка... Лилась тихая музыка, директор расслабился. Человек он был неглупый и, видимо, потому больше претензий Боре не предъявлял, хотя число «доброжелателей», конечно же, не убавилось! Ох, как у нас не любят тех, кто не похож на серого середнячка!

ГАЛОПОМ ПО ЕВРОПАМ

Спи спокойно, дорогой товарищ!..

Вступив в партию, я оказался номенклатурной единицей: нужен был доктор наук на зама председателя Совета молодых специалистов при МГК комсомола. Стал я отнекиваться, стар, мол. Но оказалось, что среди докторов наук было только две достойных кандидатуры: Евгений Павлович Велихов, тогда

уже член-корреспондент, да я. Я был менее нужен матери-Родине, поэтому меня и выбрали на комсомольское «заклание».

Мои замечания о возрасте были насмешливо отклонены: «Вон Купрееву, Первому секретарю Московского горкома ВЛКСМ, вообще уже за пятьдесят, а он все цветет и пахнет на комсомольском поприще! Так что не рыпайся!» Аргумент был убойный. Как говорится, против лома нет приёма. С партией шутки плохи – ты, как рыба на крючке: куда леску поведут, туда и плыви, иначе губы порвешь.

Но были, конечно, и в этом свои плюсы. Был у меня в МЭИ аспирант – Николай Николов, который был – не больше и не меньше – членом ЦК комсомола Болгарии. Он пригласил меня «с дружеским визитом» в Софию. Откуда бы еще отпустили на такую халявную поездку, кроме как из комсомольского храма? Это была моя первая поездка в «невалютную» страну, было интересно посмотреть, как там живут братья-славяне?

Собрался, снял деньги в физтеховской сберкассе, где копилась моя преподавательская зарплата, купил билет – и в путь. В Шереметьево прохожу паспортный контроль. Спрашивают:

-Деньги везете?

- Да. – Вынимаю бумажник из пиджака ... и из него в окошечко чиновника прямо на его стол красным дождем сыплются новенькие червонцы! Штук пятьдесят! А с собой брать можно было только три червонца...

- Я вас вынужден снять с рейса и составить акт...

А меня почему-то смех разобрал:

- Ну, не думаете же вы, что я хотел эти деньги провезти незаконно?

Объяснил я ему, что вчера вечером ездил в Долгопрудный в сберкассу МФТИ, откуда деньги, почему много. К счастью, и сама сберкнижка была вложена в паспорт, остаток в коей был меньше 10 рублей, т.е. снял я все подчистую. Показал командировку, удостоверение зампреда Совета молодых специалистов Москвы, нашел визитку с обозначением всех своих научных побрякушек.

Чиновник поверил – видимо, не похож я был на комсомольского жулика.

- Хорошо, мы все уладим с вами мирно, но деньги надо сдать в здешнюю сберкасса, вы их получите при возвращении.

Он любезно пошел со мной, помог. Но время ушло – на свой Аэрофлотский рейс в Софию я опоздал... Тогда тот же чиновник оказался очень порядочным человеком (или на него так подействовали мои «рыгалии»?). Он пошел со мной в «Балкан» и устроил меня на очередной болгарский рейс, посадка на который уже заканчивалась.

Прилетаю я в Софию. Куда ехать, кому звонить не знаю – должны были встретить, но прилетел же я почти на полтора часа позже и на другом рейсе! Вдруг слышу, меня зовут и машут руками люди со смотровой площадки, расположенной на крыше аэропорта. Оказалось, что меня встречали все мои болгарские аспиранты, а зная меня, они решили, что я обязательно что-нибудь напутаю!

Вместе с ними были и две молодежькие неопределенного возраста «старушки» лет от сорока до шестидесяти, представлявшие Совет Болгаро-Советской дружбы. Они уже держали в руках билет на Варну и слезно умоляли меня сразу же лететь туда. Оказывается, там проходила Международная конференция по надежности, а болгары забыли пригласить советских специалистов. Я был их единственным спасением от позора, а, возможно, и партийного нагоняя за раззявство.

Я милостиво согласился. (Было очень интересно!) Встречали меня в Варне по-королевски. Номер у меня был барский. Сидел я не иначе, как в президиуме...

Там я познакомился с Венциславом Румчевым – веселым и фантастически активным парнем моих лет. С тех пор мы сдружились и продолжаем «электронно» дружить, хотя расстояние между нами увеличилось: было Москва – София, стало Сан-Диего – Аделаида (та, что в Австралии)...

Из Варны в Софию Венци предложил ехать на машине, на которой он приехал туда. Обратная поездка была одним из самых незабываемых событий в моей жизни. Я думаю, что Болгария одна из самых красивых и природно разнообразных стран в мире, где на небольшом пятячке природа представлена во всем своем разнообразии и великолепии. Мы до оскомины слушали непрерывно АББАвскую «Money, money», ритм которой Венци отбивал на руле машины, несшейся с бешеной ско-

ростью. (Тогда я еще не знал, как ездят в США, а после Москвы и российских дорог та скорость для меня «запредельной»!)

По пути мы сделали остановку в каком-то красивом – каковы все они в Болгарии – монастыре, чтобы переночевать. Мест не оказалось – группа студентов-художников заняла все возможные спальные места. Настоятель сказал нам, что не беда, на улице тепло, а он нам даст овчинные тулупы – один подстелить, а вторым – накрыться.

Мы засиделись с радушным хозяином божьего представительства на Земле допоздна, пия самогонную монастырскую ракию и закусывая салатом по-шопски. Потом под абсолютно черным небом, затянутым облаками, – ни звездочки не было видно – настоятель уложил нас под огромным деревом, которое поутру оказалось вековым дубом...

Проснулся я среди ночи, как мне показалось, от слез – что-то горячее будто текло по щеке. Открыв глаза, я встретил чей-то взгляд с отблеском звезд и луны, выпедших на уже безоблачное небо. Первая мысль была: «Волк!» Но огромный пес ласково почти по-копачьи заурчал и лизнул меня еще раз.

Тут я заметил, что у меня в ногах кто-то стоит в позе Иисуса Христа, растопырив руки. Сердце опять как-то заглохло – даже с Иисусом в такое позднее время встречаться не хотелось. Я пошарил рукой, нашел очки, надел их и увидел ... могильный крест! Оказывается, мы с Венци легли между могил!

Соседство пса меня обрадовало. Я погладил его и пригласил лечь на краешек тулупа, а потом мирно заснул...

Так я провел ночь на кладбище. Знаете, ничего!

Венци спал тихо, как дитя, а остальные соседи по кладбищу тоже вели себя весьма достойно: спали спокойно своим вечным сном.

Американская идиома

Когда я приехал в 1970 году в Америку уже во второй раз, то встретился с Томом Саати, которого уже встречал за четыре года до того. Дело было в Филадельфии. Я с большим трудом получил в Советском Консульстве в Вашингтоне, где участвовал в работе Международной комиссии по терминологии, продление командировки на три дня (без оплаты команди-

рочных). Авиабилеты до Филадельфии и обратно мне оплатил Пеннсильванский университет.

Том встретил меня в аэропорту, и, как мне показалось, через считанные минуты мы были уже у него дома. Он стал меня о чем-то расспрашивать, но я никак не мог врубиться: почему-то английский напрочь вылетел у меня из головы.

- Дай мне чего-нибудь выпить, Том...

- Виски с содовой? Джин с тоником?

- Все, что угодно, но без содовой и без тоника. «Стрейт». И не гаюток, а минимум полстакана...

Он принес полный фужер виски, я выпил... И сразу из меня полился чистопородный американский! (Тогда я хорошо говорил и именно по-американски, а вот сейчас опять все ушло, причем водка почему-то не помогает...)

Тут Том крикнул своей жене, которая уже суетилась, накрывая стол:

- Розан! Розан! Хочешь, Игорь научит тебя за пять минут говорить по-русски?

- Конечно! Мальчики, я сейчас!

Розан влетела в кабинет Тома с радостной улыбкой. Том объяснил, как этого легко добиться — надо всего-навсего выпить стакан крепкого спиртного.

- Игорь, приезжай еще раз через год. Я обязательно у тебя поучусь, а сейчас, к сожалению, не могу. — Ответила Розан. (Дело в том, что она была в положении.)

На следующее утро Том повез меня в университет на встречу со студентами и преподавателями. Советские в то время были еще в диковинку: люди буквально оглядывали тебя, стараясь обнаружить рога или хвост. Честно говоря, я сильно волновался. Спросив Тома, как лучше всего себя вести, он посоветовал:

Томас Саати

- Будь раскован и почаще говори «буллшит». Это сейчас модно у студентов.

Как перевести эту идиому? Буквально – «бычьё дерьмо», а по сути – «ерунда», «чушь» или даже нечто заменяющее наши матерные восклицания, которые я не буду приводить по понятным соображениям. Кстати, с идиомами в английском дело обстоит неплохо. Как вы думаете, как по-английски «проливной дождь»? Это будет «Рейн догс энд кэтс», то бишь «льет кошками и собаками». Богатое воображение надо иметь, не правда ли?

Все шло, как и предсказал Том. Когда я на какой-то провокационный вопрос произнес: «Это буллшит!», аудитория одобрительно-удовлетворено загудела. Разговор очень быстро вышел за профессиональные рамки: посыпались вопросы о том, как живут люди в России, как русские думают об американцах (слово «советские» почему-то почти не звучало).

Вместо намеченного получаса я пробыл «на ковре» часа полтора. И даже получил около двухсот «баксов» за полученное мною же удовольствие.

ПРО МОИХ ДЕТЕЙ

Как Слава попал в анимацию

Так и просится каламбур: Слава попал в анимацию, а я – в реанимацию...

В школе Слава, как я уже писал, не нашел себя в смысле будущего. Да, он хорошо рисовал, но это было вне школы. У меня было страстное желание найти что-то такое, что увлекло бы его в искусстве в прикладном смысле: ведь у человека должна быть специальность.

Сначала, еще учась в девятом классе, он начал рисовать карикатуры в газете «Советский цирк», где главным редактором был мой товарищ Миша Пекелис. (Кстати, он сейчас Михаил Абрамович Пекелис – Председатель Союза писателей России! Не хухёр-мухёр!) Славины карикатуры появлялись в каждом номере в этом еженедельнике.

Позже тот же неутомонный Миша Пекелис подтолкнул Славу к тому, чтобы тот попробовал податься в какую-нибудь

серьезную газету. Для начала была выбрана не более и не менее серьезная редакция, чем «Известия»...

Поломав голову над темой карикатуры, Слава пришел к вот такому рисунку, который назывался «В ногах «Правды» нет». Действительно, в ногах у банщика газета «Известия»...

С этим рисунком он пришел к заву редакцией карикатур, который до слез смеялся, попросил карикатуру ему подарить, чтобы повесить ее у себя в кабинете. Обещал непременно позвонить. Естественно, не позвонил. И наверное, к лучшему: Слава нашел себя в мультипликации.

**Слава Ушаков. "В ногах парвды нет".
(позднее авторское воспроизведение)**

Однажды, когда Слава учился классе в восьмом или девятом, мы с ним начали делать ... мультфильм. Да-да, не имея ни малейшего представления о том, что это такое. У меня был любительский киноаппарат, мы его закрепили на треноге и вели по-кадровую съемку. Изгалялись мы, как только можно: и рисованный мульт делали, и кукольный, и натуральные игровые куски вставляли, и даже пластилин использовали – в то время очень популярна была «Пластилиновая Ворона», которой начиналась вечерняя сказка для малышей.

И вот я опять к Мише Пекелису: не может ли он помочь как-нибудь выйти на мультипликаторов, а то пора уже думать о том, что делать после школы. Миша созвонился с Эду-

ардом Успенским (это тот, который «папа» Чебурашки с Крокодилом Геной и создатель «Простоквашино»), тот связался с Александром Татарским («отцом» много чего, в том числе и той самой «Пластилиновой Воронь»), Татарский назначил время, и вот мы со Славой у мультипликационного мэтра – молодого, но уже матерого.

Татарский посмотрел Славин мульт с интересом, пару раз хохотнул, похваливал. Потом сказал:

- Слава, а ты готов к тому, что ты будешь лет до тридцати пяти заливать чужие картинки красками? Ты знаешь, мне повезло в жизни, но я и то сделал свой первый фильм только к тридцати пяти? Это очень тяжелая, поначалу неинтересная и неблагоприятная работа...

Слава мотнул головой сверху вниз и пробормотал что-то типа «да».

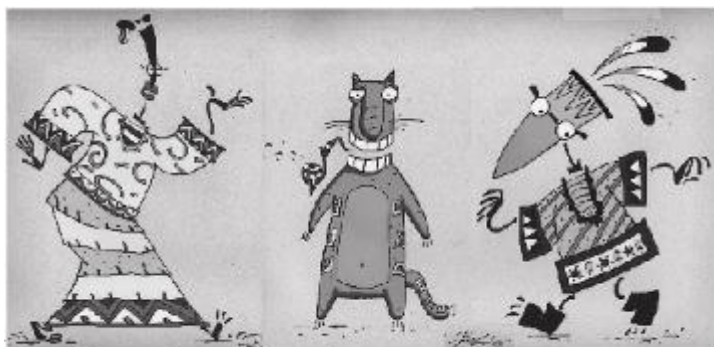
На том и разошлись. Потом Слава, кончив школу, загремел в армию. Татарский рассказывал – а он любил про это рассказывать даже в телевизионных интервью – как спустя пару лет он вспомнил о том мальчишке, который хотел стать мультипликатором, обращался к Успенскому, но тот не помнил никакого Ушакова.

Когда Слава пришел из армии, то сразу же пошел к Александру Михайловичу Татарскому. Тот был искренне рад, спрашивал, где Слава пропал три года, что он его искал через Успенского...

Славу взяли на студию «Пилот», где он познакомился и со вторым замечательным мультипликатором, напарником Татарского – Игорем Ковалевым и с целой плеядой талантливых ребят, многое из которых стали его друзьями на всю жизнь.

Татарский направил Славу учиться во ВГИК, где он прошел школу у классика советского анимационного кино Федора Савельевича Хитрука. Славина дипломная работа – фильм «Когда-то я жил у моря» – трогательный грустный фильм про сына моряка, не вернувшегося из плавания – завоевала впоследствии не один приз на кинофестивалях.

В 1993 году Слава сделал для хит-группы «Ногу свело» клип «Рамамба Хару Мамбуру» – заводной музыкальный клип, который крутили по телевидению года три. Так Слава нашел свою судьбу. Потом пошли другие фильмы, отмеченные на различных международных и национальных конкурсах.

Рамамба

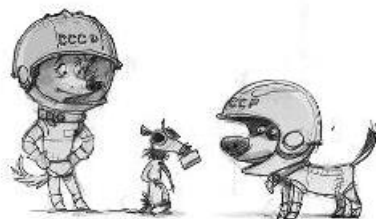
Барсик

Вуди Гален

... А в декабре 2009 года на экраны вышел его фильм «Звёздные собаки Белка и Стрелка», который был сделан к пятидесятилетию полета наших славных зверушек в космос.

Белка и Стрелка

**Они же в мультике
со своим другом мышонком Лёней**

Справедливость или квартира?

Когда мы с Таней начинали нашу жизнь в Москве, у нас не было ни кола, ни двора для себя, ни садика для Кристины. Мы стали снимать однокомнатную «хрущевку», а я начал «пробивать» жилье. Мне, по наивности, казалось, что коренному москвичу получить кооперативное жилье – раз плюнуть, были бы деньги. Деньги удалось наскрести, подзаянть. Наступил период хождения по инстанциям.

Я «обеспечил тыль» – бумажек было, хоть пруд пруди: и от зама министра Минрадиопрома, и от Президиума АН СССР, и не помню уж от кого еще. Ах, да: еще и от Начальника Мосгосстроя.

Но как только дело доходило до Управления кооперативного хозяйства Москвы, все стопорилось: вечно возникали какие-то непреодолимые трудности. Я пообъездил множество кооперативов, перезнакомился с их председателям, получал подтверждения о том, что у них есть жилье, как минимум на первом или последнем этажах, но когда на следующий день мы с Таней приезжали в УКХ, то оказывалось, что каким-то чудесным образом за ночь вакантное место уже доставалось кому-то еще.

Я, сознаюсь, озверел... И вот тут-то мне повезло, я случайно встретил своего бывшего аспиранта, защитившего недавно докторскую, Славу Пенина, и на его вопрос: «Как дела?» разразился тирадой проклятий в адрес УКХ. Слава на это сказал, что у него брат работает в Комитете народного контроля аж замом самого Председателя Арвида Яновича Пельше. Сходи, мол, к нему, должен помочь.

Младший Пенин был, действительно, силен настолько, что мог бы все сделать простым звонком. Но была «партийная этика», эдакие бальные танцы в коридорах власти. Он позвал какого-то «чижика» и попросил его пойти со мной к Матрене Митрофановне (имя условное), которая занимается жилищными делами, попросить ее «помочь товарищу Ушакову, который только что был на приеме у зама Председателя». Это был и не нажим, но намек, что вроде бы зампред хотел бы положительного решения вопроса.

Пришел я к вышеобозначенной Матрене, она очень мило со мной побеседовала и даже в мягкой форме понегодовала, какие, мол, порядки в УКХ! Потом сказала, чтобы я написал заявление на имя Комиссии по жилищным проблемам КНК, которую она представляет. Я написал подробное заявление с описанием бюрократической волокиты, с деталями издевательского поведения работников УКХ, все это густо приправив фамилиями и должностями действующих лиц.

Матрена внимательно прочитала мое заявление и спросила меня, глядя мне в глаза:

- Товарищ Ушаков, вам справедливость нужна или квартира?

- Конечно, же квартира!

- Тогда пишите! – И она стала мне диктовать: «В Жилищную комиссию Комитета народного контроля при ЦК КПСС. Точка. Прошу Вас оказать мне содействие в получении кооперативной квартиры. Точка. Копии всех необходимых документов прилагаю. Точка. Ваши титулы, подпись, дата. И все! Никаких возмущений!»

Было все просто, как первый крик ребенка, только что появившегося из утробы матери! А поверху синим цветным карандашом Матрена начертала: «Прошу внимательно рассмотреть». (Подпись, дата.)

Я поблагодарил и вернулся к своему знакомому. Он посмотрел и сказал:

- Вот теперь все в порядке: карандаш синий, значит вопрос решен положительно, а “внимательно” означает, чтобы сделано все было быстро. Такие вот у нас «внутренние» коды!

С этим заявлением мы с Таней пришли к Начальнику УКХ, он, оставив письмо у себя, тут же направил нас к той самой вредящей бабе, которая волянила нас уже несколько недель.

А вот ей всё было нишчем. (Может, она еще не получила сигнала от начальника?) Тут я разбушевался, стал качать права. Но Таня наплась и спокойно сказала мне, чтобы я подождал ее в коридоре. Я пошел докипать в коридор. Через минуты три вышла улыбающаяся Таня. Она, оказывается, аккуратно положила в как бы невзначай вдвинутый ящик стола ко-

робочку дорогих французских духов. Потом они мирно побеседовали с той мадам чуть-чуть на светские темы, в процессе чего Таня как бы невзначай упомянула про мой поход к заму Пельше и про синюю резолюцию на моем заявлении...

Вскоре счастливые мы въехали в трехкомнатную квартиру на первом этаже. Потом оказалось, что дом далеко не заполнен, видимо, не все клиенты приходили в УКХ с соответствующими борзыми ценками. Нам совсем уж за символическую мзду уже внутри кооператива удалось вскоре даже переехать внутри на второй этаж в том же доме, на чем наши амбиции достигли мыслимого предела, и мы успокоились навсегда...

... И на том свете американский флаг!

Здесь, в Ла Хойе, где я сейчас живу, истинный рай: температура «зимой и летом – одним цветом», меняется от крещенских морозов +10° ночью до летнего дневного пика жары +28°. Кое-кто спрашивает, а не скучно ли без смен времени года? Может, кому и скучно, а мне полезно: давление не скачет. А главное, как сказал мой старинный друг Миша Топольский, скучно – это когда нет денег. К тому же, при моей чудовищно странной для русского человека болезни – аллергии на холод (!!!) – жизнь именно здесь есть единственное для меня спасение: я не кашляю, как подзаборная собака, и не травлюсь нитроглицерином. Правда, поначалу организм пытался реагировать на зимний сезон: мол, если холода нет, так все же есть декабрь! Но потом и он успокоился, кашляю только из-за собственной глупости: запью таблетку очень холодной водой или соблазнусь на мороженое.

А особенно хороша здешняя погода для игры в теннис: ни ветра, ни дождей. Поэтому мы с Марком Каминским, моим другом, коллегой и сотрудником по работе, играли едва ли не каждый день. Над тартановым теннисным кортом гордо реет американская красно-белая тельняшка с белыми звездами на темно-синем фоне в уголке.

Играем однажды с Марком. Неумение играть я компенсирую суетой: туда метнусь, прозевав мяч, туда подбегу. И вот Марк дал мне верхний мяч за спину, т.е. перекинул меня, разяву. Я попытался грациозно, ну, как Джимми Коннор, этот мяч взять, попятился назад, но ноги-то в 66 (было это 10 лет назад)

уже слушаются плохо: подошвы, как прилипли... И я со всего маху шлепнулся навзничь на спину и ударился затылком об покрытие корта. Как всегда в подобных случаях, успеваешь молниеносно мелькнуть мысль: «Доездился, @#\\$-к!»

Оказалось, умирать не страшно. Тот самый «миг между прошлым и будущим» обрывается – и все. Но вот открыл глаза, хотя тела и не чувую под собой. Думаю: «Вот ведь не верил в загробную жизнь, а она есть!» Смотрю и даже флаг трепещет американский надо мной... Вот думаю, чудеса: Царствие Небесное по месту последнего проживания!

Но тут все разрушил своим испуганным вскриком подбежавший мне на помощь Марк. Я понял, что я не «там», а все еще «тут», встал, как ни в чем не бывало, но хватило ума игру не продолжать: голова немного кружилась. Дома приложил лед к затылку, но оказалось, что уже успел образоваться здоровенный синячище размером с ермолку, какие носят правоверные евреи. И цвет был подходящий – темно-темно синий, что контрастно смотрелось на лысом черепе.

На следующий день пошел к врачу. Сделали мне томограмму, и врач возбужденно сказал: «Это просто чудо! У вас никакой внутренней гематомы! Правда, вот за вашим «слепым» глазом опухоль размером с куриное яйцо...»

Вышел я от врача в страшно угнетенном состоянии. Такое было со мной впервые в жизни, Одно дело умереть на столе под ножом хирурга, а совсем другое – долго и мучительно болеть, теряя привычные человеческие качества... У меня мой друг Игорь Мизин, с которым мы многие годы работали бок о бок НИИ АА и который потом стал академиком и директором нашей с ним альма-матер, мучился с раком мозга, а потом умер на операционном столе...

Я шел и думал только об одном: что мне сказать дома жене? Таня и без того намучилась, вытаскивая меня то из одной, то из другой смертельной ситуации. Шел я долгую дорожку пешком, пришел в себя, а войдя в дом, почти беззаботно заявил Тане, что у меня нашли какую-то опухоль в мозгу и обещали через день сказать точный диагноз. Она, конечно, разволновалась, но мой безмятежный вид немного ее успокоил.

Через день нейрохирург сказал мне, что у меня доброкачественная опухоль, и что она, к счастью, еще операбельного

размера. Он же сообщил мне, что операция необходима, ибо «хороших» опухолей в мозгу нет – все они, разрастаясь, убивают своего «носителя».

Одним словом, обрадовал! Так что, во истину, нет худа без добра – не упал бы, не знал бы про опухоль, запустил бы ее до неоперабельного состояния.

Предложили сделать операцию гамма-лучами, на которую я тут же согласился. Проходило все удивительно просто и быстро. В назначенный день уложили меня в «саркофаг», предварительно привинтив к голове квадратную рамку. Нет, я не ошибся: рамку, действительно, прикрутили к черепушке винтами с острыми концами, которые впились в черепную кость, и рамка намертво сидела на голове. Был сделан добротный местный наркоз, так что боль я почувствовал от этих винтов только часа через три, но всего через пару дней и она прошла.

С этой рамкой я пролежал около часа, пока делали томограмму. По моей просьбе нашли единственный в операционной диск с классикой, что-то Баха, и я наслаждался музыкой. Порывался заснуть, но решил, что лучше бодрствовать, тем более, что затекало тело, и приходилось делать спиной некие странные сексуальные движения с намертво зажатой головой.

Потом меня выпустили отдохнуть и я воссел на стуле с гордой неподвижностью Христа, несущего венец терновый. Просидел я пока на компьютере программировалась операция. Потом опять уложили в саркофаг, но уже часа на полтора. Классики больше не оказалось, но, к моей радости, нашелся Джордж Гершвин. Под него и спать не хотелось!

Операция – одно только название. Никаких ощущений вообще. После того, как мне выжгли оболочку моей опухоли (а она оказалась «капсулированной», т.е. безо всяких там метастазных образований), я встал и своими ногами тут же пошел в приемную, где меня ждала, как всегда, взволнованная Тania, и мы поехали домой.

Как я собирал трупы на колхозных полях

Как я уже писал, однажды я на славных совхозных полях «допомогался» советскому сельскому хозяйству аж до инсульта, дергая морковку. Попал я с этим инсультом в академический

госпиталь. Когда вышел я из госпиталя, спустя примерно месяц, то мой левый глаз окончательно «свихнулся» – смотрел куда-то вверх и вправо... Смотреть на мир двумя глазами было невыносимо: прямо какое-то раздвоение личности или, вернее, раздвоение окружающего мира. Стал я ходить с черным очком на левом глазу, как Кутузов. А может, как адмирал Нельсон, – ведь фамилия-то у меня адмиральская!

С этим и в Америку приехал читать лекции в Вашингтон. А там нашелся добрый человек, хирург-окулист. Сказал, что у меня паралич двигательного нерва, но глаз можно подправить. Стал расспрашивать, как все произошло. Язык мой английский и сейчас не блещет, а тогда, как говорится, оставлял желать лучшего.

Вот мой рассказ в пересказе на русском, но с использованием двух необходимых для повествования английских слов.

-Вы знаете, в Советском Союзе посылали научных работников на поля убирать урожай...

Здесь необходимо пояснительное отступление. Вместо “crops”, что означает “урожай”, я сказал “corps”, что означает “трупы”, поэтому для американского врача это прозвучало так:

-Вы знаете, в Советском Союзе посылали научных работников на поля собирать трупы...

- И во что же вы их собирали?..

(В глазах врача появился ужас.)

- В большие корзины. Потом несли вдвоем и сгружали в машину.

- А потом?..

- Потом везли все это в специальное хранилище...

- А там...

- А там все это гнило!

- ?..

- Ну, конечно, мы перебирали все, гнилое выбрасывали, а более или менее нормальное оставляли.

- А зачем?!..

- Как зачем? Чтобы зимой есть...

- А что, неужели в России больше ничего не было есть?!!

Только тут я понял, что что-то сказал неправильно. Я начал, как в кино, проматывать пленку назад и как-то сразу понял, что и где я напутал. Мне пришлось с извинениями объяснить американскому врачу, что перепутал я два английских слова.

Врач вдруг повалился на стол и стал биться в конвульсиях смеха. Глядя на него, заржал и я. На наш истерический громкий смех в комнату ворвалась перепуганная секретарша. В перерыве между удушьями, каким-то лающим от смеха голосом врач пересказал мою историю. Стала в истерике смеха колотиться и секретарша.

Наплакавшись от смеха и сорвав свои голосовые связки, мы, наконец, успокоились. После этого мне назначили день операции. Когда секретарша выписывала мне направление, она то и дело взвизгивала от очередного приступа смеха...

Список действующих лиц в книге-1:

Агаджанов, Павел Артемьевич – членкор АН СССР, лауреат Ленинской премии, зам директора НИИ АА.

Акофф, Рассел – известнейший американский специалист по исследованию операций, был Президентом Американского Общества по исследованию операций. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Андерсен, Теодор – один из крупнейших американских статистиков, член Национальной академии США. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Бабакин, Георгий Николаевич – членкор АН СССР, лауреат Ленинской премии, создатель «Лунохода». Генеральный Конструктор ОКБ им. С.А. Лавочкина.

Барлоу, Ричард – один из крупнейших американских специалистов по теории надежности. Автор нескольких книг переведенных на русский язык.

Белоцерковский, Олег Михайлович – академик АН СССР, ректор МФТИ.

Беляев, Юрий Константинович – профессор, доктор наук, лауреат Госпремии СССР, один из крупнейших советских и российских специалистов по теории надежности. Автор многих книг по прикладным проблемам теории вероятностей.

Берг, Аксель Иванович – зам Министра Обороны, академик АН СССР, Герой Соцтруда, Председатель Совета по кибернетике.

Березовский, Борис Абрамович – известный миллиардер из «новых русских», бывший друг мафиозной «семьи» Ельцина.

Бир, Стаффорд – известнейший английский специалист в области исследования операций и кибернетики. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Бусленко, Николай Пантелеймонович – членкор АН СССР, заведующий кафедрами в МФТИ и Институте нефти и газа им. И.М. Губкина. Автор фундаментальных трудов по методу Монте-Карло.

Вентцель, Елена Сергеевна – профессор, доктор наук, автор популярного учебника по теории вероятностей, член Союза Писателей СССР. Автор многих пьес и романов.

Галлай, Марк Лазаревич – военный летчик-истребитель, известнейший летчик-испытатель, Герой Советского Союза.

Глушков, Виктор Михайлович – академик АН СССР, вице-президент АН УССР, основатель и бессменный директор Института кибернетики АН УССР, «главный кибернетик Советского Союза»

Гнененко, Борис Владимирович – известный советский математик, академик АН Украины, лауреат Госпремии СССР, автор учебника по теории вероятностей, по которому училось не одно поколение советских студентов, основоположник советской и российской школы надежности.

Грушин Петр Дмитриевич – Генеральный конструктор

Дородницын, Анатолий Алексеевич – академик АН СССР, Герой Соцтруда, директор Вычислительного Центра АН СССР.

Дорош (Гольберт) Ефим Яковлевич – известный советский журналист-«деревенщик».

Дружинин, Георгий Васильевич – профессор, доктор наук, автор одной из первых монографий по теории надежности.

Коваленко, Игорь Николаевич – академик АН Украины, лауреат Госпремии СССР, автор многих книг по прикладным проблемам теории вероятностей.

Колмогоров, Андрей Николаевич – один из самых выдающихся в мире математиков XX века, один из крупнейших математиков России за всю ее историю, академик АН СССР.

Коненков, Юрий Кириллович – внук известного русского скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова.

Купреев, Сергей – Первый секретарь Московского городского комитета комсомола Москвы

Лавочкин, Семен Алексеевич – выдающийся советский авиаконструктор, Герой Социалистического труда, академик АН СССР.

Левин, Борис Рувимович – крупный советский специалист в области радиотехники. Автор нескольких книг.

Лопухин, Михаил Михайлович – доктор наук, директор Информационно-вычислительного центра КГБ, потомок Евдокии Лопухиной – первой жены российского царя Петра I.

Макол, Роберт – крупный американский специалист в области исследования операций и системотехники, был Президентом Американского Общества по исследованию операций. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Малеёв Исаак Михайлович – начальник отдела п/я 577 (ОКБ Лавочкина).

Мандельброт, Бенуа – один из крупных американских математиков.

Микадзе, Илья Сардионович – профессор, доктор наук, один из ведущих специалистов Грузии в области теории надежности.

Моисеев, Никита Николаевич – советский и российский математик, академик АН СССР, зам директора ВЦ АН СССР. Автор многих книг.

Ноздрачев Дмитрий Иванович – Ученый секретарь Президиума АН СССР.

Панов, Дмитрий Юрьевич – советский ученый, организовал Всесоюзный институт научно-технической информации (ВИНИТИ), и создал МФТИ на базе физико-технического факультета МГУ, на котором был деканом.

Пегов, Николай Михайлович – заместитель Председателя Верховного Совета СССР.

Половко, Анатолий Михайлович – профессор, доктор наук, один из основоположников ленинградской школы надежности, соавтор первой в СССР книги по расчету надежности.

Поспелов, Гермоген Сергеевич – академик АН СССР, специалист в области искусственного интеллекта.

Прохоров, Юрий Васильевич – академик АН СССР, один из крупнейших советских вероятностников, заведующий кафедрой МГУ.

Прошан, Фрэнк – один из крупнейших американских специалистов по теории надежности. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Пугачев, Владимир Семенович – академик АН СССР, крупный специалист в области теории вероятностей.

Райкин, Анатолий Львович – профессор, доктор наук, автор одной из первых монографий по теории надежности.

Расплетин Александр Андреевич – академик, Генеральный конструктор.

Руденко, Юрий Николаевич – академик АН СССР, директор Сибирского Энергетического института им. Л.А. Мелентьева, академик-секретарь Отделения Энергетики и Транспорта АН СССР

Саати, Томас – выдающийся американский специалист в области исследования операций. Автор нескольких книг, переведенных на русский язык.

Савин, Геннадий Иванович – академик АН РАН, член Президиума РАН, заведующий кафедрой МФТИ.

Сальцман, Шарль – Генеральный Секретарь (фактически первый Президент) Международной Федерации Обществ по исследованию операций (ИФОРС), помощник Президента Франции Жоржа Помпиду.

Семенихин, Владимир Сергеевич – академик АН СССР, лауреат Ленинской премии, Главный Конструктор НИИ АА, заместитель министра Минрадиопрома СССР.

Синица Михаил Алексеевич – один из первых отечественных авторов по надежности.

Сираждинов, Сагды Хасанович – академик АН Узбекистана, вице-президент АН Узбекистана.

Соловьев, Александр Дмитриевич – профессор, доктор наук, лауреат Госпремии СССР, один из крупнейших советских специалистов по теории надежности. Автор многих книг по прикладным проблемам теории вероятностей.

Сорин, Яков Михайлович – талантливый организатор промышленности, один из основоположников советской школы надежности.

Татарский, Александр Михайлович – один из крупнейших советских режиссёров и художников-мультипликаторов, Заслуженный деятель искусств России.

Шеннон, Клод – один из крупнейших американских ученых, считающийся «отцом теории информации».

Шимонис, Казис – известный литовский художник, ученик Микалогоса Чурлениса.

Шор, Яков Борисович – профессор, доктор наук, первый крупный статистик, начавший заниматься вопросами надежности в Советском Союзе.

Ясенский, Андрей Брунович – сын известного польского писателя Бруно Ясенского, погибшего в сталинских застенках.

